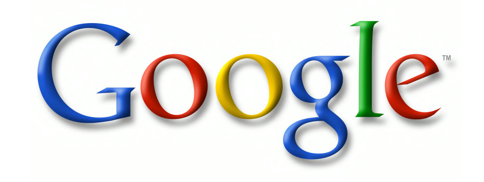

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

С. Глинка-Янчевскій.

ПАГУБНЫЯ ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

По поводу сочиненія К. Ф. Хартулари:

«ПРАВО СУДА И ПОМИЛОВАНІЯ,

какъ

прерогативы Россійской Державности».

> «Въ природѣ человѣка заключается
> «особенная пріятность дѣйствовать по
> «произволу, когда есть къ тому воз-
> «можность».
>
> *И. Соловьевъ.*

> «*Caveant consules*».

(Критическій обзоръ юридическихъ новшествъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный проспектъ, № 59.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Часть вторая.

Выясненіе нѣкоторыхъ частностей:

ВВЕДЕНІЕ.

Со временъ Императрицы Екатерины II въ нашемъ высшемъ обществѣ замѣчается необыкновенное поклоненіе всему иноземному. По мѣрѣ того, какъ въ Россію стало проникать образованіе, мы усваивали и продолжаемъ усваивать себѣ западноевропейскія ученія, не имѣя еще силы создать что либо самобытное. Нами до такой степени овладѣли иноземные философы и спеціалисты по разнымъ отраслямъ наукъ и государственныхъ знаній, что мы готовы были отказываться отъ нашего прошлаго; можно даже сказать,—стыдились всего того, что носило отпечатокъ чисто русскій; мы стыдились и за нашу исторію; стыдились того, что мы русскіе...

Въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, освобожденіе крестьянъ и введеніе судебной реформы вызвали необыкновенный подъемъ всѣхъ нравственныхъ силъ Россіи; но вскорѣ этотъ-то, именно, подъемъ духа довелъ насъ до массы еще большихъ увлеченій и утопій. Высшимъ образованнымъ обществомъ овладѣли еще сильнѣе ученія западной Европы, особенно ученія политическія и политико-экономическія. Всѣ эти ученія проповѣдывали *свободу* личности, *свободу* народной воли, *свободу* труда, *свободу* торговли, и вообще всякую «свободу». Слово: «свобода» дѣйствовало на насъ опьяняющимъ образомъ. Мы рукоплескали всѣмъ, кто кстати или некстати произносилъ это магическое слово. Мы встрѣчали громомъ аплодисментовъ итальянскихъ пѣвцовъ, когда они пѣли бравурныя аріи «La liberta». Тѣми же аплодисментами встрѣчали мы и политико-экономовъ, въ родѣ г. Молинари, когда они, на публичныхъ лекціяхъ, читали намъ поученія о «свободѣ труда». И не замѣчали мы тогда, какая злая иронія скрывалась подъ этимъ заманчивымъ выраженіемъ!..

Но нигдѣ слово «свобода» не производило такого волшебнаго дѣйствія, какъ въ мірѣ юридическихъ ученыхъ. Ихъ взоры

помутились, и они мнили уже себя на верху блаженства, предвкушая, что въ Россіи, не сегодня — завтра, установится западно-европейскій «правовой порядокъ», и Россія превратится въ конституціонное государство, управляемое, конечно, законовѣдами. Вѣдь, иначе и быть не должно. Кому же издавать законы, кому же примѣнять ихъ, какъ не законовѣдамъ. Заимствуя преимущественно у Франціи идеи, принципы и институты, мы должны были бы слѣдовать и системѣ выборовъ въ народное представительство; а Франція... сколько надеждъ она вызывала въ сердцахъ нашихъ юристовъ!.. Во Франціи юристы руководятъ мнѣніемъ Сената, они руководятъ мнѣніемъ палаты, они же выразители общественнаго мнѣнія. Представители землевладѣльцевъ имѣютъ какихъ нибудь 70—75 голосовъ въ палатѣ депутатовъ, промышленники и торговцы 60—65; тогда какъ адвокаты, нотаріусы, ученые юристы, бюрократія и лица разныхъ *свободныхъ профессій* располагаютъ не менѣе 400—420 голосами! Это ли не идеалъ управленія свободной страной на основаніи свободныхъ законовъ!..

Увлеченіе нашихъ юристовъ шестидесятыхъ годовъ овладѣло и всѣми либеральными умами,—а кто же въ Петербургѣ не либералъ!?—и всѣ мы млѣли, слушая поученія и рѣчи нашихъ передовыхъ юристовъ; всѣ мы проникались убѣжденіемъ, что только въ *представительныхъ* и *коллегіальныхъ* учрежденіяхъ можно найти охрану свободы, гарантію противъ всякаго произвола! И всѣ мы забывали тогда нашу мудрую пословицу: «Не все то золото, что блеститъ»...

ПАГУБНЫЯ ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ Г. ХАРТУЛАРИ:

„ПРАВО СУДА И ПОМИЛОВАНІЯ“

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

«Право суда» въ пониманіи юристовъ новѣйшаго направленія.

Кто слѣдилъ за развитіемъ научныхъ изслѣдованій по русскому государственному праву, тотъ несомнѣнно подмѣтилъ одну общую черту, отличающую писателей школы, такъ называемаго, «Правового порядка» — неудержимое стремленіе къ превращенію Россіи въ конституціонное государство. Всѣ, кто читали сочиненія, брошюры или замѣтки юристовъ этой школы, понимали это условное выраженіе — «Правовой порядокъ». Былъ-ли-бы счастливъ русскій народъ, если-бы юристамъ удалось убѣдить высшія правящія сферы въ пользѣ западноевропейскаго «Правового порядка»? — Это такой вопросъ, которымъ въ Петербургѣ никто даже и не интересовался, ибо всѣ считали его внѣ сомнѣній.

Но, такъ какъ всякія чрезмѣрныя увлеченія вызываютъ противодѣйствіе, то въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, раздались голоса истинныхъ русскихъ патріотовъ, которые дружно принялись за разоблаченіе нашихъ космополитическихъ учителей. — Во главѣ русскихъ патріотовъ стояли И. и К. Аксаковы. Но «западники» не складывали оружія; съ тѣхъ поръ, какъ И. Акса-

ковъ разоблачилъ истинное значеніе «Правового порядка»,—измышленъ былъ другой терминъ: «юридическія начала»; и снова началась работа подтачиванія основныхъ, *русскихъ* началъ. Служилая интеллигенція постепенно, исподволь, и перевоспитывается теперь въ духѣ европейскаго космополитизма на почвѣ «*юридическихъ началъ*», на почвѣ «*общихъ* государственныхъ принциповъ».

Нужно однако замѣтить, что въ послѣднее время измѣнились не только термины, принятые нашими юридическими, правильнѣе сказать, политическими учителями, — измѣнились отчасти и конечныя ихъ стремленія.

Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ замѣчено выше, тенденція «Правового порядка» была—къ конституціямъ; мы мечтали о парламентахъ, о трибунахъ..... Нынѣ же «юридическія начала» сводятся къ нѣсколько болѣе узкимъ рамкамъ: исключительно *къ раздѣленію властей*, т. е. къ предоставленію судебной власти дѣйствовать *внѣ всякаго контроля* со стороны не только административной, но и верховной власти. Можно думать, что претензіи новѣйшихъ патріотовъ юридическаго міра стали какъ будто умѣреннѣе; но это только можетъ казаться на первый взглядъ; въ дѣйствительности же, эти претензіи едвали не болѣе еще опасны.

Въ самомъ дѣлѣ, истинно русскіе люди, знакомые съ бытовыми условіями Россіи, съ понятіями народа и съ исторіей русскаго государства,—не могли не раздѣлять мнѣній такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Аксаковы, Самаринъ, Бѣляевы и другіе; но всѣ понимали также, что если конституція являлась-бы въ Россіи великимъ зломъ, то теоретически, на отвлеченной почвѣ, порвавъ всю связь съ нашимъ прошлымъ,—конституція, сама по себѣ, имѣетъ извѣстный смыслъ. Такъ называемый «Правовой порядокъ» не примѣнимъ къ Россіи; но, вѣдь, онъ вполнѣ понятенъ въ примѣненіи къ Англіи или къ Бельгіи; тогда какъ «юридическія начала» современныхъ юристовъ-патріотовъ не примѣнимы ни къ одному народу, ни къ одному государству, ибо въ нихъ замѣчается отсутствіе всякаго логическаго смысла, и подобныя начала, какъ ихъ понимаютъ ученые юристы, приводятъ только къ произволу.

Всякому понятно, что верховная власть можетъ принадлежать или неограниченному монарху, или она можетъ распредѣляться между монархомъ и представителями народа, какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ, или, наконецъ, можетъ при-

надлежать только народу, какъ напр. въ республикахъ. Но, чтобы верховная власть *въ самодержавномъ* государствѣ могла быть хоть на іоту умалена, и чтобы частица верховной власти могла перейдти къ бюрократіи,—этого разумъ человѣческій, а особенно, русскій народъ понять не можетъ. Это такое лукавое фарисейство, которое можно объяснить только всевозможными софизмами и тщательно прикрывать «*юридическими началами*», или «*общими* государственными принципами».

Вотъ почему, съ ученіями шестидесятыхъ годовъ нельзя было согласиться, какъ окончательно не примѣнимыми въ Россіи; но, надо сказать правду,—это были заблужденія—искреннія; увлеченія моднымъ теченіемъ времени безъ всякой задней мысли; тогда какъ въ новѣйшихъ «юридическихъ началахъ» и въ пущенныхъ въ обращеніе «*общихъ* государственныхъ принципахъ» замѣчается проявленіе исключительно кастоваго властолюбія.

Прослѣдимъ теперь, какъ подготовляется служилая интеллигенція къ воспринятію «юридическихъ началъ».

Заговорить открыто «объ устраненіи себя Самодержавною Властью» отъ всякаго участія въ дѣлахъ правосудія,—какъ будто-бы и зазорно. Можетъ явиться подозрѣніе, что люди заговорились. Поэтому новѣйшіе юристы избрали иной методъ изложенія своихъ «ученій». Предпосылается сначала ослѣпительный фейерверкъ трескучихъ фразъ самаго патріотическаго свойства въ чисто русскомъ духѣ, а затѣмъ приводится рядъ историческихъ фактовъ и документовъ, свидѣтельствующихъ о заботливости русскихъ «самовластцевъ»: Великихъ Князей, Царей и Императоровъ, къ искорененію въ судахъ взяточничества, лихоимства и криводушія.

Читатель невольно поддается впечатлѣнію; онъ проникается сознаніемъ, что имѣетъ дѣло съ ученіями чисто русскими; что проводятъ ихъ въ жизнь и люди чисто русскіе, любящіе народъ, любящіе Россію, преданные началамъ Русскаго государства. Когда же впечатлѣніе произведено, когда завоевано довѣріе къ авторитету,—подготовляется почва для воспринятія анти-русской ереси: о *раздвоеніи единовластія*, объ *ограниченіи неограниченной власти;* а интересы народа.... да кто о нихъ думаетъ! Это лишнее бремя.....

Образчикомъ проведенія въ жизнь такихъ именно ученій—можетъ служить сочиненіе г. Хартулари: «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности».

Эпиграфомъ, т. е. исходной точкой, г. Хартулари избралъ извѣстное изрѣченіе Джона Локка:

«Дискреціонная власть, дѣйствующая ради общественнаго блага, внѣ закона и даже вопреки закону, именуется «прерогативою».

Посвящено сочиненіе: «Священной и незабвенной памяти «въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III— «Миротворца».

Прочтя заголовокъ, эпиграфъ, посвященіе и массу историческихъ лѣтописей,—невольно можно умилиться; невольно мысленно скажешь: наконецъ-то появилось сочиненіе, проникнутое историческими традиціями и написанное истинно русскимъ, ученымъ патріотомъ. Но, чѣмъ болѣе было иллюзіи при чтеніи первыхъ страницъ, тѣмъ оскорбительнѣе разочарованіе, когда подходите къ выводамъ діаметрально противоположнаго свойства, не имѣющимъ абсолютно никакой уже связи, ни со всѣми многочисленными лѣтописями, ни съ громкими патріотическими фразами.

На первыхъ страницахъ г. Хартулари убѣждаетъ читателя, что онъ необыкновенно самобытный писатель, не допускающій никакого чужеземнаго вліянія и исповѣдующій вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ единый государственный принципъ,—самодержавія.

> «Несомнѣнно, — говоритъ Хартулари, — что всякое «стремленіе не только къ *умаленію* самаго права (т. е. «права суда и помилованія), но даже *къ усложненію «непосредственныхъ сношеній* народа съ своимъ Государемъ, по разнаго рода ходатайствамъ о *правосудіи* и «*милостяхъ*, будетъ, независимо отъ нарушенія существенныхъ и личныхъ интересовъ самой Верховной власти, «еще актомъ *святотатственнаго оскорбленія* какъ народныхъ традицій, такъ и народнаго чувства»..... (стр. 5).

Не правда ли, трудно составить болѣе цвѣтистую фразу на тему охраненія интересовъ всего русскаго народа! Всякое стремленіе не только *къ умаленію*, но даже *къ усложненію* непосредственныхъ сношеній народа съ своимъ Государемъ должно считаться актомъ святотатственнаго оскорбленія народныхъ традицій, народнаго чувства!...

Подумайте,—какое глубокое пониманіе русскаго народа, духа русской исторіи! Но, все это «слова, слова, слова».... Это—тотъ ослѣпительный фейерверкъ, которымъ нужно при-

тупить зрѣніе, отвлечь вниманіе, завоевать довѣріе къ выводамъ.

Посмотримъ же, къ чему сводятся, по понятіямъ г. Хартулари, *непосредственныя сношенія* народа съ своимъ Государемъ въ дѣлахъ Правосудія?...

Отвѣтимъ на этотъ вопросъ его же подлинными словами.

Перечисливъ въ концѣ сочиненія вереницу ходатайствъ по судебнымъ дѣламъ, принятіе которыхъ должно быть *абсолютно воспрещено*, г. Хартулари заявляетъ, что необходимость абсолютнаго недопущенія къ Государю массы всеподданнѣйшихъ прошеній

> «вызывается *условіями современнаго правосудія, напоми-«нающими*, что *уже наступилъ моментъ* для проведенія «въ жизнь того *общаго* государственнаго принципа *объ «устраненіи себя Самодержавною Властію отъ отпра-«вленія правосудія!*».. (стр. 320).

Итакъ, самъ-же г. Хартулари совершаетъ актъ «святотатственнаго оскорбленія какъ народныхъ традицій, такъ и народнаго чувства». Онъ не только стремится къ умаленію или къ усложненію непосредственныхъ сношеній народа съ Государемъ, *но совершенно уничтожаетъ право народа обращаться къ своему Государю* по многимъ насущнымъ дѣламъ! Мало того, Государь долженъ и Самъ устранить Себя *отъ отправленія правосудія!*—Таковъ логическій выводъ ученаго юриста!...

Чѣмъ-же, однако, объясняется подобная неожиданная измѣна русскому народу?—«условіями современнаго правосудія, *напоминающими* (неизвѣстно кому), что уже наступилъ моментъ»... къ святотатственному оскорбленію народа.

Казалось бы, не лучше-ли исправить условія современнаго правосудія; казалось бы, не правильнѣе-ли прекратить обходъ законовъ, вынуждающій Верховную власть принимать участіе въ правосудіи, нежели прибѣгать къ ослабленію или подтачиванію *основныхъ* началъ, почитаемыхъ священными «прерогативами Россійской Державности» и священной гарантіей русскаго народа. Всякій русскій человѣкъ, конечно, такъ бы и сказалъ: «пропадите вы, всѣ *условія современнаго правосудія*, если на кривду, чинимую намъ, мы не можемъ искать Царской правды»; но патріотъ судебнаго вѣдомства проповѣдуетъ иное: онъ совѣтуетъ поступиться «существенными и личными интересами Верховной власти», лишь бы спасти условія современнаго правосудія съ безконечными состязательными рѣчами, съ

безотвѣтственностью судей и съ широкимъ толкованіемъ законовъ, уничтожающимъ, сплошь и рядомъ, прямой ихъ смыслъ.

Впрочемъ, такъ какъ г. Хартулари увѣряетъ насъ, что условія современнаго правосудія *напоминаютъ* лишь, что наступилъ уже какой-то моментъ совершить актъ святотатства, то, быть можетъ, люди, власть имущіе, усомнятся, будто бы «условія современнаго правосудія» вызываютъ необходимость лишить народъ величайшей гарантіи противъ неправосудія и кривды.

Но, *для чего*-же, однако, понадобилось г. Хартулари отрѣшеніе отъ исконныхъ нашихъ историческихъ началъ? *Для чего* понадобилось ему ограниченіе неограниченной власти?—«*Для юридическаго перевоспитанія народа*»! — такъ поучаетъ насъ г. Хартулари.... (стр. 321).

Итакъ, русскій народъ, воспитанный тысячалѣтіемъ въ духѣ *единовластія,* долженъ быть *юридически перевоспитанъ*, чтобы уразумѣть принципъ *раздѣленія властей*, т. е. принципъ *двоевластія*! Русскій народъ долженъ быть перевоспитанъ, чтобы уразумѣть, что Верховной Власти отнынѣ слѣдуетъ «устранить себя отъ отправленія правосудія» и передать часть этой власти Ею же назначаемымъ чинамъ судебнаго вѣдомства! Народъ долженъ будетъ также уразумѣть, что дѣлается все это не во имя удовлетворенія властолюбія немногихъ гг. законовѣдовъ, а *для народнаго-же блага*, для возбужденія въ народѣ уваженія къ закону и къ суду!

И подобная-то юридическая казуистика именуется «*общимъ*» государственнымъ принципомъ! И не угодно-ли ради такой-то казуистики *юридически перевоспитывать* русскій народъ!..

Позволимъ себѣ, однако, напомнить г. Хартулари, что всякое уваженіе заслуживается, а не навязывается. Если всѣ судьи будутъ уважать законъ, то будетъ его уважать и народъ; если всѣ судьи будутъ сами себя уважать, если въ судахъ исчезнетъ на-всегда взяточничество, корыстолюбіе и лицепріятіе, то явится уваженіе и къ суду; и само собою, такъ сказать, фактически исчезнетъ надобность прибѣгать къ защитѣ Верховной власти. Устраненіе-же этой власти отъ отправленія правосудія тутъ ровно не причемъ. Напротивъ, если Верховная власть дѣйствительно устранитъ себя отъ отправленія правосудія, то народъ будетъ бояться малѣйшаго соприкосновенія съ судомъ пуще вражескаго нашествія, и факты публичной, хотя, вѣроятно, и

не основательной, брани судей взяточниками, являющіеся теперь случаями исключительными,—станутъ обыденными.

Напрасно г. Хартулари прикрываетъ открытую измѣну основному государственному принципу, — стремленіемъ возбудить въ народѣ уваженіе къ суду;—подобное объясненіе шито бѣлыми нитками.

Покончивъ съ «правомъ суда», г. Хартулари принимается за регламентировку «права помилованія»; и въ этомъ вопросѣ точно также онъ не щадитъ, ни «народныхъ традицій», ни «народнаго чувства».

Глава II.

Искаженное пониманіе «Права помилованія».

Достойно вниманія, что юридическая казуистика приводитъ г. Хартулари къ убѣжденію, будто бы «*самовластцы*» древней Россіи *не могли пользоваться правомъ помилованія;* «*не могло быть и рѣчи*,—говоритъ г. Хартулари,—о *прерогативѣ* княжеской власти *на помилованіе* или *смягченіе участи* преступника». (Особенная Часть, стр. 13).

Итакъ, прерогатива помилованія или смягченія участи является чѣмъ-то произвольнымъ, чѣмъ-то въ родѣ присвоенія себѣ права, неизвѣстнаго древней Россіи. Таково пониманіе нашимъ «ученымъ» старинныхъ отношеній «*самовластцевъ*» къ народу!

Но, такъ какъ въ Римѣ существовало право помилованія; такъ какъ многіе европейскіе ученые признаютъ это право, то и г. Хартулари снисходитъ къ современнымъ чувствамъ народа и допускаетъ дальнѣйшее сохраненіе «права помилованія», но только при установленіи извѣстныхъ регламентовъ.

Въ основѣ регламентировки лежитъ: «обязательное» препровожденіе всѣхъ ходатайствъ о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ къ «Министру Юстиціи, если проситель осужденъ судами гражданскаго вѣдомства», и затѣмъ, Министръ Юстиціи представляетъ подобныя ходатайства «на Высочайшее воззрѣніе».

Итакъ, помимо Министра Юстиціи, нѣтъ доступа къ Го-

сударю. Позволимъ себѣ сопоставить этотъ регламентъ съ предисловіемъ г. Хартулари, и спросить: не является-ли этотъ регламентъ посягательствомъ на «непосредственныя сношенія народа со своимъ Государемъ»? не есть-ли это стремленіе къ *усложненію* самыхъ сношеній, т. е. «святотатственное оскорбленіе какъ народныхъ традицій, такъ и народнаго чувства»?...

Г. Хартулари, устанавливая этотъ регламентъ, ссылается на существующій порядокъ и на Высочайшее повелѣніе «о подчиненіи Министру Юстиціи Главнаго Тюремнаго Управленія».

Какъ изволите видѣть, постановка вопроса довольно своеобразная. Несомнѣнно, пока существуетъ законъ, мы должны повиноваться ему; мы должны руководствоваться установленнымъ порядкомъ,—это всѣмъ понятно. Но, если вопросъ обсуждается на научной почвѣ, а тѣмъ болѣе, если г. Хартулари прикрывается уваженіемъ къ народнымъ традиціямъ и къ народному чувству, то ссылка на установленный порядокъ, по меньшей мѣрѣ, неудобна. Подобный пріемъ тѣмъ болѣе не соотвѣтствуетъ достоинству историческаго изслѣдованія, что въ данное время, онъ-же возбудилъ вопросъ о цѣлесообразности установленнаго порядка и, слѣдовательно, этотъ порядокъ признанъ имъ самимъ подлежащимъ научной разработкѣ.

Разсматривая-же установленіе регламента, по силѣ котораго всѣ ходатайства о помилованіи должны быть *обязательно* передаваемы Министру Юстиціи, — мы должны сказать, что такой регламентъ безусловно противорѣчитъ истинному смыслу «прерогативъ Россійской Державности», ибо прерогативы проявляются «*внѣ закона* и даже *вопреки закону*». Слѣдовательно, всякое установленіе порядка, какъ «обязательно», должны проявляться прерогативы Россійской Державности,—лишено логическаго значенія.

Если перевести юридическія доктрины г. Хартулари на русскій языкъ, то выйдетъ: Верховная Власть, проявляя свою милость *внѣ закона* и даже *вопреки закону*, должна руководствоваться *закономъ*,—дѣйствовать «обязательно» по докладу Министра Юстиціи *).

Не удивляйтесь этому выводу; затѣмъ и изобрѣтенъ особый

---

*) Въ послѣдующихъ главахъ мы выясняемъ, что самая исходная точка всего ученія г. Хартулари является прямою ересью; но объ этомъ рѣчь еще впереди; здѣсь же мы указываемъ лишь на отсутствіе логической связи между исходными положеніями и выводами.

юридическій языкъ, чтобы «проводить въ жизнь» кастовыя вожделѣнія.

Всякому русскому человѣку понятно, что въ вопросѣ о «помилованіи» Верховная власть не можетъ быть стѣснена рѣшительно никакими, заранѣе установленными, порядками; а тѣмъ болѣе, указаніемъ *лица,* которое «обязательно» должно докладывать Государю всѣ ходатайства осужденныхъ. Всякому понятно также, что въ каждомъ данномъ случаѣ могутъ быть приняты различные пути къ провѣркѣ всеподданнѣйшаго прошенія. Напримѣръ, если осужденный состоялъ на государственной службѣ, то было бы ближе къ цѣли поручить собраніе справокъ о личности осужденнаго подлежащему Министру. Если осужденный принадлежалъ къ дворянамъ, купцамъ или крестьянамъ, то справки о немъ есть возможность получить чрезъ Губернатора, Предводителя Дворянства, чрезъ Городского Голову, Купеческаго Старосту и проч. Министръ Юстиціи тутъ ровно не причемъ. Людей *милуютъ не за преступленія*, извѣстныя Министру Юстиціи, а за *прошлую жизнь* осужденнаго, за его *нравственныя качества*, за *прежнія заслуги* и проч. А вотъ, этого-то Министръ Юстиціи знать и не можетъ. Наконецъ, Государю, быть можетъ, угодно будетъ поручить повѣрку ходатайства одному изъ Своихъ Генералъ-Адъютантовъ или кому либо изъ Своей свиты. Причемъ-же тутъ «обязательная» передача прошеній Министру Юстиціи; причемъ тутъ регламенты?..

Обсуждая вопросъ о помилованіи на принципіальной почвѣ, можно сказать совсѣмъ обратное: наименѣе подходящій путь повѣрки ходатайствъ—это, именно, чрезъ Министра Юстиціи.

Министръ Юстиціи есть блюститель,—но только *закона*, а вовсе не прерогативъ, проявляющихся *внѣ закона*. Министръ Юстиціи долженъ быть проникнутъ сознаніемъ необходимости однообразнаго, неотступнаго примѣненія закона. Въ его пониманіи, всякое малѣйшее уклоненіе отъ закона, является уже нарушеніемъ его. Слѣдовательно, принципіально, Министръ Юстиціи, по свойству своей должности, долженъ быть противникомъ всякихъ милостей *внѣ закона,* а тѣмъ болѣе *вопреки закону.*

Затѣмъ, въ настоящее время выдвинутъ еще одинъ юридическій принципъ, крайне сомнительнаго свойства: «поддержаніе авторитета судебныхъ рѣшеній». Въ силу этого принципа, чѣмъ очевиднѣе несправедливость судебнаго рѣшенія, тѣмъ

болѣе приходится напрягать усилій къ поддержанію авторитета его, и, слѣдовательно, тѣмъ правдоподобнѣе, что человѣкъ, завѣдомо невинно осужденный, никогда не будетъ признанъ заслуживающимъ помилованія, если только Министръ Юстиціи будетъ раздѣлять принципъ «поддержанія авторитета судебныхъ рѣшеній».

Въ прежнее время авторитетъ судебныхъ рѣшеній поддерживался суровыми взысканіями съ виновныхъ, постановившихъ неправосудное рѣшеніе; а теперь, при безнаказанности судей, для поддержанія авторитета, отъ народа требуется абсолютное уваженіе къ самому несправедливому рѣшенію. Нынѣ, «правдой» можно жертвовать, лишь бы поддержать авторитетъ судебныхъ рѣшеній. Очевидно, при такихъ «условіяхъ современнаго правосудія» передача ходатайствъ о помилованіи «обязательно» Министру Юстиціи равносильна не ослабленію, а полному сокращенію прерогативъ Россійской Державности.

Г. Хартулари, по своему, крайне своеобразному, пониманію «условій современнаго правосудія», усматриваетъ еще основаніе оправдывать ненормальный порядокъ въ дѣлѣ помилованія тѣмъ, что Министру Юстиціи подчинено Главное Тюремное Управленіе. Но, вѣдь, самое это подчиненіе можетъ быть объяснено скорѣе всего какими нибудь практическими соображеніями данной минуты; *съ принципіальной-же точки зрѣнія,* подобное подчиненіе, само по себѣ, едва-ли можетъ считаться полезнымъ.

Тюрьмы, гдѣ содержатся заключенные, по постановленіямъ или приговорамъ *судебныхъ органовъ*, подчиняются тому-же *судебному вѣдомству!* Вѣдь, съ подобнымъ подчиненіемъ, арестанты становятся прямо беззащитными: имъ не кому жаловаться на самыя явныя притѣсненія!.. Если принципъ «раздѣленія власти», доведенный до крайнихъ предѣловъ, стоитъ выше всякихъ жизненныхъ требованій, выше защиты заключенныхъ, — въ такомъ случаѣ, подчиненіе Главнаго Тюремнаго Управленія Министру Юстиціи имѣетъ еще нѣкоторое объясненіе; но чтобы это подчиненіе созидало еще «обязательство» передавать въ руки Министра Юстиціи и всѣ сношенія народа съ своимъ Государемъ по вопросамъ о помилованіи,— здравый смыслъ русскаго человѣка понять не въ силахъ. Какой-же будетъ результатъ такого положенія вещей? Даетъ-ли себѣ отчетъ г. Хартулари въ томъ, что онъ проповѣдуетъ? Верховная власть должна устранить себя отъ отправленія правосудія, передавая свою власть всецѣло судебному вѣдомству;

этому-же вѣдомству подчиняются мѣста заключенія и ссылки; а затѣмъ, и помилованіе не должно иначе проявляться, какъ только по докладу главы судебнаго вѣдомства. И неужели этотъ-то порядокъ и составляетъ *то* охраненіе священныхъ прерогативъ Россійской Державности, о которомъ, въ самыхъ высокопарныхъ фразахъ говорится въ предисловіи и въ разныхъ мѣстахъ сочиненія?..

Но, что наиболѣе поражаетъ въ выводахъ г. Хартулари,— это несообразность мотивовъ. За кого онъ считаетъ весь тотъ народъ, за который выступаетъ со своей защитой? И какова смѣлость объяснять язвами современнаго правосудія необходимость установленія какихъ-то «обязательныхъ» рамокъ для проявленія Верховною властью права помилованія! Несомнѣнно, ни Министръ Юстиціи, и никто другой изъ судебнаго вѣдомства не уполномачивали г. Хартулари проповѣдовать зло, и этимъ зломъ прикрываться; несомнѣнно, г. Хартулари дѣйствуетъ, въ данномъ случаѣ, на свой собственный рискъ, хотя и старается установить свою солидарность съ оффиціальнымъ юридическимъ міромъ.

Чѣмъ, напримѣръ, объясняетъ г. Хартулари необходимость «обязательной» передачи всеподданнѣйшихъ прошеній о помилованіи Министру Юстиціи?—Министръ Юстиціи располагаетъ-де «*секретными* свѣдѣніями, *касающимися не только самаго преступленія, но и личности осужденнаго*»!.. (стр. 331).

Быть можетъ, вся эта фраза,—ни что иное, какъ плодъ фантазіи г. Хартулари; но, если дѣйствительно практикуется система *секретныхъ* свѣдѣній, касающихся не только *самаго преступленія*, но и *личности осужденнаго*, то остается лишь сожалѣть, что наше правосудіе находится на такомъ низкомъ уровнѣ, и что на «судъ совѣсти» предъявляются не всѣ данныя, имѣющіяся въ распоряженіи судебныхъ органовъ, а прибѣрегаются кое-какія *секретныя* свѣдѣнія, противъ которыхъ обвиняемые, очевидно, бываютъ беззащитны. Неужели и самъ г. Хартулари не замѣчаетъ, какой диссонансъ чувствуется въ понятіяхъ: «правосудіе» и «секретныя свѣдѣнія»? Вѣдь эти понятія другъ друга исключаютъ! И неужели-же г. Хартулари не сознаетъ, что секретныя свѣдѣнія могутъ быть правдивыми, но могутъ быть самыми невѣрными и даже самыми пристрастными.

Мы должны думать, что система секретныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ правосудія вовсе и не практикуется; а если гдѣ-либо подобная язва и существуетъ, то ее надлежитъ вырвать съ

корнемъ, а отнюдь не объяснять еще подобнымъ зломъ «обязательныя» рамки прерогативъ Россійской Державности. Г. Хартулари, видимо, не даетъ себѣ отчета какой неприглядный софизмъ онъ проповѣдуетъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ откровенность его отчасти полезна, но только въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ думаетъ: — быть можетъ, эта откровенность заставитъ подлежащія власти обратить вниманіе на возможность зла, дабы его искоренить; сама-же по себѣ эта откровенность не только оскорбляетъ «народныя чувства», но оскорбляетъ даже понятіе о нашемъ «правосудіи».

Хороша также логика г. Хартулари, когда онъ силится доказать, что, такъ какъ Министръ Юстиціи располагаетъ еще *достовѣрными* свѣдѣніями тюремнаго начальства о поведеніи осужденнаго, то только онъ и можетъ быть докладчикомъ по вопросамъ о помилованіи.

Итакъ, прерогативы Россійской Державности, въ самомъ высокомъ, въ самомъ гуманномъ проявленіи своемъ, поставлены въ зависимость отъ *секретныхъ* свѣдѣній обвинителей-же и *достовѣрныхъ* донесеній тюремщиковъ!.. Не есть-ли это святотатственное оскорбленіе народнаго чувства, народныхъ традицій! Не это-ли измѣна русскому народу?!

Видимо, г. Хартулари и самъ сознаетъ, что проповѣдуетъ какую-то анти-русскую, неприглядную, ересь, такъ какъ спѣшитъ прикрыть ее ссылками на имена высоко-поставленныхъ лицъ, и прибѣгаетъ даже къ такимъ аргументамъ, которые приходится принимать просто на-вѣру, хотя, конечно, не можетъ не понимать, что эти-то аргументы ровно уже никакого отношенія къ данному вопросу не имѣютъ.

Такъ, г. Хартулари заявляетъ, что при высокомъ пониманіи *настоящимъ* Министромъ Юстиціи «милости и милосердія»,

> — «само собою разумѣется, что всякія опасенія и всякій «протестъ противъ посредничества Министра Юстиціи «между Верховною властью и осужденныхъ... являются «*опасеніями* и *протестами*, абсолютно неумѣстными»...

Позволимъ себѣ спросить: о какихъ опасеніяхъ или протестахъ говоритъ г. Хартулари? Кто и когда высказывалъ какіе-либо протесты или опасенія? Въ данномъ вопросѣ нѣтъ мѣста ни опасеніямъ, ни протестамъ. Если Верховная власть возложитъ обязанности посредника на Н. В. Муравьева, въ виду высказаннаго имъ мнѣнія, что «милость смягчаетъ, гдѣ слѣдуетъ, суровое дѣйствіе правды», или по инымъ соображе-

ніямъ, то всѣмъ ста милліонамъ народа останется только преклониться предъ волей Самодержавной власти, какіе бы ни были опасенія или протесты отдѣльныхъ лицъ. Но вопросъ вовсе не въ томъ. Нельзя въ «научномъ» сочиненіи приводить мотивы, которые приходится принимать на-вѣру, какъ, напр., личныя убѣжденія кого-либо изъ сановниковъ, на основаніи высказанныхъ имъ мнѣній. Объ этомъ въ «ученыхъ» книгахъ не прилично даже говорить, особенно, если принять въ соображеніе, что сегодня Министромъ Юстиціи можетъ быть человѣкъ съ одними взглядами на «милость и милосердіе», а завтра — съ другими. И что произойдетъ съ этою «милостью и милосердіемъ», если на посту Министра Юстиціи будетъ человѣкъ злопамятный, мстительный, жестокій?.. Законы пишутся независимо отъ личныхъ качествъ или взглядовъ того или другаго Министра, ибо, если приноравливать законы къ личностямъ, то пришлось бы ихъ слишкомъ часто мѣнять. Къ тому-же, г. Хартулари, вѣроятно и самъ понимаетъ, что регламенты устанавливаются только какъ гарантія противъ злоупотребленій исполнителей закона, противъ ослушанія исполнителей воли Верховной власти; но никогда еще мы не слыхали, чтобы устанавливались регламенты съ цѣлью ограниченія воли или прерогативъ самой неограниченной власти. Вотъ почему требованіе, чтобы то или иное лицо было *обязательнымъ* посредникомъ между Верховною властью и народомъ — является ересью, и тѣмъ именно оскорбленіемъ, о которомъ самъ г. Хартулари такъ напыщенно говоритъ въ своемъ предисловіи. *Законъ* не можетъ обязывать Верховную власть руководствоваться непремѣнно докладомъ Министра Юстиціи; *законъ* не можетъ навязывать Верховной власти посредниковъ между нею и народомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда Верховная власть дѣйствуетъ *внѣ закона* и *вопреки закону*. Избраніе посредника есть право исключительно самого Монарха, и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ этотъ вопросъ. Народу, быть можетъ, даже не желательно знать впередъ назначенныхъ посредниковъ, ибо онъ обращается непосредственно къ своему Государю; а кому Государь прикажетъ провѣрить прошеніе о помилованіи — этого *никто и знать не долженъ*, иначе, въ понятіяхъ народа, помилованіе будетъ зависѣть не отъ Государя, а отъ посредника, что будетъ новымъ оскорбленіемъ народнаго чувства. Не всякій пожелаетъ просить помилованія, если будетъ знать, отъ кого оно зависитъ.

И вѣдь, все это азбука *русскаго* государственнаго права; и *русскому* писателю надлежитъ это всегда помнить, особенно, если онъ берется еще *перевоспитывать русскій народъ* для уразумѣнія «юридическихъ началъ». Чтобы перевоспитывать русскій народъ, нужно самому понимать основное начало Русскаго государства, нужно знать духъ народа, его традиціи, его исторію; а г. Хартулари, видимо, ни съ чѣмъ еще не ознакомился, если онъ, при обсужденіи вопроса о проявленіи прерогативъ Россійской Державности, рѣшается произносить слово: «обязательно»; или, если, говоря о священныхъ гарантіяхъ всего народа, онъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ личныхъ качествъ кого бы то ни было. Вѣдь—это высшая степень неделикатности.

И съ такими-то младенческими понятіями, навыдергавъ изъ архивовъ массу лѣтописей, и не усвоивши себѣ смысла ихъ, г. Хартулари вздумалъ *содѣйствовать* въ разрѣшеніи вопроса первостепенной, дѣйствительно государственной, важности. Не высокаго-же онъ мнѣнія о русскомъ образованномъ обществѣ, если думаетъ, что, прикрывшись патріотическимъ флагомъ: заголовкомъ, эпиграфомъ, посвященіемъ и трескучими фразами,—можно начать подъ шумокъ перевоспитаніе русскаго народа въ духѣ «юридическихъ началъ», и никто не замѣтитъ, что подъ этимъ флагомъ скрывается прямое служеніе властолюбію и безусловная измѣна всему русскому народу.

Глава III.

Историческіе примѣры властолюбивыхъ замысловъ къ ограниченію самодержавія.

Мы разсмотрѣли уже, къ чему сводится, по понятіямъ г. Хартулари, «Право суда и помилованія». Мы прослѣдили и за той юридической казуистикой, которой онъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Остается еще выяснить, что поползновенія г. Хартулари внести политическую ересь и стремленіе его проводить въ жизнь «*общій* государственный принципъ» объ ограниченіи себя Верховною властью—вовсе не но-

вость въ жизни русскаго народа. А затѣмъ, представимъ рядъ фактовъ, свидѣтельсгвующихъ, что *ссылка* его-же на «*условія современнаго правосудія*» — условія, дающія, будто бы, право высказывать подобную ересь «объ устраненіи себя Самодержавною Властью отъ отправленія правосудія» — составляетъ ничто иное, какъ щитъ, которымъ прикрываютъ юристы новѣйшей школы свои лжеученія.

Во всѣ періоды исторіи Россіи находились искатели удобнаго *момента* для ограниченія самодержавія. Всегда были безпокойные, недовольные элементы, обуреваемые кастовымъ или личнымъ властолюбіемъ, которымъ казалось, что благо народа требуетъ ограниченія самодержавной власти. По понятіямъ такихъ властолюбцевъ, народъ можетъ быть счастливъ только въ томъ случаѣ, если *они* будутъ пещись о народѣ; и потому, они всегда считали, что «*наступилъ уже моментъ*» ограниченія неограниченной власти. Тѣмъ не менѣе, однако, происки отдѣльныхъ лицъ никогда не имѣли вліянія на государственный строй; *недовоспитанный* народъ, своимъ народнымъ чутьемъ, понималъ истинный смыслъ заботливости честолюбцевъ и потому, *всегда давалъ отпоръ* подобнымъ поползновеніямъ. И мы видимъ, что *всегда*, когда всему народу приходилось высказывать свою волю,—онъ твердо настаивалъ *на безусловномъ сохраненіи самодержавія во всей его неприкосновенности*.

Напомнимъ г. Хартулари наиболѣе яркіе примѣры стремленій честолюбцевъ къ ограниченію Верховной власти и вспомнимъ, какъ относился народъ къ этимъ стремленіямъ.

Наибольшее стремленіе въ этомъ направленіи проявилось въ царствованіе Іоанна IV. Самонадѣянность многихъ бояръ, считавшихъ, что «наступилъ уже моментъ» вступить въ борьбу съ самодержавіемъ,—была настолько велика, что нѣкоторые изъ нихъ отказались принести присягу, назначавшемуся Іоанномъ наслѣднику престола,—младенцу Димитрію. Мы знаемъ, какія потрясающія послѣдствія вызвало открытое ослушаніе нѣкоторыхъ честолюбцевъ; мы знаемъ, какія жестокія казни сопровождали гнѣвъ царя. Казалось бы, недовольство должно было стать общимъ, поголовнымъ; казалось бы, что весь народъ долженъ былъ стать на сторону ослушныхъ бояръ; и тѣмъ не менѣе, когда Іоаннъ IV заявилъ о своемъ намѣреніи оставить престолъ,—народъ-же умолялъ его не покидать царства.

Напрасно наши юристы властолюбиваго направленія не придаютъ значенія подобнымъ фактамъ. Въ нихъ громадный

историческій смыслъ. Они свидѣтельствуютъ, что, не смотря на жестокости царя, народъ все-таки сознавалъ, что это бѣдствіе *преходящее*, тогда какъ ограниченіе власти царя неминуемо приведетъ къ *вѣчному, безнаказанному произволу* множества царьковъ. Это — чрезвычайно знаменательный фактъ: во время самыхъ страшныхъ казней, указывавшихъ даже на болѣзненное состояніе Іоанна IV, — народъ не допустилъ ни малѣйшей перемѣны правленія!...

И вѣдь это былъ не единичный случай. Развѣ при избраніи на царство Бориса Годунова не было сильной партіи, считавшей, какъ нынѣ говоритъ и г. Хартулари, что «*наступилъ уже моментъ*» ограниченія Верховной власти?... Но народъ, въ лицѣ своихъ представителей на Земскомъ Соборѣ, безусловно отвергъ эти происки, и вручилъ Годунову власть самодержавную.

Слѣдимъ далѣе. Послѣ Лжедмитрія, захватываетъ власть Василій Ивановичъ Шуйскій и даетъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ совѣта бояръ. Подобное ограниченіе верховной власти производитъ самое тягостное впечатлѣніе на народъ. Шуйскій падаетъ; и когда, въ 1613 году, послѣ смутнаго времени и междуцарствія, собрался Великій Земскій Соборъ для избранія Царя, то представители «всякихъ людей, всякихъ чиновъ всего великаго Россійскаго царствія», т. е. выборные «всей земли» русской,—просили Михаила Ѳеодоровича Романова принять власть неограниченную, самодержавную.

И такъ, *народъ* никогда *не искалъ моментовъ* для ограниченія самодержавія; а когда отдѣльные властолюбцы *находили такіе моменты*, то народъ отвергалъ непрошенныя заботы, ибо инстинктивно чувствовалъ, къ чему въ Россіи можетъ привести ограниченіе самодержавія.

Въ томъ-же родѣ мы видимъ примѣръ и въ XVIII столѣтіи, когда Верховный Тайный Совѣтъ добился письменнаго согласія Анны Іоанновны на ограниченіе ея власти. Народъ даже не подозрѣвалъ происковъ честолюбивыхъ «Верховниковъ». Сенатъ-же и Генералитетъ безмолвствовали... Но на выручку народа явилось русское дворянство: оно не допустило образованія олигархіи; и какъ только Анна Іоанновна пріѣхала въ Москву,—тотчасъ-же многочисленная депутація отъ дворянъ явилась во дворецъ и подала просьбу о возстановленіи самодержавія....

Такъ разбился и замыселъ «Верховниковъ» о стойкія по-

литическія убѣжденія русскаго дворянства,—этого высшаго сословія русскаго народа.

Съ тѣхъ поръ продолжаютъ проявляться, отъ времени до времени, такія же поползновенія въ средѣ служилой интеллигенціи; но въ послѣднее время эти поползновенія болѣе «тонко» обставляются. Теперь на помощь выдвигается «наука» со своими «*юридическими* началами», съ «*общими* Государственными принципами», съ «*внѣшними признаками* юридической силы законовъ»,— «наука», выясняющая намъ, что теперь несомнѣнно, «*насталъ уже моментъ* для устраненія себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія»; и, если *народъ* и теперь еще не понимаетъ значенія *юридическихъ* принциповъ, то, очевидно, остается только «*юридически его перевоспитать*»...

Да, современные властолюбцы—не бояре временъ Іоанна IV или Бориса Годунова; они — и не «Верховники» временъ Анны Іоанновны; это—люди «науки». Они исподволь, на научной почвѣ, перевоспитываютъ служилую бюрократію и добиваются бо́льшихъ успѣховъ, судя по результатамъ. Они добились уже существенныхъ ограниченій верховной власти въ пользу независимости судебнаго вѣдомства, провозгласивъ вмѣсто *единовластія*—«*общій* государственный принципъ» *раздѣленія властей*, т. е.—*двоевластія*. Они убѣдили правящія сферы, что «насталъ уже моментъ» воспретить принципіально и на практикѣ принятіе жалобъ Самодержавною властью на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, въ виду юридическаго принципа: поддержанія авторитета судебныхъ рѣшеній. Теперь же они идутъ еще далѣе: они требуютъ окончательнаго устраненія себя Верховною властью *отъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ*, прикрываясь въ тоже время неприкосновенностью прерогативъ «Россійской Державности», охраняя, какъ будто «Право суда и помилованія...»

Великое дѣло—«наука!» Чего только нельзя доказать научнымъ путемъ, если искусно пользоваться «наукой». Присмотритесь, какъ незамѣтно, какъ тонко насъ перевоспитываютъ. Принципъ самодержавія не оспаривается; юристы новѣйшаго направленія говорятъ даже *о народныхъ традиціяхъ*, *о народныхъ чувствахъ;* но рядомъ съ принципомъ «самодержавія» нарождается и зрѣетъ другой принципъ «устраненія себя Самодержавною властью» отъ всѣхъ, самыхъ насущныхъ дѣлъ. Подъ знаменіемъ *единовластія* юристы проводятъ принципъ *двоевластія;* и наука съ этимъ вполнѣ примиряется. Мало того,

2

юристы находятъ даже матеріалъ *въ исторіи* для подкрѣпленія своихъ «научныхъ» доктринъ; по ихъ выводамъ оказывается, что мы дѣйствительно недовоспитаны. Такъ напримѣръ, мы и не подозрѣвали, что Петръ Великій дѣлалъ уже «*попытки* къ проведенію въ жизнь и въ законодательство принципа *совершеннаго устраненія* самодержавной власти отъ **непосредственнаго** участія въ отправленіи правосудія» (стр. 100)!.. Каково пользованіе наукой! Петръ Великій дѣлаетъ *попытки* передать судебному вѣдомству часть своей самодержавной власти!

Неугодно ли теперь прослѣдить, какъ тонко г. Хартулари подготовляетъ свой *юридическій* выводъ.

Петру Великому навязываются сначала «попытки» устранить себя «отъ *непосредственнаго*» участія въ судебныхъ дѣлахъ, какъ будто бы самодержавная власть обязана была участвовать *непосредственно* въ разборѣ всякихъ тяжбъ и преступленій! Затѣмъ говорится уже, что «наступило наконецъ время осуществленія *государственнаго принципа Петра Великаго*» (стр. 119); и въ заключеніе заявляется въ самомъ положительномъ тонѣ, что «насталъ-де уже моментъ» для проведенія въ жизнь того *общаго* государственнаго принципа «объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія» (стр. 320). Сличая первую фразу (стр. 100) со второю (стр. 320), мы видимъ, что во второй фразѣ слово: «*непосредственнаго*»—исчезаетъ; и потому выходитъ, что въ виду мнимыхъ «попытокъ» Петра Великаго устранить Самодержавную власть отъ «*непосредственнаго*» участія въ правосудіи, нынѣ *насталъ уже моментъ*, когда самодержавная власть не должна принимать не только *непосредственнаго*, но и вообще *никакого* участія въ отправленіи правосудія!

Вотъ образчикъ юридической логики! Только путемъ, именно, этой логики можно договариваться до такихъ чудовищныхъ несообразностей! Петръ Великій, засѣдавшій неоднократно лично въ Сенатѣ, не разставаясь, конечно, и тамъ со своей дубинкой; Петръ Великій, внѣдрявшій порядокъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, начиная съ самаго же Сената; Петръ Великій, устанавливавшій штрафы на судей и даже часы засѣданій; Петръ Великій, издавшій историческій Указъ 17 апрѣля 1722 года, которымъ воспрещалось судьямъ подкладывать мины «подъ фортецію правды», которымъ воспрещалось играть законами, «какъ въ карты, прибирая масть къ масти»; Петръ Великій, олицетворявшій собою, во всемъ величіи, идею само-

державія,—по юридическимъ изслѣдованіямъ г. Хартулари,—дѣлалъ «попытки» къ устраненію себя отъ правосудія, видя притомъ, что во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ замѣчалось общее стремленіе требовать Указа на Указъ, «дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить!»... Можно морочить людей, но нужно же имѣть хоть чувство мѣры....

Если же г. Хартулари усматриваетъ «попытки» Петра Великаго въ недостигшемъ цѣли воспрещеніи подавать ему жалобы на Сенатъ, то остается посовѣтовать г. Хартулари справиться въ академическомъ словарѣ, что означаетъ слово «докучать»; тогда онъ уяснитъ себѣ, на сколько мнѣніе его о «попыткахъ» далеко отъ исторической истины. Можно также посовѣтовать г. Хартулари вникнуть въ смыслъ указа объ учрежденіи должности рекетмейстера; быть можетъ, у него пропадетъ смѣлость заниматься такимъ страннымъ повѣствованіемъ, будто бы Петръ Великій дѣлалъ «попытки» къ установленію двоевластія, предоставляя судебному вѣдомству въ самодержавномъ государствѣ—самостоятельную, безконтрольную власть!.. Петру Великому «докучали» жалобами и онъ воспретилъ подачу ихъ; но Онъ же, вслѣдъ за тѣмъ, учредилъ спеціальную должность рекетмейстера для принятій прошеній и жалобъ... Дай Богъ, чтобы Верховная власть всегда слѣдила за правосудіемъ съ тою же бдительностью, какъ слѣдилъ Петръ Великій!... И такому-то Монарху навязываются анти-русскіе государственные принципы!

Изъ приведеннаго разбора, безъ сомнѣнія, всякій безпристрастный читатель убѣдится, что сочиненіе г. Хартулари не заслуживаетъ даже серьезной критики. И если мы разберемъ еще нѣсколько неделикатныхъ его замѣчаній относительно прерогативъ Россійской Державности, то только потому, что г. Хартулари прикрылся несоотвѣтственнымъ флагомъ. Если, по убѣжденіямъ г. Хартулари, требуется перевоспитаніе русскаго народа; если дѣйствительно требуется уничтоженіе «Права суда» и крайнее стѣсненіе «права помилованія», т. е. самыхъ существенныхъ и наиболѣе драгоцѣнныхъ, для всего народа, прерогативъ Россійской Державности, — то и надлежитъ выступать открыто со своими доводами. Незачѣмъ было нагромождать другъ на друга множество историческихъ документовъ, не имѣющихъ никакой, даже юридической связи съ выводами. И тѣмъ болѣе, незачѣмъ прикрываться русскимъ патріотическимъ флагомъ и, приведенными нами, трескучими фра-

зами. Свобода мнѣній похвальна и почтенна, но навязываніе *своихъ личныхъ* мнѣній подъ *русскимъ* флагомъ,—является дѣломъ не вполнѣ благовиднымъ.

Позволимъ себѣ, напримѣръ, привести еще одну выписку, крайне двусмысленнаго содержанія. Г. Хартулари, выставляя себя какимъ-то уполномоченнымъ *всего народа*, — силится доказать, что народъ освоился съ понятіемъ невмѣшательства верховной власти въ дѣла судебныя и на стр. 309, по поводу учрежденія органа, посредствующаго между Государемъ и народомъ, возражаетъ въ самыхъ туманныхъ выраженіяхъ, какой то *публикѣ*, которая, якобы, чего-то неосновательно *опасается*, и въ заключеніе приводитъ фразу такого содержанія:

«Равнымъ образомъ они (люди изъ публики) убѣдились «бы не только въ призрачности своихъ опасеній (?), но и «въ наибольшей соотвѣтственности *народнымъ воззрѣніямъ* «и требованіямъ всякаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго по«рядка, если бы приняли въ соображеніе, что по свойствен«ной *русскому народу лойяльности* и отвращенію *къ пра«вовой* неопредѣленности, онъ *охотнѣе предпочитаетъ* и «*подчинится нормирующимъ его дѣйствія правиламъ*, какъ «бы стѣснительны они ни были, чѣмъ *существующему «дискреціонному порядку*, хотя бы допущенному въ его «собственныхъ интересахъ, но открывающему широкій про«сторъ произволу...»

Оставимъ въ сторонѣ тяжеловѣсность приведенной юридической витіеватости; оставимъ въ сторонѣ, на сколько *русскій* народъ можетъ полагаться и на сколько онъ полагается на *лойяльность* кого-либо, кромѣ Государя, или на сколько онъ полагается на *нормирующія правила*. На эту тему можно было бы написать сочиненіе еще толще и объемистѣе, чѣмъ «Право суда и помилованія». Здѣсь же достаточно сказать, что, несомнѣнно, *русскій народъ*, при всей своей склонности *къ лойяльности* и къ *нормирующимъ* правиламъ,—не уполномачивалъ г. Хартулари заявлять его именемъ, что онъ *предпочтетъ «лойяльность»* и *«нормировку»* при «условіяхъ современнаго правосудія»—дискреціонному порядку, ибо установленіе дискреціоннаго порядка есть прерогатива только Верховной власти, т. е. той *единой власти*, которой русскій народъ, споконъ вѣка, только и довѣрялъ, и притомъ, довѣрялъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ самой лойяльной лойяльности въ нашихъ судахъ. Народъ склоненъ вовсе не *къ юридической лойяльности*, а *къ «русской правдѣ»*, которая

въ его понятіяхъ олицетворялась всегда и олицетворяется понынѣ въ «царской правдѣ». Г. Хартулари, быть можетъ, уполномоченъ какой либо группой властолюбцевъ изъ петербургской *публики* проповѣдывать, что *народъ предпочитаетъ* судебную лойяльность дискреціонной власти неограниченнаго Монарха; говорить же именемъ *всего народа*,—по меньшей мѣрѣ,—слишкомъ смѣло.

Кто имѣетъ правильное понятіе о словѣ «лойяльность», тотъ несомнѣнно будетъ относиться болѣе лойяльно къ *волѣ*, высказанной дѣйствительно *всѣмъ народомъ*, при избраніи на царство перваго Государя изъ дома Романовыхъ, и повторенную при Аннѣ Іоанновнѣ. *Воля народа*, которая была *имъ* высказана,—это имѣть *Государя самодержавнаго*. Михаилъ Θеодоровичъ, принимая титулъ царя, изъявилъ согласіе быть царемъ самодержавнымъ. Значитъ, въ отношеніи вопроса о самодержавной власти, между Государемъ и народомъ состоялось обоюдное, нравственное соглашеніе; и, слѣдовательно, малѣйшее поползновеніе къ ограниченію самодержавія, *помимо воли всего народа*, является, само по себѣ, актомъ въ высшей степени не лойяльнымъ. И кто порывается на такую нелойяльность, тому о лойяльности говорить не приходится, тотъ, очевидно, этимъ словомъ только играетъ.

Но не въ этомъ еще дѣло. Мы привели послѣднюю выписку исключительно для того, чтобы показать, какія идеи проводятся подъ личиной человѣка, преданнаго якобы самодержавію. Авторъ сочиненія, выставившій эпиграфъ: «*Дискреціонная власть*, дѣйствующая ради общественнаго блага внѣ закона и даже вопреки закону, именуется прерогативою», — въ концѣ своихъ выводовъ заявляетъ, что *народъ предпочтетъ лойяльность*, крайне еще сомнительнаго свойства, *дискреціонному* порядку, «*открывающему широкое поле произволу*...»

И такъ, мы договорились!.. Народъ опасается широкаго произвола дискреціонной власти! И подобные-то выводы прикрываются посвященіемъ сочиненія памяти истинно русскаго Самодержца!.. Нѣтъ, видимо, г. Хартулари, взявши подъ свою защиту русскій народъ,—русскаго народа еще не знаетъ; видимо, кромѣ петербургскихъ канцелярій, онъ и иного Отечества не признаетъ! Народъ боится произвола, это—вѣрно; это—истина непреложная; но совсѣмъ не того, о которомъ говоритъ г. Хартулари. Русскій народъ боится того произвола, въ основаніи котораго лежитъ либо взяточничество, либо лицепріятіе, либо пресмыканіе

предъ сильными міра сего, либо властолюбіе ихъ, либо перетонченное юридическое толкованіе законовъ... Вообще народъ боится того произвола, искорененіемъ котораго всегда и была озабочена дискреціонная самодержавная власть. Вотъ какого произвола дѣйствительно боится русскій народъ. Вотъ противъ какого произвола и нужна народу защита дискреціонной, самодержавной власти. И напрасно г. Хартулари, выступая защитникомъ народа, позволяетъ себѣ такое «святотатственное оскорбленіе» народныхъ-же традицій, народнаго-же чувства!...

Глава IV.

Неудачныя объясненія новѣйшихъ властолюбивыхъ замысловъ.

Остается намъ еще выяснить, что и самая ссылка г. Хартулари на «условія современнаго правосудія»—лишена всякаго значенія. Эти условія ни на одну іоту не могутъ поколебать народныхъ воззрѣній на самодержавную власть. Наоборотъ, «условія современнаго правосудія» требуютъ въ данную минуту несравненно болѣе зоркаго наблюденія за правосудіемъ со стороны Верховной власти, чѣмъ когда бы то ни было, ибо, если съ одной стороны, современное правосудіе даетъ возможность пользоваться «судомъ скорымъ, правымъ, милостивымъ, равнымъ ко всѣмъ», то съ другой,—это же правосудіе, въ силу свободы примѣненія и толкованія законовъ, облегчаетъ недобросовѣстнымъ людямъ болѣе, чѣмъ когда либо, возможность творить «судъ медленный, неправый, жестокій и пристрастный».

Петръ Великій, который понималъ свойства и характеръ русскаго человѣка лучше, чѣмъ г. Хартулари, всѣми фибрами своей великой души, возмущался привычками судей играть законами, «какъ въ карты, прибирая масть къ масти»; и, какъ извѣстно, никакимъ *толкованіямъ законовъ*, въ то время, не было мѣста.

Екатерина II, въ своемъ гуманнѣйшемъ «Наказѣ», тоже возставала противъ всякихъ поползновеній къ обходу закона путемъ уклоненія отъ буквальнаго смысла его, ибо это *открываетъ широкую дорогу судебному произволу*. Дабы предупре-

дить надобность толкованія законовъ, Екатерина II настаивала, чтобы законы были писаны самымъ *яснымъ*, *точнымъ* языкомъ.

Казалось бы, что же дѣйствительно и должно быть болѣе желательно, какъ изданіе законовъ, писанныхъ яснымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ. Но *многіе юристы* относятся къ этому вопросу діаметрально противоположно. Многіе изъ нихъ съ особеннымъ пыломъ ухватились за право толкованія законовъ, злоупотребляя судебными уставами Императора Александра II. Это толкованіе достигло такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что, сплошь и рядомъ, путемъ толкованія, уничтожается весь смыслъ самихъ законовъ.

Необходимость самаго широкаго, распространительнаго «толкованія» объясняется, конечно, учеными юристами на всевозможные лады. По ихъ мнѣнію, это такое громадное благо, предъ которымъ остается только благоговѣть, умиляться. И до чего только не договариваются наши передовые юристы по поводу этого блага!... Такъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ профессоровъ, Градовскій, договорился до того, что при условіи буквальнаго примѣненія законовъ, отъ судей можно требовать «*только механическаго примѣненія ихъ*». «Оно возможно—пишетъ Градовскій—*именно тогда*, когда законы написаны *самымъ точнымъ и яснымъ* языкомъ...» И такъ, дабы судьи не примѣняли законовъ механическимъ путемъ, самый точный и ясный языкъ оказывается даже вреднымъ!.. Неугодно ли вдуматься въ эту логику: нашлось препятствіе употреблять самый точный и ясный языкъ; онъ даетъ возможность «механическаго примѣненія изданныхъ законовъ»; а это, какъ видно, не нравится почтенному профессору; это не соотвѣтствуетъ высокому достоинству судей, получившихъ юридическое образованіе! Казалось бы, съ точки зрѣнія интересовъ народа, самый ясный и точный языкъ законовъ нуженъ уже по одному тому, что давалъ бы возможность назначать судьями людей правдивыхъ, хотя бы и не получившихъ широкаго юридическаго образованія, а по мнѣнію юристовъ особой школы,—неясный и сбивчивый языкъ имѣетъ свою обаятельную силу: приходится назначать судей, обладающихъ «юридическимъ тактомъ», ибо имъ предстоитъ «*правильное избраніе закона изъ всей массы законодательнаго матеріала*».

Оцѣните, Бога ради, весь хаосъ этихъ юридическихъ тезисовъ, особенно послѣдней фразы, и только тогда понятнымъ

станетъ, въ какомъ смыслѣ восторгаются современные юристы уставами справедливѣйшаго и великодушнѣйшаго Монарха Александра II.

Несомнѣнно, предъ «началами» Царя-Освободителя вся Россія преклоняется и должна преклоняться, ибо въ основаніе ихъ положены: «правда и милость»; но нельзя преклоняться предъ малѣйшимъ искаженіемъ этихъ «началъ»; нельзя допускать и слишкомъ широкаго толкованія законовъ, которое присвоили себѣ многіе юристы во вредъ истинному правосудію. Не въ этомъ, конечно, и заключается величіе уставовъ Императора Александра II. Напротивъ,—широкое и даже слишкомъ широкое «толкованіе законовъ» и слишкомъ произвольное «избраніе закона изъ всей массы законодательнаго матеріала», является *искаженіемъ* великой идеи, а отнюдь *не основаніемъ ея.* Величіе же идеи заключается совсѣмъ въ иномъ; оно заключается въ широкой *гласности судопроизводства*, не допускающей *секретныхъ* свѣдѣній; величіе идеи заключается *въ изгнаніи формализма*, вредящаго правдѣ; величіе идеи заключается *въ участіи присяжныхъ засѣдателей* въ уголовныхъ процессахъ, т. е. въ участіи народной совѣсти при обсужденіи преступныхъ дѣяній своихъ согражданъ.... Къ сожалѣнію же, все то, предъ чѣмъ Россія дѣйствительно благоговѣетъ, — то именно и ломается. *Секретныя* свѣдѣнія возводятся чуть ли не въ перлъ правосудія; *формализмъ* снова завоевываетъ шагъ за шагомъ свое прежнее значеніе; и даже *предѣлъ участія суда совѣсти,*—многіе юристы стараются ограничить. Величіе же идей Царя-Освободителя они только и видятъ—въ безотвѣтственности судей и въ правѣ широкаго толкованія законовъ, т. е. въ тѣхъ «условіяхъ современнаго правосудія», которыя исподволь ведутъ къ полному превращенію «суда скораго»—въ «судъ волокиты», «суда праваго»—въ «судъ пристрастный...» Такъ теперь-то именно, когда, вмѣсто точнаго примѣненія законовъ, судамъ предоставлено право «избранія законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала», т. е. когда открыта, на законномъ основаніи, «широкая дорога судебному произволу», настала моментъ, но вовсе не того «общаго государственнаго принципа», который проповѣдуетъ г. Хартулари, а какъ разъ наоборотъ: именно теперь настала моментъ, когда ощущается наибольшая необходимость въ проявленіи «дискреціонной власти, дѣйствующей ради общественнаго блага, ради защиты народа отъ чрезмѣрно свободнаго «избранія» не соотвѣтственныхъ законовъ.

До изданія судебныхъ уставовъ, обходъ закона могъ быть только въ самой грубой формѣ и, слѣдовательно, онъ былъ легко уловимъ. Теперь же обходъ закона возможенъ на законномъ основаніи и, слѣдовательно, почти неуловимый. Спрашивается, когда же народъ болѣе нуждался въ сохраненіи «права суда и помилованія» въ сохраненіи права обращенія къ Верховной власти—прежде или теперь?

Г. Хартулари выражается на юридическомъ, т. е. на весьма туманномъ языкѣ; онъ и не договариваетъ даже, какія именно «условія современнаго правосудія» вызываютъ необходимость *новаго принципа* «объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія». Поэтому, трудно ему и возражать. Но если мы, хоть вкратцѣ, прослѣдимъ за отправленіемъ правосудія, то убѣдимся, что вся проповѣдь г. Хартулари — ничто иное, какъ посягательство на священное право народа искать защиты Верховной власти, искать «царской правды».

Вся проповѣдь г. Хартулари есть сплошное искаженіе, ни на чемъ не основанное. Это проявленіе все того же властолюбія, которое прорывалось при избраніи Бориса Годунова и при воцареніи Анны Іоанновны. «Условія современнаго правосудія» — это тотъ щитъ, которымъ прикрывается величайшая анти-русская, анти-государственная ересь. Въ самомъ дѣлѣ, какія такія «условія» являются помѣхой Россіи оставаться государствомъ вполнѣ самодержавнымъ?

«Условія современнаго правосудія»! Да вѣдь это фикція: пустой звукъ, ровно ничего собою не выражающій.

Законы пишутся для людей, а не для ангеловъ. И конечно, если говорится о необходимости бдительнаго контроля за отправленіемъ правосудія, то только потому, что законы примѣняются не только лучшими, но, случайно,—и наихудшими людьми.

Мы понимали бы проповѣдь г. Хартулари, если бы онъ намъ доказалъ, что *всѣ* судьи переродились, или что *всѣ* они избираются изъ числа людей безъ крови и безъ плоти, безъ злобы и страстей, безъ корыстолюбія или тщеславія, — вообще безъ всякихъ человѣческихъ слабостей... Но вѣдь г. Хартулари этого доказать не сможетъ, и мы знаемъ, что судьи остались тѣми же людьми, какими были при Петрѣ Великомъ, какими были «до» и «послѣ» него, съ тѣми же слабостями, съ тѣми же инстинктами, но съ гораздо большими потребностями жизни, съ гораздо большими стремленіями къ комфорту, за которыми не можетъ угнаться никакое увеличеніе содержанія... Скажемъ бо-

лѣе,—плохіе судьи могутъ быть теперь еще опаснѣе, ибо громадное большинство ихъ получаетъ юридическое образованіе, а оно даетъ возможность, при недобросовѣстности, искуснѣе, неуловимѣе попирать законы, каковы бы ни были «условія современнаго правосудія».

Необходимость самаго бдительнаго контроля и подчасъ непосредственнаго даже участія Самодержавной власти въ дѣлахъ правосудія, быть можетъ, и могла бы уменьшиться, но, конечно, не въ зависимости отъ какихъ-то «условій», а въ зависимости отъ развитія во всѣхъ членахъ судебнаго персонала *чувства долга*, отъ подъема значенія *общественнаго мнѣнія* и, при томъ, при полной свободѣ печати въ обсужденіи всѣхъ поступковъ и рѣшеній судебныхъ органовъ, и отъ многихъ, и очень многихъ другихъ условій....

До тѣхъ же поръ, пока судьи останутся людьми и пока русское государство будетъ сохранять свой твердый, устойчивый, историческій государственный строй,—ни о малѣйшемъ ограниченіи, ни о малѣйшемъ «устраненіи» самодержавной власти никто не долженъ дерзать и заикаться, ибо подобные властолюбивые порывы являются прямымъ посягательствомъ на благосостояніе народа, на свободу и честь каждаго изъ насъ.

Для того, чтобы выводы наши были болѣе понятны, прослѣдимъ, какъ пользуются иные недобросовѣстные юристы «условіями современнаго правосудія», на сколько превратно они пользуются широкимъ правомъ «избранія закона изъ всей массы законодательнаго матеріала».

Считаемъ нужнымъ, однако, оговориться. Приводя въ слѣдующей главѣ рядъ вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, правонарушеній и прямыхъ обходовъ закона, мы отнюдь не думаемъ сказать, что «условіями современнаго правосудія» пользуется во вредъ народу хотя бы даже большинство членовъ судебнаго вѣдомства. Это было бы неправдой. Образованіе въ общемъ дѣлаетъ свое дѣло, и Россія можетъ дѣйствительно гордиться, что съ каждымъ годомъ быстро увеличивается число лицъ, ставящихъ *долгъ* превыше всякихъ личныхъ, эгоистичныхъ соображеній; мы могли бы указать даже примѣры, когда люди высокой чести, попадая въ судъ съ плохимъ составомъ, предпочитаютъ выходъ въ отставку сдѣлкамъ съ совѣстью своихъ сослуживцевъ; но вѣдь этимъ лицамъ участіе самодержавной власти въ дѣлахъ правосудія, безъ сомнѣнія, и не страшно. У кого совѣсть чиста, кто исполняетъ свой долгъ, тотъ ничьего участія,

никакого контроля не боится. Рѣчь идетъ о необходимости высшаго контроля правосудія, когда это правосудіе попирается по недомыслію или по злой волѣ. Поэтому мы и разсмотримъ, гарантируютъ ли народъ,—сами по себѣ, «условія современнаго правосудія» отъ злоупотребленій судебными уставами? и не способствуютъ ли еще эти «условія» уширенію «дороги судебнаго произвола?»

Глава V.

Поясненіе примѣрами несовершенства «условій современнаго правосудія».

И такъ, прослѣдимъ на примѣрахъ за «условіями современнаго правосудія» за время послѣднихъ десяти-двадцати лѣтъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнителями правосудія попадались люди не высокихъ нравственныхъ качествъ, и при томъ, приведемъ примѣры отдѣльно по каждой отрасли судопроизводства, начавъ съ уголовнаго.

Производство предварительныхъ слѣдствій.

Законы о предварительныхъ слѣдствіяхъ даютъ самый широкій просторъ произволу. Достаточно вспомнить право слѣдователей и прокурорскаго надзора принимать мѣры къ пресѣченію способовъ уклоненія отъ слѣдствія. Вся Россія знаетъ, какъ пользуются этимъ правомъ судебныя власти, когда сводятся личные счеты или когда примѣшиваются къ правосудію корыстныя стремленія *).

---

*) Вѣроятно очень многіе помнятъ тотъ случай, который, въ свое время, поднялъ рѣзкіе нападки на институтъ судебныхъ слѣдователей. Одинъ изъ недобросовѣстныхъ слѣдователей, опьяненный своею властью, держалъ пари, что засадитъ въ тюрьму весьма уважаемаго землевладѣльца. И дѣйствительно, воспользовавшись тѣмъ, что когда-то въ имѣніи его сгорѣла рига,—слѣдователь возбудилъ дѣло о поджогѣ и арестовалъ землевладѣльца, какъ обвиняемаго. Два года человѣка мучили, а самое дѣло оказалось сплошнымъ, дерзкимъ вымысломъ....

Немалыя злоупотребленія замѣчаются и въ выборѣ *мѣста* производства слѣдствій.

Законъ гласитъ:

«Всякое преступное дѣяніе *изслѣдывается* въ той мѣстности, *гдѣ оно учинено*, и *судится* въ томъ судѣ, коему *мѣстность сія подвѣдомственна*» (ст. 208).

«*Предварительное слѣдствіе* по каждому изъ преступныхъ дѣяній производится тѣмъ Судебнымъ Слѣдователемъ, *въ участкѣ коего оно совершено...*» (ст. 212).

«*Обвиняемый въ преступномъ* дѣяніи, совершенномъ *за границей, судится* въ Россіи тѣмъ судомъ, въ вѣдомствѣ коего онъ задержанъ или *имѣлъ жительство въ послѣднее время*» (ст. 214).

Смыслъ приведенныхъ законовъ вполнѣ понятенъ. Возможно полное и скорое раскрытіе истинныхъ виновниковъ преступленія требуетъ производства слѣдствія въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершено. Если же преступленіе совершено за границей, то обвиняемый *судится* тамъ, гдѣ *жилъ въ послѣднее время*, ибо это избавляетъ его отъ переѣздовъ и даетъ ему возможность наблюдать за ходомъ слѣдствія, что, въ свою очередь, вызывается правомъ полной защиты.

Вчитываясь, однако, болѣе внимательно въ эти законы, можно уловить «кое-что» недоговоренное, и это-то «*кое-что*» даетъ юристамъ возможность самыхъ широкимъ толкованій. Простой же человѣческій разумъ не уловитъ даже этого «кое-что».

Въ самомъ дѣлѣ,—третья приведенная нами, статья (214) говоритъ о томъ, гдѣ *судится* обвиняемый, если онъ совершилъ преступленіе *за границей*. Гдѣ же производится предварительное *слѣдствіе*—въ законѣ не говорится. Всякій скажетъ: къ чему въ законѣ объ этомъ говорить, если, сопоставляя всѣ три статьи, это понимается само собою? На повѣрку же выходитъ, что все то, что намъ кажется понятнымъ само собою, юристамъ даетъ право самаго невѣроятнаго примѣненія закона, путемъ толкованія.

Пояснимъ сказанное примѣромъ. Послѣ смерти одного богача П. остается два брата, которые никакъ не могли подѣлить наслѣдства, примѣрно въ 8 — 10 милл. рублей. Старшій братъ обдѣлилъ младшаго. Младшій пріѣхалъ *въ Петербургъ*, избралъ своимъ адвокатомъ г. З. и поручилъ ему защиту своихъ интересовъ.

Не успѣлъ, однако, г. З. дать дѣлу надлежащаго направленія, какъ общій знакомый братьевъ П.—поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ то время проживалъ старшій братъ. Этотъ-то общій знакомый, нѣкто М. К. склоняетъ старшаго брата кончить миромъ споръ съ младшимъ братомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, младшій братъ вызывается въ Парижъ, и къ общему благополучію всѣ споры кончаются; братья цѣлуются, служатъ благодарственный молебенъ...

Не прошло, однако, и года, какъ старшій братъ, по возвращеніи въ Россію, подъ вліяніемъ тестя, подалъ жалобу Прокурору Одесскаго суда, что г. М. К. *вовлекъ его* въ Парижѣ, путемъ обмана и угрозъ, *въ невыгодную сдѣлку;* при чемъ на г. З. указывалось, какъ на главнаго виновника: будто бы онъ былъ *душою* всего преступленія.

Какъ бы то ни было, но фактъ въ томъ, что дѣло о разсчетахъ между братьями *поручено было г. З. въ Петербургѣ.* Оба обвиняемые З. и М. К. *жили въ Петербургѣ;* вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку *задумано,* якобы, было *въ Петербургѣ;* приведено въ исполненіе *въ Парижѣ.* Спрашивается: гдѣ надлежало производить слѣдствіе?

Гдѣ надлежало?—это всѣмъ понятно, а потому мы скажемъ только, гдѣ оно производилось?—слѣдствіе произведено *въ Одессѣ...*

Но этимъ не ограничилось нѣсколько странное примѣненіе закона,—обвиняемыхъ обязали еще подпиской въ Петербургѣ *о невыѣздѣ.* Такимъ образомъ, слѣдствіе производилось за тысячи верстъ, и обвиняемые лишены были даже возможности слѣдить за тѣмъ, что сочинялось обвинителями.

Какъ извѣстно, законъ предоставляетъ право судебнымъ властямъ принимать различныя мѣры къ пресѣченію, со стороны *обвиняемыхъ,* способовъ уклоненія отъ слѣдствія. Но, чтобы *слѣдствіе уклонялось отъ обвиняемыхъ,* какъ было въ данномъ случаѣ,—этого законъ не предвидѣлъ; и потому, слѣдователь и прокуратура остались безотвѣтственными.

Обвинительная власть не ограничилась и этимъ своеобразнымъ примѣненіемъ закона; она приняла еще особенныя мѣры, чтобы лишить обвиняемыхъ возможности даже жаловаться;—какъ видно, дѣло производилось очень осмотрительно.

Господъ З. и М. К. допрашивали первое время чрезъ Петербургскаго слѣдователя, не какъ обвиняемыхъ, а въ качествѣ *свидѣтелей.* Слѣдовательно, имъ, какъ свидѣтелямъ, *нельзя*

было жаловаться на производство слѣдствія въ Одессѣ. Когда же, по мнѣнію обвинительной власти, дѣло достаточно *выяснилось* и можно было закончить слѣдствіе,—то З. и М. К. допрошены были въ качествѣ *обвиняемыхъ*, и затѣмъ, съ необычной быстротой, слѣдствіе было представлено въ Одесскій Окружной Судъ.

Какъ только З. и М. К. были допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ, они тотчасъ же подали жалобы въ Одесскій Окружный Судъ на явно незаконныя дѣйствія слѣдователя. Но, увы! Одесскій Судъ *успѣлъ уже* препроводить все дѣло въ Петербургскій Судъ, и потому жалоба обвиняемыхъ осталась «безъ послѣдствій». Тогда обвиняемые обращаются съ жалобой въ Петербургскій Окружный Судъ; но этотъ Судъ отвѣчаетъ, что ему не подвѣдомственны Одесскіе слѣдователи, и потому жалобы тоже оставляются безъ послѣдствій.

Оставалось еще попытать счастіе, и подать жалобы въ Петербургскую Палату; но тутъ уже всякія жалобы оказались запоздалыми. Пока Петербургскій Судъ заслушалъ жалобы, чтобы оставить ихъ безъ послѣдствій; пока составлено было опредѣленіе; пока оно дошло до обвиняемыхъ—въ Палатѣ составленъ былъ обвинительный актъ о преданіи гг. З. и М. К. суду, и потому Петербургская Судебная Палата *не имѣла уже основанія* (?) разсматривать жалобъ обвиняемыхъ!..

Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ привело «кое-что» недоговоренное и нѣсколько странное пониманіе идеи: «суда скораго». На сей разъ «судъ скорый» превратился въ «судъ поспѣшный» *).

Приведемъ другой примѣръ необъяснимаго порядка производства предварительныхъ слѣдствій.

Въ провинціальномъ городѣ Т. одинъ изъ видныхъ землевладѣльцевъ г. Я. находился въ обостренныхъ отношеніяхъ съ судебнымъ персоналомъ. Мѣстные адвокаты, конечно, знали это и очень охотно сочиняли противъ гонимаго всевозможныя дѣла, хотя бы и самаго безсодержательнаго свойства.

Однажды, къ одному изъ наиболѣе беззастѣнчивыхъ адво-

---

*) Дѣло о вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку г. П. является особенно выдающимся, чѣмъ-то фатальнымъ. По этому дѣлу во всѣхъ инстанціяхъ замѣчается полное пренебреженіе къ законамъ. Мало того, правонарушеніе происходитъ въ разныхъ судебныхъ округахъ; вотъ почему, мы прослѣдимъ за этимъ дѣломъ при разсмотрѣніи рѣшительно всѣхъ «условій современнаго правосудія» вплоть до кассаціонныхъ опредѣленій.

катовъ обратился купецъ Д. съ просьбой обязать купчиху К. уплатить по его векселямъ Госуд. Банку 3.000 руб., такъ какъ купчиха К. выдала соотвѣтственную росписку. Адвокатъ составилъ на свое имя довѣренность и предложилъ г. Д. подписать ее. Въ довѣренности *оказалось право* предъявлять иски и преслѣдовать отвѣтчиковъ *уголовнымъ порядкомъ*. Какъ только оформлена была довѣренность, адвокатъ, не говоря никому ни слова, подалъ въ Судъ жалобу, въ которой доказывалъ, что росписка г-жи К. изобличаетъ прямое мошенничество; при чемъ, тотъ же адвокатъ высказывалъ убѣжденіе, что въ этомъ мошенничествѣ нельзя заподозрѣть никого другого, какъ родственника г-жи К.—землевладѣльца г. Я., ибо, несомнѣнно, онъ былъ «*душою преступленія*». — (Души преступленій, какъ видно, нынѣ въ модѣ. Если нѣтъ преступленія, или нѣтъ никакихъ данныхъ для самого обвиненія, — то на выручку является особое «юридическое понятіе»—«душа преступленія»)... Судъ, конечно, «не могъ не согласиться» съ мнѣніемъ излюбленнаго своего адвоката, и тотчасъ препроводилъ его прошеніе къ прокурору. На третій же день, по городу разсылались уже повѣстки свидѣтелямъ, съ приглашеніемъ ихъ явиться къ слѣдователю по обвиненію г. Я. въ мошенничествѣ!..

Но каково же было всеобщее удивленіе когда купецъ Д., не подозрѣвавшій, какъ воспользовался адвокатъ его довѣренностью,—пріѣхалъ къ г. Я. и просилъ содѣйствія къ улаженію расчетовъ съ г-жею К.; при чемъ, самъ Д. разсказалъ совсѣмъ правдиво, при какихъ условіяхъ онъ далъ г-жѣ К. векселя для учета въ Банкѣ, и что означала полученная имъ росписка!.. Съ какой необыкновенной быстротой возникло обвиненіе, съ такой же быстротой его пришлось и окончить. Самого г. Я. не удалось даже ни разу вызвать къ слѣдователю. Но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ былъ уже обезславленъ на весь городъ; и если обвиненіе сорвалось, то только благодаря совершенной случайности!..

Позволимъ себѣ спросить г. Хартулари: не подобныя ли «условія современнаго правосудія» приводятъ его къ убѣжденію,—будто бы *насталъ уже моментъ* окончательно лишить народъ права искать защиты самодержавной власти, которая, по его же мнѣнію, должна «устранить себя отъ отправленія правосудія!»...

Прослѣдимъ однако далѣе и за другими «условіями современнаго правосудія».

Обвинительные акты.

Всей Россіи въ должной мѣрѣ извѣстно, что Прокуроры давнымъ давно потеряли то значеніе, которое имъ было дано Петромъ Великимъ: изъ *блюстителей* закона они превратились исключительно въ *обвинителей*. А въ виду принятой системы состязаній, т. е. въ виду выясненія истины при судебномъ слѣдствіи путемъ конкуренціи краснорѣчія обвинителя и защитника,—какъ тотъ, такъ и другой изощряются въ рѣчахъ, сплошь и рядомъ лишенныхъ всякаго смысла, но производящихъ извѣстный эфектъ, дѣйствующихъ на убѣжденія присяжныхъ засѣдателей. Эта-то система состязаній выработала особую сноровку нѣкоторыхъ прокуроровъ не стѣсняться помѣщеніемъ въ обвинительные акты такихъ фактовъ, которые не только не доказаны, но и вовсе не соотвѣтствуютъ истинѣ. Чѣмъ цвѣтистѣе обвинительный актъ, тѣмъ онъ сразу производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, тѣмъ труднѣе потомъ оно изглаживается, тѣмъ правдоподобнѣе можно будетъ вырвать обвинительный вердиктъ.

Такъ, по тому же дѣлу о вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку старшаго брата П., на основаніи показаній только этого единственнаго лица, — прямой интересъ котораго былъ измышлять всякія небылицы, — въ обвинительномъ актѣ говорилось въ самомъ положительномъ тонѣ, не допускавшемъ даже сомнѣній, что г. М. К. застращивалъ слабоумнаго человѣка, старшаго брата П., до потери имъ свободной воли, пугалъ его высокопоставленными лицами, пугалъ его своимъ собственнымъ положеніемъ и вліяніемъ и пр., и пр., и пр.

Вдумываясь въ это дѣло, не трудно понять, что старшій братъ, путемъ обвиненія М. К., стремился доказать, что Парижская мировая сдѣлка должна быть признана незаконной, что она должна быть уничтожена, и онъ, слѣдовательно, долженъ освободиться отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя этой сдѣлкой. Матеріальный интересъ старшаго брата измышлять обвиненія,—былъ очевидный: вѣдь дѣло шло о наслѣдствѣ не въ сотни рублей, а *въ нѣсколько милліоновъ*. И тѣмъ не менѣе, обвинительная власть охотно вѣрила словамъ человѣка, признаннаго ею слабоумнымъ, и всѣ его обвиненія помѣстила въ обвинительный актъ.

Не смутила обвинителей даже самая явная несообразность, которую, по окончательному недомыслію, заявилъ старшій братъ П., силясь доказать на судебномъ слѣдствіи, какъ страшно его запугивали.

Дѣло въ томъ, что *во время судебнаго слѣдствія*, которое было *спустя два года* послѣ Парижской сдѣлки, — одно высокопоставленное лицо занимало уже весьма видный постъ, и если бы его именемъ М. К. дѣйствительно застращивалъ старшаго брата П. *въ моментъ суда*, то это имѣло бы хоть тѣнь правдоподобія. Но, такъ какъ во время Парижской сдѣлки, *то* лицо, которымъ будто запугивалъ М. К., занимало постъ вовсе не самостоятельный и не могло имѣть въ то время рѣшительно никакого вліянія, ни прямого, ни косвеннаго, на раздѣлъ между братьями, — то и пугать именемъ такого лица никому и въ голову не могло бы прійдти. Тѣмъ не менѣе, старшій братъ П., повторяя, видимо, заученныя показанія, и, спутавъ *настоящее* время съ *прошедшимъ*,—заявилъ, что его пугали и этимъ высокопоставленнымъ лицомъ. Встревоженные, но находчивые адвокаты мгновенно поспѣшили подсказать своему кліенту, что онъ «обмолвился»; но обвинители и этого не пожелали замѣтить, и свидѣтельство единственнаго, заинтересованнаго лица — вышло вполнѣ «*достовѣрнымъ*».

Составители цвѣтистыхъ обвинительныхъ актовъ не останавливаются на слишкомъ легкомысленномъ обвиненіи. Они очень часто предоставляютъ еще возможность участвующимъ въ дѣлѣ сторонамъ, *печатать въ газетахъ* обвинительные акты и подготовлять общественное мнѣніе, которое всегда бываетъ очень склонно ко всякимъ сенсаціоннымъ процессамъ. Помимо того, печатаніе обвинительныхъ актовъ имѣетъ и несравненно болѣе вредную сторону: вѣдь ихъ читаютъ и тѣ лица, которыя современемъ попадаютъ въ число присяжныхъ засѣдателей. Этимъ путемъ *подготовляется предубѣжденіе* даже въ представителяхъ народной совѣсти.

Когда же на судѣ, тѣмъ не менѣе, начинаютъ выясняться слабыя стороны обвиненія, то прокуроры выискиваютъ несимпатичныя черты характера обвиняемыхъ, или какіе-либо неблаговидные поступки, хотя и не имѣющіе никакого отношенія къ обвиненію; или, наконецъ, прямо свои заключенія выдаютъ за факты и этими путями дѣйствуютъ на совѣсть присяжныхъ засѣдателей, зная заранѣе, кто входитъ въ ихъ составъ.

Такъ, въ дѣлѣ вовлеченія въ невыгодную сдѣлку старшаго брата П., обвинитель все время самымъ прозрачнымъ образомъ намекалъ на прежнюю непопулярную службу М. К. (онъ былъ жандармскимъ офицеромъ), и на то, что изъ полученнаго имъ вознагражденія въ 200 тыс. рублей, онъ удержалъ въ свою пользу 140 т. руб. и передалъ адвокату младшаго брата лишь 60 т. руб. На людей развитыхъ подобные пріемы производили самое тягостное впечатлѣніе; но обвинители знаютъ, съ какимъ составомъ присяжныхъ они имѣютъ дѣло, и что, когда, можно сказать. Общественное же мнѣніе ихъ мало интересуетъ.

Въ дѣлѣ о вовлеченіи г. П. въ невыгодную сдѣлку допущенъ былъ еще одинъ весьма тонкій маневръ.

Самая слабая сторона обвиненія заключалась, конечно, въ томъ, что изобличителемъ и главнымъ, правильнѣе сказать, единственнымъ свидѣтелемъ застращиванія и обмана,—являлось прямо лицо *заинтересованное* на нѣсколько милліоновъ рублей. Такъ, дабы показать присяжнымъ засѣдателямъ, что старшему брату П. можно вѣрить, что онъ матеріально *незаинтересованъ*, — адвокатами его вдругъ было сдѣлано публичное заявленіе въ судѣ, что братья П. рѣшили окончить свои взаимные расчеты «*третейскимъ судомъ*». Заявленіе адвокатовъ было подтверждено самими братьями, и, разумѣется, съ той минуты явилось полное довѣріе къ показаніямъ старшаго брата... На это обстоятельство потомъ указывали все время: прокуроръ, адвокаты того же старшаго брата и даже Предсѣдатель суда въ своемъ заключительномъ словѣ. Фраза, — «г.г. присяжные засѣдатели! вы видите, что старшій братъ *ни въ чемъ не заинтересованъ*,—онъ согласенъ раздѣлиться *по братски*»—повторялась по нѣсколько разъ въ каждой рѣчи. Старшій братъ П. явился безкорыстнымъ, великодушнымъ человѣкомъ, готовымъ добровольно подчиниться третейскому суду, лишь бы подѣлить милліоны «по братски».

Положимъ, какъ только вырванъ былъ обвинительный вердиктъ, свидѣтельствовавшій о полномъ непониманіи дѣла присяжными засѣдателями, — немедленно же адвокаты старшаго брата П. принялись настаивать *на уничтоженіи Парижской сдѣлки*, а самъ П. болѣе года уклонялся отъ третейскаго суда. Но это обнаружилось впослѣдствіи; въ залѣ же засѣданія «незаинтересованность», «великодушіе» старшаго брата П. производили на слабые умы подавляющее впечатлѣніе....

Весьма любопытно прослѣдить за нѣкоторыми деталями,

какъ искусно лавировали обвинители при этой новой постановкѣ вопроса, когда братья заявили о согласіи подчинить свои взаимные расчеты третейскому суду.

Какія послѣдствія вызывало подобное заявленіе?

Братья порѣшили кончить *свои расчеты третейскимъ судомъ*. Изъ этого слѣдуетъ, что *окончательное рѣшеніе* вопроса,— *какую сумму* надлежало получить *каждому изъ братьевъ* деньгами или имуществомъ—принадлежало третейскому суду, *независимо отъ того*, *будутъ-ли осуждены* или *оправданы подсудимые*. Значитъ, если бы третейскій судъ призналъ, что старшему брату надлежитъ получить *болѣе*, чѣмъ причиталось ему *по Парижскому договору*, то таковой для него оказался бы дѣйствительно *невыгоднымъ*. Наоборотъ, если третейскій судъ нашелъ бы, что старшій братъ получилъ *львиную долю* и потому *долженъ удѣлить младшему брату болѣе*, чѣмъ обусловлено было *Парижскимъ договоромъ*, то это означало бы, что Парижскій договоръ былъ *невыгоднымъ младшему*, а никакъ *не старшему брату*. Иными словами: съ момента предоставленія третейскому суду рѣшенія вопроса о томъ, сколько, кому изъ братьевъ приходилось получить,—исчезало самое понятіе о *невыгодности Парижской сдѣлки*; это—вопросъ будущаго сужденія третейскаго суда. Такимъ образомъ, *объектъ преступленія исчезъ*. Преступленіе оказалось воображаемымъ, а можетъ быть и *несуществующимъ*... Между тѣмъ подсудимыхъ З. и М. К. продолжали судить...

Но, какъ же было снять обвиненіе?—вѣдь, могъ бы пострадать авторитетъ обвинительной власти!.. И потому обвиненіе продолжалось въ такомъ смыслѣ: Прокуроръ приглашалъ присяжныхъ засѣдателей сосредоточить ихъ вниманіе *не на расчетахъ* между братьями, ибо *это, молъ*, *дѣло третейскаго суда*,— а лишь на проявленіи *злой воли* подсудимыхъ.

И такъ, *невыгодности сдѣлки не оказалось*, но тѣмъ не менѣе людей судили за проявленіе *злой воли* при вовлеченіи г. П. *въ невыгодную сдѣлку*, оказавшуюся даже вполнѣ выгодною.

Приведемъ другой примѣръ. Одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ банковъ прекратилъ платежи и оказался несостоятельнымъ. Судили директоровъ правленія за разныя злоупотребленія. Нужно было представить одного изъ нихъ, г. Ц.—«душою» всего краха; но для этого улики были не достаточно вѣски. Что же предпринимаетъ обвинитель?—Онъ навязыва-

етъ ему кличку «гробокопателя» и заявляетъ, что *эта кличка* дана *общественнымъ мнѣніемъ*. Въ подтвержденіе же основательности такой клички обвинитель приводитъ рядъ предпріятій, погубленныхъ якобы г. Ц. Онъ, молъ, управлялъ однимъ французскимъ банкомъ, который чуть было не лопнулъ, и спасся только тѣмъ, что г. Ц. былъ удаленъ; онъ управлялъ желѣзно-дорожнымъ обществомъ и разстроилъ въ конецъ его дѣла; онъ управлялъ такой-то конторой,—и та была на краю гибели; онъ управлялъ дѣлами желѣзно-дорожнаго милліонера—и тотъ почти дошелъ до банкротства.

Послѣ такихъ отзывовъ, можно ли было не повѣрить «талантливому» обвинителю, что г. Ц. былъ «душою» преступленій всей дирекціи банка.

Не менѣе талантливый, но болѣе добросовѣстный защитникъ счелъ своею обязанностью собрать письменныя справки о прежней дѣятельности своего кліента: И что-же оказалось? Французскій банкъ и желѣзно-дорожный милліонеръ письменно удостовѣряли, что они съ самымъ искреннимъ сожалѣніемъ разставались съ г. Ц., который, въ короткое время, поднялъ ихъ обороты и оставилъ дѣло въ самомъ блестящемъ состояніи. Желѣзно-дорожное общество никогда не давало такого дивиденда, какъ за время управленія его дѣлами г. Ц. почему и назначило ему при прощаніи громадное вознагражденіе,—а въ конторѣ, о которой говорилъ обвинитель,—г. Ц., *никогда не служилъ*!...

Вотъ какими *достовѣрными* свѣдѣніями и кличками прикрашиваются обвинительные акты и рѣчи прокуроровъ. Но что болѣе всего удивляло постороннихъ слушателей,—это отношеніе къ дѣлу предсѣдателя суда, который заявилъ защитнику, что предъявленныя имъ справки *не имѣютъ никакого значенія*!...

И такъ, обвинители могутъ вызывать, путемъ вымысловъ, самое отвратительное впечатлѣніе о личности подсудимыхъ, а разоблаченіе вымысловъ—къ дѣлу не относится.

Приведемъ еще нѣсколько случаевъ изъ судебной практики *послѣднихъ дней*. При разсмотрѣніи дѣла въ псковскомъ судѣ о подложныхъ векселяхъ,—дѣла, по которому обвинялись три еврея,—прокуроръ позволилъ себѣ обратиться къ присяжнымъ засѣдателямъ съ такого рода рѣчью: «Подсудимые: Л., Р. и Г. презираютъ *русскій* судъ; но вы, гг. присяжные засѣдатели, научите ихъ уваженію къ *русскому* закону!...

Каковъ пріемъ вырывать обвинительные вердикты! Не правы-ли мы были, что уваженіе къ закону и къ суду явится въ народѣ только въ томъ случаѣ, когда представители суда будутъ уважать самихъ себя... Игрою же на національной враждѣ, на страстяхъ—уваженія вызвать невозможно, ни къ закону, ни къ суду! Приведенная рѣчь прокурора служитъ неумолимымъ осужденіемъ всей проповѣди г. Хартулари. Пока въ числѣ обвинителей останется хоть одно лицо съ такимъ своеобразнымъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ,—и рѣчи быть не можетъ «объ устраненіи себя самодержавною властью отъ отправленія правосудія»,—иначе правосудіе обратится въ открытое глумленіе надъ правдой *).

Почти аналогичный случай воззванія прокурора, вмѣсто обвиненія, повторился, и тоже на послѣднихъ дняхъ, въ витебскомъ окружномъ судѣ. И въ данномъ случаѣ прокуроръ позволилъ себѣ разжигать страсти присяжныхъ засѣдателей противъ подсудимыхъ на почвѣ національной вражды.

Въ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію евреевъ въ поджогѣ недвижимаго имущества съ цѣлью полученія страховой преміи. Но прокурору не посчастливилось: свидѣтельскія показанія ничего не выясняли и обвиненій не подтверждали. И такъ какъ большинство свидѣтелей были евреи, то въ своей рѣчи прокуроръ сталъ доказывать, что свидѣтели, по субботамъ, собирались въ синагогѣ не для молитвы и не для благотворительныхъ дѣлъ, а для, того, чтобы подъ руководствомъ раввина сговориться,—какъ лжесвидѣтельствовать на судѣ.

> «Они готовили сообща свои ложныя показанія» —восклицалъ прокуроръ—«и, съ присущей евреямъ сплоченностью, явились сюда во главѣ съ этимъ же раввиномъ «сѣять ложь. *Противъ этой сплоченности нужна также «сплоченность*, и вашъ приговоръ докажетъ, что *противъ «суда безсильна ихъ синагога»*...

Эта выходка, недостойная истиннаго правосудія, встрѣтила весьма основательное и суровое осужденіе въ рѣчи защитника, изъ которой и приводимъ дословную выдержку:

«Невельская синагога и витебскій окружный судъ,—

---

*) Престранное впечатлѣніе производитъ рѣчь прокурора, требующаго уваженія къ суду, когда этотъ-же судъ даетъ открыто ложныя свѣдѣнія,—въ донесеніяхъ котораго число въ 37 т. рублей превращается *въ 300 т. р.!* (см. рѣчь прис. пов. Герарда въ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената по дѣлу о подложныхъ векселяхъ).

«вотъ сопоставленія, допущенныя въ рѣчи г. прокурора; «прихожане этой синагоги, съ раввиномъ во главѣ, и вы, «гг. присяжные засѣдатели, вотъ двѣ арміи, которыя должны «вступить въ бой!.. Неужели все это было высказано? «Развѣ взаправду такой призывъ былъ сдѣланъ здѣсь,— «въ этомъ залѣ, гдѣ надъ скамьей подсудимыхъ виситъ, «словно ангелъ-хранитель, образъ Незабвеннаго Преобра«зователя, завѣщавшаго судъ, равный для всѣхъ?—здѣсь, «въ этомъ залѣ, гдѣ надъ дверьми комнаты судей и ва«шей, гг. присяжные засѣдатели,—всюду изображенъ и «написанъ словами «законъ»? И если эта надпись помѣ«щена сзади г. обвинителя (остановка со стороны г. пред«сѣдателя) то ее видите вы, гг. присяжные засѣдатели, «и, конечно, помните, что въ судѣ, какъ и въ храмѣ «Господнемъ, нѣтъ мѣста счетамъ обостренной житейской «борьбы, нѣтъ отклика на шумъ уличныхъ страстей. И «каковы бы ни были ваши отношенія къ инородцамъ въ «конторѣ, лавкѣ или частномъ домѣ—это дѣло вашей со«вѣсти,—но здѣсь для васъ не существуетъ ни нѣмецъ, «ни полякъ, ни еврей, а лишь подсудимые, ждущіе съ «тоскою разрѣшенія своей участи, и то преступное дѣя«ніе, за которое они преданы суду».

Присяжные засѣдатели оказались несравненно лучше *воспитанными* въ духѣ правосудія, нежели охранитель его и, не поддавшись воззваніямъ прокурора, а руководствуясь лишь фактами и своей совѣстью — вынесли подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

Достойно вниманія, что, когда, въ интересахъ обвиненія, прокурору выгодно опорочить свидѣтельскія показанія евреевъ, то *выдвигается «сплоченность» ихъ;* когда же прокурору нужно создать обвиненіе, опираясь на тѣхъ же евреевъ, то *«сплоченность» забывается.* Такъ, одинъ изъ строгихъ уѣздныхъ начальниковъ въ Привислянскомъ краѣ, служившій грозою евреевъ, сдѣлался жертвою ихъ доносовъ. Получивъ нѣсколько жалобъ, прокуроръ началъ секретное разслѣдованіе и опросилъ массу евреевъ, охотно сыпавшихъ на своего начальника всякія обвиненія. Собравъ, такимъ незаконнымъ путемъ, письменные документы противъ уѣзднаго начальника, прокуроръ настоялъ на производствѣ формальнаго слѣдствія и на преданіи суду обвиненнаго.

Отличнаго служаку устранили отъ должности, семья болѣе

двухъ лѣтъ голодала. Когда же началось судебное слѣдствіе, когда выступили свидѣтели и изъ христіанъ, то выяснилось, что всѣ секретныя показанія *достовѣрныхъ* свидѣтелей-евреевъ— были прямой отместкой уѣздному начальнику за строгость его, а главное, за то, что онъ учредилъ «общество потребителей», къ которому присоединилось все русское населеніе, чѣмъ положенъ былъ конецъ самой тяжелой еврейской эксплоатаціи.

Тѣмъ не менѣе, судебнымъ приговоромъ бывшій уѣздный начальникъ былъ уволенъ отъ службы. Судебный приговоръ былъ обжалованъ и Сенатомъ все дѣло было кассировано; но жертвѣ мести не удалось увидѣть торжества правды. Потрясенный несправедливостью и незаслуженнымъ униженіемъ, невинно-осужденный умеръ, ранѣе, чѣмъ состоялось рѣшеніе Сената....

Вотъ еще образчикъ высшей неделикатности и непростительной безтактности одного изъ обвинителей.

На дняхъ разсматривалось дѣло о поджогѣ, съ цѣлью, якобы, полученія подсудимыми высокой страховой преміи. Обвинялись: г-жа М. и г. К.

Мы не станемъ касаться здѣсь шаткихъ мотивовъ, послужившихъ основаніемъ обвинительной власти создать самое обвиненіе,—это явленіе слишкомъ заурядное. Приведемъ лишь фактъ крайне легкомысленнаго безчестія женщины, на основаніи догадокъ какой то горничной. Достаточно было словоохотливой прислугѣ высказать свои предположенія о связи г-жи М. съ г. К., какъ прокуроръ позволилъ себѣ включить цѣликомъ подобныя инсинуаціи въ обвинительный актъ, *хотя онѣ и не имѣли ровно никакого отношенія къ поджогу*. Еще бы! упустить случай представить подсудимыхъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ!..

И каково же было удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ при судебномъ процессѣ, когда агентъ *страховаго же общества*, т. е. лицо *наиболѣе заинтересованное въ обвиненіи*, разоблачилъ натяжки обвинительной власти, будто бы поджогъ былъ совершенъ съ цѣлью получить *несоразмѣрно высокую страховую премію!*, а мужъ г-жи М. разоблачилъ всю инсинуацію на счетъ незаконнаго сожительства его жены!.. Приведемъ дословно извлеченіе изъ отчетовъ органовъ печати, касающееся выдуманной связи г-жи М. съ г. К.:

Мужъ г-жи М. «въ выраженіяхъ въ высшей степени «теплыхъ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ женѣ и *съ* «*чувствомъ гадливости* говорилъ объ инсинуаціяхъ, *зане-*

«*сенныхъ и въ обвинительный актъ*, относительно отно«шеній между женою и г. К. Они всегда жили чрезвы«чайно счастливо и онъ могъ бы только пожелать и сво«имъ лучшимъ друзьямъ такой счастливой супружеской «жизни»...

И такъ, прокурорамъ, для прикрашиванія своихъ шаткихъ мотивовъ обвиненія, дозволяется безнаказанно и притомъ, даже безъ всякой надобности, безчестить любую женщину, публично навязывать ей позоръ; и это-то именуется охраненіемъ правосудія!.. Давалъ ли себѣ отчетъ г. прокуроръ, какую смуту онъ вносилъ въ семью, въ отношенія супруговъ, въ отношенія дѣтей къ своимъ родителямъ!.. Какъ осмѣливаются люди, на основаніи бабьихъ сплетень, разбивать все семейное счастье, вселять неуваженіе въ дѣтяхъ къ своей матери, оставлять горькій осадокъ въ душѣ мужа...

Совсѣмъ мы офранцузились; дѣйствуемъ совсѣмъ во вкусѣ французскихъ нравовъ! Для полноты, однако, перениманія отъ Франціи *юридическихъ* пріемовъ *независимаго* суда, надлежало бы уже допустить и право оглашенія по всей Россіи фамилій составителей подобнаго рода обвинительныхъ актовъ!.. Если ужь перенимать французскіе порядки, то перенимать ихъ цѣликомъ...

Нѣтъ, г. Хартулари! Видимо, не русскій народъ надо *перевоспитывать*, а многимъ юристамъ надо еще самимъ *довоспитываться*, чтобы стоять на высотѣ своего положенія и понимать, какое гадливое чувство не разъ они вызываютъ своими легкомысленными обвиненіями.

Присяжные засѣдатели.

Россія наиболѣе должна быть признательна своему Царю-Освободителю за дарованіе права народной совѣсти высказывать свое мнѣніе о преступныхъ дѣяніяхъ своихъ же гражданъ. Нѣтъ болѣе великой идеи во всѣхъ уставахъ Императора Александра II, какъ участіе присяжныхъ засѣдателей въ дѣлахъ правосудія. Но посмотримъ, какъ облечена эта идея въ юридическія формы?

Несомнѣнно, на первомъ планѣ является вопросъ о вынутіи жребія лицами, входящими въ составъ присяжныхъ засѣдателей; почему съ этого мы и начнемъ.

Какъ извѣстно, предъ всякой сессіей, въ судъ доставляются списки тѣхъ лицъ, которымъ наступила очередь быть присяжными засѣдателями. Затѣмъ, въ судѣ, на основаніи этихъ списковъ, вынимается жребій «*тридцати* засѣдателей для присутствованія въ теченіе всего періода засѣданій» (ст. 550).

Какъ же вынимается жребій и не допускаютъ ли «условія» вынутія жребія произвола въ самыхъ широкихъ размѣрахъ?

Жребій вынимается два раза: первоначально, какъ сказано выше, изъ *общаго списка* очередныхъ засѣдателей вынимается жребій *тридцати* засѣдателей и *трехъ* запасныхъ; и второй разъ: вынимается жребій, предъ каждымъ разсматриваемымъ дѣломъ, *изъ числа тридцати* засѣдателей—*двѣнадцати*.

Посмотримъ же, какъ вынимается жребій въ обоихъ случаяхъ? Вмѣсто отвѣта, приведемъ дословно ст. 551 Устава Угол. Судопроизводства о вынутіи первоначальнаго жребія:

«Вынутіе жребія присяжными засѣдателями производится слѣдующимъ порядкомъ: **Предсѣдатель суда, положивъ** билеты съ именами засѣдателей очередныхъ въ одинъ ящикъ, а съ именами запасныхъ—въ другой, **вынимаетъ** изъ перваго *тридцать*, а изъ второго *три* билета; имена, значащіяся на вынутыхъ билетахъ, вносятся въ два особые списки, которые скрѣпляются секретаремъ и подписываются судьями».

Едва ли такой порядокъ соотвѣтствуетъ понятію *о вынутіи жребія*. Предсѣдатель суда *кладетъ* билеты въ ящикъ, и самъ же *вынимаетъ* тридцать билетовъ. Очевидно, при подобномъ порядкѣ, гарантія подсудимыхъ заключается исключительно въ добросовѣстности предсѣдателя суда. Въ большинствѣ случаевъ, этого—дѣйствительно, вполнѣ достаточно. Но, когда въ предсѣдатели суда случайно попадаетъ лицо недоброжелательное, то *вынутіе жребія* превращается въ *подборъ* засѣдателей по усмотрѣнію самого предсѣдателя.

Если къ этому добавить еще, что прокуроръ можетъ заявить требованіе объ *исключеніи* изъ списковъ разныхъ лицъ, которыя «согласно имѣющимся въ виду *его свѣдѣніямъ, не могутъ, по закону, быть присяжными засѣдателями*» (ст. 550), при чемъ, *могутъ быть*, конечно, вольныя и невольныя *ошибки*; если принять во вниманіе, что *назначеніе дѣлъ* къ судебному разсмотрѣнію въ предстоящую сессію зависитъ *отъ судебныхъ же органовъ*, и они имѣютъ возможность заблаговременно сообразоваться со списками очередныхъ присяжныхъ засѣдате-

лей,—то становится понятнымъ, на сколько идея «основныхъ началъ» великаго Преобразователя можетъ быть искажена, и какъ легко подгонять извѣстныя дѣла къ тому или иному составу присяжныхъ засѣдателей.

Несовершенство «условій современнаго правосудія», которымъ прикрывается г. Хартулари, выступаетъ еще съ большею яркостью, если сопоставить приведенные законы съ послѣдующими статьями: 645, 656 и 659.

Въ ст. 645 говорится, что «*по заявленію сторонъ* «судъ устраняетъ изъ числа прибывшихъ присяжныхъ за«сѣдателей тѣхъ лицъ, которыя *по закону не могутъ быть* «*присяжными засѣдателями*».

Эта статья является почти повтореніемъ приведеннаго ранѣе закона, съ тою лишь разницею, что прежняя статья 550 даетъ *только прокурору* право требовать исключенія разныхъ лицъ *изъ общаго списка;* при чемъ, этимъ правомъ пользуется прокуроръ *до открытія періода засѣданій суда;* значитъ, въ то время, когда подсудимые не знаютъ, что происходитъ въ судѣ и не могутъ заявить возраженій противъ ошибокъ прокурора, если бы онъ неправильно потребовалъ исключенія разныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, прокурору предоставлено *двойное* право къ исключенію разныхъ лицъ; первый разъ, въ силу ст. 550 *изъ общаго списка*, и при томъ, *внѣ всякаго контроля со стороны подсудимыхъ* или защитниковъ ихъ; а второй разъ, по ст. 645 *изъ числа тридцати* присяжныхъ засѣдателей.

Прочитывая приведенный законъ (645), можно думать, что хоть въ послѣднемъ случаѣ подсудимые имѣютъ то же самое право, что и прокуроръ,—къ устраненію изъ числа тридцати засѣдателей тѣхъ лицъ, которыя *по закону* не могутъ быть присяжными засѣдателями. Но, позволимъ себѣ спросить: могутъ ли подсудимые и даже ихъ защитники пользоваться этимъ правомъ? откуда они могутъ имѣть свѣдѣнія, кто *по закону* лишенъ права быть засѣдателемъ? Подсудимые не могутъ даже провѣрить правильности отводовъ прокурора; онъ можетъ *оставлять* въ числѣ засѣдателей людей, дѣйствительно лишенныхъ по закону права быть избираемыми, *если они удобны* обвиненію, и всегда можетъ отговориться, если обнаружится впослѣдствіи нарушеніе закона,—тѣмъ, что «не замѣтилъ». Прокуроръ въ состояніи будетъ даже сказать: «а чего же, молъ, смотрѣли подсудимые! вѣдь, и имъ предоставляется право тре-

бовать исключенія засѣдателей, которые *по закону* подлежатъ отводу».

Такимъ образомъ, *фиктивное право подсудимыхъ* даетъ еще лишнюю *реальную возможность прокурорамъ* обходить законъ, не замѣчая того, что они обязаны замѣчать. Очевидно, обвинительная власть имѣетъ всѣ шансы профильтрировать составъ засѣдателей по своему усмотрѣнію, и дѣла, въ родѣ вовлеченія алчныхъ милліонеровъ въ невыгодныя сдѣлки,—пускать на обсужденіе самыхъ невѣжественныхъ людей...

Затѣмъ, ст. 656 тоже даетъ, какъ бы, одинаковое право обѣимъ сторонамъ, т. е. обвиненію и защитѣ—отвести, безъ объясненія причинъ, трехъ засѣдателей. Но, само собою разумѣется, *обвинительная власть*, которая имѣетъ всегда достаточно времени, чтобы навести справки о качествахъ и развитіи тридцати засѣдателей для данной сессіи,—можетъ воспользоваться этимъ правомъ вполнѣ *сознательно*, тогда какъ *защита* должна дѣйствовать *на угадъ, на обумъ*.

Оба закона,—какъ будто бы и равноправные; а въ сущности это—право прокуроровъ устранять тѣхъ засѣдателей, которые въ состояніи руководствоваться только фактами, и которыхъ убѣждаетъ не краснорѣчіе, а истина.

Статья же 659 объ *окончательномъ* вынутіи жребія *двѣнадцати* засѣдателей подтверждаетъ, со всею очевидностью, правильность воззрѣній Екатерины II, что законы надлежитъ писать ясно и точно.

Эта статья необыкновенно характеристична; особенно, если ее сравнить со статьей 551 о вынутіи жребія *изъ общаго списка*. Сравнивая редакціи той и другой статьи,—просто приходится недоумѣвать, какъ неосмотрительно юристы составляютъ проекты законовъ.

Мы привели дословно ст. 551, въ силу которой предсѣдатель суда и притомъ, въ *отсутствіи подсудимыхъ*, **кладетъ** массу билетовъ въ ящикъ и **вынимаетъ** изъ него *тридцать* именъ засѣдателей. Законъ не требуетъ даже «*перемѣшать*» билеты. Между тѣмъ, по статьѣ 659, когда, послѣ разныхъ исключеній прокуроромъ и отводовъ, въ ящикъ опускается не болѣе 18—24 билетовъ для окончательнаго вынутія уже жребія *двѣнадцати* засѣдателей *для даннаго дѣла*,—законъ, почему-то, предписываетъ предсѣдателю «*перемѣшать*» *въ ящикѣ билеты*. Казалось бы, обязательное «перемѣшиваніе» билетовъ несравненно болѣе необходимо въ томъ случаѣ, когда жребій выни-

мается *изъ цѣлой груды* билетовъ и, притомъ, *безъ присутствія подсудимыхъ*,—нежели во второмъ случаѣ; а между тѣмъ, законъ требуетъ перемѣшиванія билетовъ какъ разъ наоборотъ,— только при избраніи двѣнадцати засѣдателей, т. е. послѣ того, что сдѣланы уже обѣими сторонами отводы засѣдателей и, слѣдовательно, послѣ того, что подсудимымъ почти безразлично, кто изъ восемнадцати лицъ попадетъ въ число двѣнадцати засѣдателей...

Позволимъ себѣ спросить еще г. Хартулари: имѣетъ ли онъ представленіе, какъ выполняются на практикѣ законы, воспрещающіе засѣдателямъ общеніе съ посторонними лицами.

Мы не станемъ останавливаться на несовершенствѣ законовъ, или на разъясненіяхъ Сената, нарушающихъ даже и ту небольшую гарантію, которая дана подсудимымъ; скажемъ лишь, что сношенія засѣдателей допускаются, по закону, *съ разрѣшенія предсѣдателя суда*, а негласно, особенно если засѣданіе по какому либо дѣлу продолжается нѣсколько дней,— съ вѣдома *судебнаго пристава*.

Не знаемъ, какого мнѣнія держится г. Хартулари, но мы *не беремся убѣждать* кого-либо, что въ комнату засѣдателей *не проникаютъ* письма, записки или газеты, въ которыхъ подтверждается виновность подсудимыхъ или иныя, неблагопріятныя для нихъ свѣдѣнія... Разумѣется, могутъ быть и обратные случаи, т. е. что къ засѣдателямъ проникаютъ и благопріятныя для подсудимыхъ свѣдѣнія; но для этого, вѣроятно, требуется особенное благоволеніе со стороны предсѣдателя или судебнаго пристава.

Смѣемъ думать, что и эти «условія современнаго правосудія» не особенно удачны; такія «условія» никого, ни въ чемъ не гарантируютъ, и потому никому не даютъ основанія, ради охраненія этихъ «условій», проповѣдывать необходимость нарушенія «существенныхъ и личныхъ интересовъ Верховной власти» (!) или провозглашать какіе-то «общіе» государственные принципы «объ устраненіи себя Самодержавной властью отъ отправленія правосудія!» Дѣло юристовъ — прежде всего озаботиться, чтобы осуществленіе «основныхъ началъ» Судебныхъ Уставовъ соотвѣтствовало величію самихъ началъ, а не измышлять новые «общіе» государственные принципы, противорѣчащіе *основному*, *исходному* нашему принципу — самодержавію.

Вызовъ и допросъ свидѣтелей.

Въ этомъ отношеніи, какъ и въ отводѣ присяжныхъ засѣдателей, всѣ преимущества на сторонѣ обвинительной власти. Прокуроръ на основаніи ст. 521 прилагаетъ къ обвинительному акту «*списокъ лицъ*, которыя, *по его мнѣнію*, должны быть вызваны къ судебному слѣдствію». Подсудимый же *можетъ просить* о вызовѣ свидѣтелей, но долженъ непремѣнно представить и основанія, «*по какимъ именно обстоятельствамъ*» онъ считаетъ необходимымъ допросъ указанныхъ имъ свидѣтелей (ст. 557). При чемъ, конечно, судъ, *по заключенію прокурора же*, въ правѣ отказать подсудимому въ его просьбѣ.

Къ чему сведено право подсудимаго «просить» и получать «отказъ» можно видѣть изъ рѣчи извѣстнаго всему образованному Петербургскому обществу и одного изъ самыхъ правдивыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, Герарда,—изъ рѣчи, сказанной имъ *на этихъ дняхъ* въ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената. Приводимъ дословно выдержку изъ этой, по истинѣ, знаменательной рѣчи, какъ она передана органами печати:

«Посѣдѣвъ на службѣ суду—говоритъ Герардъ—я съ «глубокою грустью отношусь ко всякимъ проявленіямъ *не«равенства* въ отношеніяхъ суда къ сторонамъ. Присоеди«няясь къ объясненіямъ предшествующаго защитника, я, съ «своей стороны, нахожу, что отказъ суда въ вызовѣ сви«дѣтелей какъ нельзя лучше обнаруживаетъ *проявляющееся «въ послѣднее время теченіе— пренебрегать интересами под«судимыхъ*. Свидѣтели *обвиненія—излюбленные люди*, а «свидѣтели *защиты* разсматриваются, *какъ нежеланные «гости*. Если даже допустить, что указанные подсудимыми «Л. и Р. свидѣтели должны были дать показаніе исключи«тельно объ ихъ личности, то и тогда судъ не долженъ «былъ слѣдовать *заключеніямъ прокурора* и *закрывать «передъ ними двери*. Если свидѣтельство о личности подсу«димыхъ имѣетъ значеніе само по себѣ, то оно *тѣмъ важ«нѣе при переводѣ дѣла въ другой округъ, гдѣ подсуди«мыхъ совершенно не знаютъ*..... Въ многочисленныхъ «опредѣленіяхъ Псковскаго суда усматривается *непонятное «слѣдованіе заключеніямъ прокурора. Все, о чемъ онъ про«ситъ,—исполняется; все, чего домогаются подсудимые* и «ихъ защита, *согласно заключеніямъ прокурора — отвергается*».

Таковы-то и въ данномъ случаѣ «условія современнаго правосудія». Прокуроръ—хозяинъ въ судѣ. Кого онъ найдетъ нужнымъ допрашивать,— того допрашиваютъ; кто ему помѣха,— того не вызываютъ, *по его же заключеніямъ*...

Но этого мало. Прокуроръ имѣетъ полный просторъ хозяйничать въ судѣ несравненно еще опаснѣе.

Какъ образчикъ крайне необъяснимаго пользованія свидѣтельскими показаніями, посмотримъ, какъ распоряжался прокуроръ въ томъ же дѣлѣ о вовлеченіи г. П. въ невыгодную сдѣлку.

Изъ предыдущаго разсмотрѣнія видно уже, что, если допускать самое существованіе невыгодной сдѣлки и преступное вовлеченіе въ эту сдѣлку старшаго брата, то, самъ собою, напрашивается вопросъ: кто же воспользовался всѣми якобы преступными дѣйствіями г. М. К.?—Несомнѣнно, всѣми плодами «обмана и угрозъ» воспользовался младшій братъ П. и, если обвинительная власть нашла возможнымъ привлечь въ качествѣ подсудимаго г. З., который, во время Парижскихъ переговоровъ, безвыѣздно находился въ Петербургѣ и рѣшительно никакого участія въ нихъ не принималъ,—то тѣмъ болѣе надлежало привлечь къ суду *младшаго брата П.*, который *договаривался* окончательно съ напуганнымъ старшимъ братомъ, лишеннымъ «свободной воли» и который *воспользовался результатами обмана*. Между тѣмъ, младшій братъ П. не только не былъ привлеченъ къ суду, но онъ еще явился при судебномъ слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля!..

Вникая въ сущность дѣла, не трудно понять, почему обвинительная власть предпочла видѣть младшаго брата П. въ качествѣ свидѣтеля.

Если-бы младшій братъ былъ привлеченъ къ дѣлу, какъ обвиняемый, то старшій братъ могъ устыдиться своего доноса и, чего добраго, отказался бы отъ всего обвиненія.

Если бы младшій братъ былъ привлеченъ, какъ обвиняемый, то онъ вынужденъ былъ бы откровеннѣе выяснить и весь ходъ переговоровъ въ Парижѣ; при чемъ, съумѣлъ бы доказать, что Парижскій договоръ былъ вовсе не невыгодной сдѣлкой для старшаго брата, а напротивъ, очень и очень выгодной.

Если бы младшій братъ П. былъ привлеченъ, какъ обвиняемый, то, при судебномъ разбирательствѣ, явилось бы два лишнихъ защитника его, и, какъ знать, быть можетъ, тѣ же талантливые адвокаты, которые выступали въ судѣ со стороны

старшаго брата и доказывали несомнѣнность преступныхъ дѣяній г. М. К.—выступили бы защитниками младшаго брата и доказывали бы вздорность всѣхъ обвиненій. Вѣдь младшій братъ тоже располагалъ большимъ состояніемъ, и, какъ менѣе алчный, могъ лучше вознаградить любого адвоката.

Если бы младшій братъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, то полученіе имъ, по Парижскому договору, имуществомъ и деньгами, около 2 милл. рублей привлекло бы несравненно болѣе вниманіе присяжныхъ засѣдателей, нежели полученіе г. М. К. 140 т. руб. въ видѣ вознагражденія.

Наконецъ, если бы въ числѣ подсудимыхъ сидѣлъ младшій братъ П., то ярче выдѣлялись бы алчные инстинкты старшаго П., который не пощадилъ даже чести родного брата, чтобы воспользоваться его долей наслѣдства. При созданной же прокуроромъ обстановкѣ,—старшаго брата можно было выставить человѣкомъ «незаинтересованнымъ»; а будь младшій братъ въ числѣ обвиняемыхъ по доносу старшаго,—всѣ симпатіи были бы на сторонѣ подсудимыхъ.

Этотъ примѣръ, лучше всякихъ разсужденій г. Хартулари, свидѣтельствуетъ, что современныя условія правосудія совсѣмъ не вызываютъ необходимости изысканія новыхъ, «общихъ» государственныхъ принциповъ. Намъ нужно еще заботиться объ искорененіи возможности слишкомъ широкаго произвола, даже въ такихъ вопросахъ, какъ подборъ свидѣтелей.

Участіе защиты.

Кому въ настоящее время не извѣстно, къ какимъ результатамъ приводитъ учрежденіе института присяжныхъ повѣренныхъ!... У насъ создалась, въ полномъ смыслѣ слова, *монополія защиты*. Присяжные повѣренные,—это тѣ же медицинскіе кумиры, рядомъ съ домомъ которыхъ можно умереть, и ни одинъ изъ нихъ не обезпокоится, если семья умирающаго не въ силахъ платить за визиты по меньшей мѣрѣ 10—25 рублей. И какъ въ медицинѣ доктора специализируются: кто лечитъ только нервы, а кто—только насморки; такъ точно и присяжные повѣренные избираютъ себѣ спеціальности: кто ведетъ только уголовныя дѣла,—а кто—бракоразводныя... И если у бѣднаго человѣка нѣтъ средствъ пригласить спеціалиста, а противникъ заручится таковымъ, то одно появленіе его въ судѣ производитъ импо-

нирующее давленіе. Всѣ шансы сразу перейдутъ на сторону богатаго, хотя, быть можетъ, и не праваго. Если появленіе извѣстнаго специалиста имѣетъ громадное значеніе въ дѣлахъ гражданскихъ, то едва-ли не большее еще значеніе имѣетъ защита свѣтилъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Авторитетъ извѣстныхъ адвокатовъ подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на самихъ присяжныхъ засѣдателей. Часто они и не понимаютъ, *о чемъ* идетъ рѣчь, но состовляютъ себѣ мнѣніе потому только, *кто* говоритъ «за» или «противъ».

А во что обходится защита свѣтилъ!—объ этомъ, вѣроятно, излишне даже говорить. Одно можно сказать: «правда» на Руси достается теперь за неизмѣримо большія суммы, чѣмъ когда бы то ни было; и потому для всего *полубѣднаго народа, именно теперь*, болѣе, чѣмъ когда либо, драгоцѣнно сохраненіе права *искать защиты Верховной власти*. Но юристамъ понадобилось и этого права лишить русскій народъ, чтобы все дѣло кончалось на основаніи ихъ краснобайства. Съ этой точки зрѣнія посягателство г. Хартулари не поддается никакому описанію. Законы потеряли прежнее значеніе; явилась плеяда кассаціонныхъ рѣшеній, которыхъ народъ, конечно, не знаетъ, а если бы и зналъ, то не могъ бы понять; хорошіе адвокаты недоступны, а отъ плохихъ — избави насъ Боже! и вотъ при такихъ-то условіяхъ г. Хартулари выступаетъ со своими «общими государственными принципами», — полнаго отдѣленія судебной власти даже отъ самодержавнаго Монарха!...

Помимо того, неизбѣжная погоня за свѣтилами вызываетъ и другое зло. Наиболѣе извѣстные адвокаты завалены работой, и потому, сплошь и рядомъ, изучаютъ дѣла въ попыхахъ, кое-какъ, и выѣзжаютъ во время защиты на фразахъ. Случается, что они пропускаютъ сроки, пропускаютъ заносить въ протоколы поводы кассаціи, дѣлаютъ часто уступки по духу корпоративнаго единенія съ судебнымъ персоналомъ и пр. и пр... Нѣтъ, нынѣ можно и за большія деньги быть погубленнымъ, особенно, если еще адвокатъ противника окажется болѣе находчивымъ или беззастѣнчивымъ. Состязательныя пренія превратились въ открытый спортъ изловченности и діалектики.

Вспомнимъ для примѣра состязанія присяжныхъ повѣренныхъ въ томъ же дѣлѣ вовлеченія г. П въ невыгодную сдѣлку. Дѣло совсѣмъ простое. Защитникамъ подсудимыхъ надлежало лишь выяснить присяжнымъ засѣдателямъ *отсутствіе самаго*

преступленія; имъ надлежало выяснить, что нельзя обвинять кого либо *въ вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку*, когда *нѣтъ самой невыгодной сдѣлки*; а между тѣмъ пренія продолжались два дня, и адвокаты до такой степени съумѣли *затемнить дѣло*, что нельзя было разобраться, за что судили обвиняемыхъ: за то-ли, что они *получили большое вознагражденіе* отъ *младшаго* брата П., который, кстати сказать, и не жаловался; за то-ли, что *М. К.* удержалъ изъ этого вознагражденія *въ свою пользу 140 т. рублей* и передалъ г. З. только 60 т.; за то-ли, наконецъ, что старшій братъ П. *согласился*, подъ угрозами и обманомъ, *раздѣлиться съ младшимъ «по братски»*, хотя и *по закону* онъ обязанъ былъ выдѣлить ему *ровно половину?*...

Стремленіе переговорить другъ друга дошло до того, что защитникъ М. К. пустился въ разсказы: въ какой комнатѣ братья П. завтракали въ Парижѣ, что они тамъ пили, что говорили... И разумѣется, увлекаясь своимъ же краснорѣчіемъ, къ дѣлу даже не относившимся, спутался и, переименовывая разныхъ лицъ, кто, гдѣ и когда бражничалъ,—упомянулъ неудачно двѣ фамиліи. Конечно, прокуроръ тотчасъ же подхватилъ ошибку и, разукрасивъ ее на всѣ лады, создалъ цѣлый обманъ, якобы, съ цѣлью исказить дѣло. Весьма возможно, что это-то изобличеніе защитника, какъ будто, въ сознательной лжи, болѣе всего подѣйствовало на присяжныхъ засѣдателей, не понимавшихъ, очевидно, за что, кого судили.

Такимъ образомъ, опрометчивость защитника г. М. К. послужила къ его погибели.

Но болѣе всѣхъ способствовалъ затемнѣнію дѣла одинъ изъ адвокатовъ гражданскаго истца, т. е. старшаго брата П.

Этотъ адвокатъ, пользующійся въ Москвѣ громадною извѣстностью, сообразилъ, конечно, что о невыгодной сдѣлкѣ, т. е. о самомъ преступленіи—лучше говорить какъ можно менѣе. И потому, все свое краснорѣчіе онъ сосредоточилъ на томъ, что г. М. К. былъ жандармскимъ офицеромъ и поступилъ безсовѣстно, принявъ огромный, *не бывалый въ его практикѣ*, гонораръ.... Подумайте, адвокатъ вдругъ заговорилъ о безсовѣстныхъ гонорарахъ!... Ясно, что малограмотные засѣдатели совсѣмъ были поражены преступностью М. К. Если даже адвокатъ, отличавшійся особенно большимъ аппетитомъ, возмущенъ былъ чудовищнымъ вознагражденіемъ М. К., то значитъ, виновность несомнѣнна. И къ какимъ только неблa-

говиднымъ пріемамъ не прибѣгалъ московскій талантливый адвокатъ (конечно, талантливый по нынѣшнимъ понятіямъ)! Его рѣчь, дѣйствительно, можетъ служить образчикомъ «условій современнаго правосудія».... Чтобы произвести подавляющее впечатлѣніе на засѣдателей, на сколько г. М. К. корыстолюбивъ, онъ пустился убѣждать ихъ, что только въ Петербургѣ возможны такія *преступленія*, какъ *полученіе* вознагражденій въ 140 т. р.

«Москва-де—не Петербургъ,—восклицалъ московскій «адвокатъ; въ Москвѣ—велелѣпіе храмовъ; въ Москвѣ— «колокола гудятъ величественно; въ Москвѣ—народъ мо«лится колѣнопреклоненно!... Такъ, повѣрьте мнѣ, г.г. при«сяжные засѣдатели,—у насъ, въ Москвѣ, содрогнулись «бы отъ такихъ гонораровъ» *).

Логика, изволите ли видѣть,—не очень мудрая, и къ дѣлу о вовлеченіи г. П. въ невыгодную сдѣлку, никакого отношенія не имѣла; но, тѣмъ не менѣе, свое дѣйствіе—возымѣла. Присяжные засѣдатели *убѣдились*, что старшій братъ П., согласившись подписать Парижскій договоръ, былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку и потому г. М. К. признанъ былъ виновнымъ.

Но, что удивительнѣе всего въ данномъ случаѣ, это допущеніе *со стороны суда* произнесенія подобныхъ, неотносящихся къ дѣлу, рѣчей и при томъ, адвокатомъ *гражданскаго истца*, **послѣ того**, *что самый искъ исчезъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ *гражданскомъ искѣ* можно было говорить, когда старшій братъ П. заявилъ въ судѣ, что *всѣ имущественные споры* съ младшимъ братомъ онъ предоставляетъ рѣшить *третейскому суду?* Значитъ, интересы старшаго брата поставлены были *внѣ всякой зависимости* отъ *обвиненія подсудимыхъ*; и значитъ, адвокаты г. П., который былъ «вовсе не заинтересованъ» въ исходѣ дѣла,—должны были бы покинуть роль адвокатовъ гражданскаго истца и уйдти изъ засѣданія, а между тѣмъ, они оставались и продолжали добиваться обвиненія, какъ защитники *гражданскихъ интересовъ* г. П.... Что же это за юридическая странность? И почему она была допущена?—Отвѣтъ очень простой. Обвиненію—необ-

---

*) Въ газетахъ приводились примѣры, какіе гонорары срывалъ тотъ же московскій адвокатъ; изъ тѣхъ примѣровъ выяснилось, что благочестіе Москвы не имѣетъ никакого соотношенія съ апетитомъ того же адвоката, очень охотно защищающаго самыхъ алчныхъ ростовщиковъ.

ходимо было краснорѣчіе двухъ адвокатовъ, особенно московской звѣзды. Одному прокурору едва ли удалось бы убѣдить въ чемъ либо присяжныхъ засѣдателей; и потому вполнѣ естественно *прокуроръ далъ свое заключеніе о допущеніи адвокатовъ г. П.* къ дальнѣйшему затемненію дѣла; а судъ съ заключеніемъ прокурора вполнѣ согласился.... Поводъ къ кассаціи—очевиденъ; но дѣло не было кассировано. Кассаціонная жалоба оставлена «безъ послѣдствій».

Не малое удивленіе вызывало и поведеніе защитниковъ подсудимыхъ. *Участіе* адвокатовъ *несуществующаго гражданскаго истца* не было ими оттѣнено надлежащимъ образомъ; оно не вызвало даже самаго слабаго протеста; тогда какъ, при такомъ открытомъ нарушеніи правосудія, протестъ надлежало довести, въ крайнемъ случаѣ, до *отказа отъ защиты* и до *выхода изъ зала засѣданія*. Несомнѣнно, открытый протестъ противъ открытаго нарушенія законовъ, заставилъ бы судъ внимательнѣе относиться къ законнымъ требованіямъ защитниковъ подсудимыхъ; къ тому же они произвели бы большее впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей основательнымъ протестомъ, нежели всѣми своими рѣчами, тонкости которыхъ полуграмотные засѣдатели не могли даже и понять. Но, вѣдь, въ томъ-то и бѣда, что этика нашихъ юристовъ не допускаетъ слишкомъ крутыхъ пріемовъ; они могутъ горячо протестовать, если упущена какая либо формальность, не имѣющая особенно существеннаго значенія; но протеста противъ открытаго обхода законовъ—этика юристовъ не допускаетъ: нельзя же публикѣ, непосвященной въ тайны «юридическихъ началъ», представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣянія своихъ же собратьевъ. Всякій изъ защитниковъ понимаетъ, что съ членами судебнаго вѣдомства они—коллеги по профессіи; а при томъ, поддержаніе хорошихъ отношеній со всѣмъ персоналомъ суда—и не безвыгодно.

Какъ бы то ни было, но защитники подсудимыхъ равнодушно отнеслись къ оставленію въ дѣлѣ адвокатовъ мнимаго истца, и допустили, рѣчами о гудѣніи московскихъ колоколовъ, заговорить присяжныхъ засѣдателей. Призъ этого недостойнаго спорта достался адвокатамъ истца, и талантливость ихъ пріобрѣла еще болѣе громкую извѣстность *)...

*) Мы не ставимъ въ особую заслугу защитникамъ г. З. полное оправданіе его. Вѣдь, при всемъ стремленіи прокурора и адвокатовъ мнимаго истца уцѣпиться за что нибудь,—это оказалось совершенно не возможнымъ. Если бы присяжные обви-

Постановленіе вопросовъ.

Когда обѣ стороны наговорятся до изнеможенія присяжныхъ засѣдателей, то судъ приступаетъ къ *постановленію вопросовъ*, подлежащихъ рѣшенію. Въ этомъ отношеніи встрѣчаются тоже небольшія неясности, предоставляющія возможность сбивать засѣдателей, особенно людей недостаточно развитыхъ. Прочтите одинъ законъ — и будетъ казаться, что правосудіе охранено, какъ нельзя лучше; прочтите другой—и получится самое тягостное впечатлѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи ст. 756: «*не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ* соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ *утвердительно*, а другой—*отрицательно*».

Законъ ясенъ и смыслъ вполнѣ понятенъ. Но раньше этого закона встрѣчается еще статья 754, въ которой высказывается понятіе далеко не точное и предоставляющее полную возможность къ произвольному примѣненію закона. Статья 754 говоритъ:

«Вопросы о томъ: *совершилось-ли событіе* преступ«ленія, было-ли оно *дѣйствіемъ подсудимаго* и должно-ли «оно быть *вмѣнено* ему въ вину, *соединяются въ одинъ* «*совокупный вопросъ* о виновности подсудимаго, когда «никѣмъ *не возбуждено сомнѣнія* ни въ томъ, что событіе «преступленія дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, «что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, «если будетъ признано его дѣяніемъ. *Въ случаѣ какого*-«*либо сомнѣнія* по которому либо изъ сихъ вопросовъ, они «должны быть постановлены *отдѣльно*».

Итакъ, первая приведенная статья требуетъ *безусловнаго отдѣленія* вопросовъ, по которымъ могутъ послѣдовать различные отвѣты, тогда какъ вторая,—ставитъ редакцію вопросовъ въ зависимость отъ возбужденія какихъ-то «сомнѣній».

Такая постановка дѣла не соотвѣтствуетъ истинному духу

нили г. З., то послѣ того, нельзя было бы удивляться обвиненію кого угодно въ убійствѣ живого человѣка. Недобросовѣстность обвиненія г. М. К, выяснилась вполнѣ опредѣленно съ минуты заявленія братьевъ, что они свои расчеты передаютъ на рѣшеніе третейскаго суда; недобросовѣстность же обвиненія г. З.—очевидна была съ перваго момента, и потому защита его не требовала большого искусства. Напрасно защитники, выдающіеся знаніями и высокими качествами, старались ломать свои копья, а о всѣхъ правонарушеніяхъ совершенно молчали...

суда «народной совѣсти», а въ извѣстныхъ случаяхъ и крайне опасна.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что вовсе не дѣло суда *предрѣшать* вопросъ, *можно-ли* или *нельзя* вмѣнить въ вину подсудимому то или иное преступленіе; это дѣло совѣсти присяжныхъ. Весьма возможно, что въ извѣстномъ процессѣ никто не возбудитъ подобнаго сомнѣнія, а оно возбудится въ совѣсти самихъ засѣдателей; почему, казалось бы, правильнѣе *всегда отдѣлять* вопросы: было-ли совершено такое-то преступное дѣяніе, и можно-ли его вмѣнить въ вину подсудимымъ? Вслѣдствіе соединенія вопросовъ и выходитъ такая аномалія, что, сплошь и рядомъ, присяжнымъ засѣдателямъ, не считающимъ возможнымъ обвинить подсудимаго, приходится отрицать самый фактъ преступленія, хотя бы онъ не подлежалъ никакому сомнѣнію и хотя бы подсудимый сознался въ совершеніи его. Подобные случаи даютъ основаніе противникамъ «суда совѣсти» лишній разъ бросить камнемъ въ великое начало судебныхъ уставовъ; а по нашему мнѣнію, подобные случаи указываютъ только на несовершенство закона и на отсутствіе «юридическаго такта» въ гг. судьяхъ. *Въ каждомъ данномъ случаѣ*, какъ бы ни было несомнѣнно совершеніе преступленія, и даже именно тѣмъ подсудимымъ, который въ немъ обвиняется,—могутъ быть мотивы, не допускающіе вмѣненія самого преступленія въ вину *подсудимому*, и если бы вопросы всегда ставились отдѣльно, то присяжные засѣдатели на вопросъ: было-ли совершено преступленіе? — имѣли бы возможность отвѣтить: «да, было»; а на вопросъ: виновенъ-ли такой-то? — отвѣтили-бы: «нѣтъ, не виновенъ».

Счастье еще подсудимаго, если засѣдатели люди опытные, развитые и съумѣютъ справиться съ туманной постановкой вопросовъ. Но, если въ составѣ засѣдателей преобладаетъ элементъ невѣжественный, то соединеніе вопросовъ превращаетъ судъ совѣсти въ простую лоттерею.

Пояснимъ это примѣромъ на томъ-же дѣлѣ, которое такъ обильно всякими обходами законовъ, — мы говоримъ о дѣлѣ вовлеченія г. П. въ невыгодную сдѣлку. Въ данномъ случаѣ, не только соединены были вопросы, допускавшіе отвѣты различнаго свойства, и о чемъ возбуждено было сомнѣній болѣе чѣмъ достаточно, но самая редакція вопросовъ была настолько *юридически тонка*, что обвиненіе подсказано было въ самыхъ вопросахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, первый основной вопросный пунктъ составленъ былъ въ такомъ видѣ: *былъ-ли* такого-то года, такого-то мѣсяца и числа *совершенъ въ Парижѣ договоръ* о томъ-то и о томъ-то, коимъ старшій *былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку*... Затѣмъ слѣдовали еще разныя детали, затемнявшія самое существо вопроса.

Для людей развитыхъ, сущность вопроса представлялась бы въ томъ,—можно ли признать *Парижскій договоръ невыгодной сдѣлкой?* а лицамъ неразвитымъ, каковыми и было большинство засѣдателей, бросалась въ глаза первая часть вопроса: *былъ ли тогда-то совершенъ въ Парижѣ договоръ?* Вовлеченіе же въ невыгодную сдѣлку представлялось какъ-бы *послѣдствіемъ* договора. Такая юридическая тонкость—цѣли достигла. Присяжные засѣдатели невольно должны были отвѣтить на первый вопросъ: Былъ ли совершенъ договоръ?—«да, былъ». Какъ же иначе было отвѣтить?—вѣдь, договоръ и въ самомъ дѣлѣ былъ совершенъ.

Отвѣтомъ на первый вопросъ рѣшена была и виновность г. М. К., такъ какъ въ первомъ же пунктѣ очень искусно вставлена была фраза о вовлеченіи старшаго брата П. въ невыгодную сдѣлку. Въ пониманіи полуграмотныхъ людей виновность М. К. выходила сама собой. Договоръ былъ совершенъ, значитъ, старшій братъ П. былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку; и слѣдовательно, М. К. виновенъ въ вовлеченіи г. П. въ эту невыгодную сдѣлку....

На основаніи же закона (ст. 756) судъ обязанъ былъ составить вопросы совсѣмъ иначе. Суду надлежало поставить отдѣльные вопросы: 1) былъ ли совершенъ въ Парижѣ договоръ о томъ-то и томъ-то? 2) Составляетъ ли Парижскій договоръ невыгодную сдѣлку, въ которую вовлеченъ старшій братъ П. путемъ обмана и угрозъ? и 3) Виновенъ ли г. М. К. въ вовлеченіи г. П. путемъ обмана и угрозъ въ невыгодную сдѣлку?

Всякому понятно, что по первому вопросу отвѣтъ могъ быть только утвердительный: «да, былъ»; тогда какъ, по второму и третьему вопросамъ могъ послѣдовать отвѣтъ и утвердительный и отрицательный. Надо полагать, предсѣдатель и члены суда не могли не понимать такой простой истины; между тѣмъ, они соединили въ одинъ вопросъ два совершенно различныхъ понятія.

Судъ, обязанный руководствоваться статьей 756, предпочелъ затемнить вопросы, воспользовавшись 754 статьей, а

этика защитниковъ подсудимыхъ заставила ихъ молчать и при подобномъ серьезномъ правонарушенiи.

Заключительная рѣчь предсѣдателя суда.

Законъ (ст. 801) обязываетъ предсѣдателя выяснять присяжнымъ засѣдателямъ:

«1) существенныя обстоятельства дѣла и законы, «относящiеся къ опредѣленiю свойства разсматриваемаго «преступленiя или проступка; и 2) *общiя юридическiя «основанiя къ сужденiю о силѣ доказательствъ,* приведен«ныхъ въ пользу и противъ подсудимаго».

Но при этомъ, предсѣдатель не долженъ

«ни обнаруживать собственнаго своего мнѣнiя о винѣ «или невинности подсудимаго, ни приводить обстоя«тельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго состязанiя». (ст. 802).

Сопоставляя эти два закона, становится несомнѣннымъ, что точное исполненiе ихъ *по духу* зависитъ всецѣло отъ добросовѣстности предсѣдателя. Возложенiе на него обязанности объяснять «*общiя юридическiя основанiя къ сужденiю о силѣ доказательствъ*» — предоставляетъ самый широкiй просторъ превратить заключительное слово въ заключительную обвинительную рѣчь.

Прежде всего, не совсѣмъ понятно, зачѣмъ составители проектовъ закона вводятъ слова *иностраннаго* происхожденiя, русскому народу не понятныя, и имѣющiя самый растяжимый, эластичный смыслъ. «*Общiя юридическiя* основанiя къ сужденiю о *силѣ доказательствъ*» даютъ возможность внушать засѣдателямъ все, что угодно; имъ можно внушать, *кому* изъ свидѣтелей они *должны вѣрить, кому—не вѣрить;* имъ можно внушать, *какое* изъ доказательствъ должно имѣть большее *юридическое* значенiе; пользуясь этими-же «общими юридическими основанiями», можно убѣждать ихъ въ совершенiи подсудимыми даже несуществующаго преступленiя, если вмѣняемое имъ преступленiе нѣсколько сложнѣе простыхъ, обыденныхъ преступленiй, доступныхъ разуму самыхъ необразованныхъ людей и проч.

Такъ, въ дѣлѣ о вовлеченiи г. П. въ невыгодную сдѣлку, предсѣдатель выяснялъ, что самъ г. П. ни въ чемъ «не заин-

тересованъ», иными словами, *ему надлежитъ вѣрить;* въ то-же время, предсѣдатель умолчалъ о томъ, что, *возбуждая жалобу,* онъ былъ очень и очень заинтересованъ; умолчалъ также и о томъ, что съ передачей расчетовъ между братьями *третейскому суду, исчезло самое понятіе о выгодности или невыгодности* Парижскаго договора, т. е. заключенной между братьями *сдѣлки.* Мало того, предсѣдатель пустился въ такія *юридическія* доказательства невыгодности сдѣлки, которыя можно примѣнять рѣшительно ко всѣмъ сдѣлкамъ, заключаемымъ ежедневно на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, въ неопредѣленномъ числѣ и на неопредѣленныя суммы.

Въ самомъ дѣлѣ, предсѣдатель, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четверти часа, выяснялъ, насколько опасна была для старшаго брата г. П. *выдача краткосрочныхъ векселей* младшему брату на сумму 1.300,000 руб. Это, молъ, обязывало старшаго брата прибѣгать къ залогу имѣній, а всѣмъ извѣстно, какъ тяжело при современныхъ экономическихъ условіяхъ отзывается всякій залогъ имѣній; залогъ имѣнія,—вѣдь, это бѣдствіе, это можетъ разстроить всѣ хозяйственныя соображенія и проч. О томъ-же, что *младшій* братъ *предлагалъ* старшему *разсрочить* платежъ денегъ на нѣсколько лѣтъ, но при условіи, что платежи будутъ обезпечены закладной,—объ этомъ предсѣдатель, случайно, *позабылъ....*

Итакъ, изъ заключительной юридической рѣчи предсѣдателя вышло, что, если *старшій братъ* пожелалъ оставить себѣ *львиную долю* изъ имѣній, а *младшій братъ* потребовалъ выдачи *краткосрочныхъ векселей* въ виду нежеланія старшаго брата обезпечить платежи закладной,—то это составляло *сущность невыгодной сдѣлки!..* Понятіе,—весьма странное, не поддающееся никакой логикѣ; но тѣмъ не менѣе, фактъ неоспоримый, что предсѣдатель позволилъ себѣ въ этомъ именно смыслѣ объяснять «*общія юридическія основанія*» невыгодности сдѣлки.

Весьма интересно было бы знать, какъ поступилъ бы любой изъ обвинителей, если бы ему самому пришлось дѣлить наслѣдство со старшимъ братомъ П., т. е съ человѣкомъ слабой воли и около котораго увиваются тесть и разные управляющіе, которые сами себя не забываютъ? Согласился-ли бы кто-нибудь получить по раздѣлу *меньшую долю* и, притомъ, взять векселя *на долгіе сроки* и ничѣмъ *не обезпечить* платежа по нимъ? Смѣемъ думать, что взгляды предсѣдателя на «общія юридическія основанія» представились бы ему нѣсколько въ

иномъ смыслѣ, еслибъ онъ въ состояніи былъ относиться къ дѣлу болѣе объективно.... Въ чужомъ глазу легко мы спицы замѣчаемъ...

До какой-же степени оказались всѣ «общія юридическія основанія» безсодержательными, можно видѣть изъ послѣдующихъ дѣйствій старшаго брата П. Не прошло и года, послѣ рѣчи предсѣдателя о томъ, какой ужасъ угрожалъ старшему брату, еслибъ ему пришлось заложить главное имѣніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, чтобы расчитаться съ младшимъ братомъ на 1.300,000 руб.,—какъ тотъ-же старшій братъ, безъ всякаго ужаса, заложилъ то-же самое имѣніе, но не для расчета съ младшимъ, а для того, чтобы *купить еще одно имѣніе*, совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и заплатилъ за него ни болѣе, ни менѣе, какъ полтора милліона.

И какъ удивился бы предсѣдатель, убѣждавшій засѣдателей въ вовлеченіи старшаго брата П. въ невыгодную сдѣлку, если бы узналъ, что этотъ же старшій г. П. цѣлый годъ уклонялся отъ третейскаго суда, и, взявши измором своего младшаго брата,— предложилъ ему наконецъ передѣлиться миромъ, причемъ, все таки вынужденъ былъ удѣлить изъ своей львиной доли на 300 тыс. рублей болѣе, чѣмъ опредѣлено было, якобы, невыгодной Парижской сдѣлкой.... Теперь не остается никакого сомнѣнія, что предсѣдатель, представляя Парижскій договоръ чѣмъ-то хищническимъ,—слишкомъ увлекся своимъ правомъ:—выяснять засѣдателямъ «*общія* **юридическія** *основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ*»—и выяснилъ имъ все дѣло въ самомъ превратномъ видѣ....

Въ дѣйствіяхъ предсѣдателя остается еще одинъ необъяснимый поступокъ,—нарушеніе статьи 804. На основаніи этого закона предсѣдатель *обязанъ* былъ выяснить засѣдателямъ, что «въ случаѣ осужденія подсудимаго, *они могутъ*, если найдутъ достаточныя къ тому основанія, *признать его заслуживающимъ снисхожденія*». Но предсѣдателю даже и этого не угодно было исполнить. Онъ не считалъ возможнымъ допускать снисхожденія, и свое *личное убѣжденіе* проявилъ самымъ наглядным образомъ.

Этотъ примѣръ ярче всего свидѣтельствуетъ, какой широкій просторъ предоставленъ «юридическому такту» предсѣдателя суда, и на сколько онъ можетъ, при желаніи, злоупотреблять своею властью. Кому приходилось присутствовать при судебныхъ разсмотрѣніяхъ,—тотъ твердо знаетъ, къ чему,

очень часто, сводятся объясненія предсѣдателемъ «*общихъ юридическихъ основаній....*»

И такъ, всѣ разсмотрѣнныя условія судопроизводства должны привести къ убѣжденію всякаго безпристрастнаго читателя, что г. Хартулари слишкомъ поспѣшно дѣлаетъ свои выводы. Рановато еще проповѣдывать «устраненіе себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія».—Вѣдь, если такая проповѣдь будетъ принята и примѣнена къ жизни, то все правосудіе сведется къ «*юридической лойяльности*», къ разнымъ «*общимъ юридическимъ основаніямъ*» и т. п. Да хранитъ насъ Богъ отъ этихъ юридическихъ благодѣяній!...

Глава VI.

Поясненіе примѣрами несовершенства «Условій современнаго правосудія».

(*Продолженіе*).

Въ предъидущей главѣ мы разсмотрѣли, какимъ образомъ примѣняются на практикѣ основныя начала уголовнаго судопроизводства. Здѣсь же разсмотримъ характеристичныя черты гражданскаго судопроизводства, и главнымъ образомъ, различные пути къ обходу законовъ, дабы выяснить, насколько пагубно было бы для народа «устраненіе себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія».

Нарушеніе законовъ о подсудности.

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что всѣ гражданскіе споры и иски разсматриваются на основаніи *гражданскихъ законовъ* и въ порядкѣ *гражданскаго судопроизводства*. Но, людямъ недобросовѣстнымъ не всегда это бываетъ выгодно, и тогда они прибѣгаютъ къ доносамъ, лишь бы *подсудность гражданскому суду*—замѣнить *уголовною подсудностью*.

Гражданскіе законы не допускаютъ, напримѣръ, свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе *письменныхъ* докумен-

товъ и обязательствъ; не допускаются свидѣтельскія показанія для доказательства даже такихъ расчетовъ, которые *по закону* должны быть облекаемы въ письменные документы.

Но не всѣмъ выгодно руководствоваться законами и глубокимъ ихъ смысломъ. И вотъ, всѣ, кому выгоднѣе обходить законы, спѣшатъ искать защиты прокуроровъ.

По поводу свидѣтельскихъ показаній законъ гласитъ (ст. 409 Устава Гражд. Судопр.):

«Свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы «доказательствомъ *тѣхъ только событій*, для которыхъ, «по закону, *не требуется* письменнаго удостовѣренія....».

Затѣмъ въ слѣдующей статьѣ 410 говорится:

«*Содержаніе письменныхъ документовъ*, установлен«нымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствован«ныхъ, *не можетъ быть опровергаемо показаніями сви«дѣтелей*, за исключеніемъ споровъ о подлогѣ».

Смыслъ закона вполнѣ понятенъ: если допустить свидѣтельскія показанія въ доказательство *денежныхъ сдѣлокъ*, совершенныхъ, якобы, *на слово*, то, путемъ подставныхъ свидѣтелей, можно было бы кого угодно обобрать до-чиста...

Точно также, если допустить *опроверженіе* законныхъ *письменныхъ* документовъ, то въ Государствѣ *не могло бы быть никакого кредита*,—любой документъ можно было бы оспаривать двумя-тремя свидѣтелями, склонными за извѣстную сумму свидѣтельствовать гдѣ угодно и что попало. Казалось бы, такіе законы должны быть охраняемы во всей своей неприкосновенности; а между тѣмъ, на практикѣ, они обходятся гораздо чаще, чѣмъ можно было бы предполагать.

Бываютъ случаи, что судьи, увлекаясь правомъ судить «по совѣсти», находятъ нужнымъ опросъ свидѣтелей по всякимъ денежнымъ сдѣлкамъ — даже о безденежности *векселей*, и притомъ, *протестованныхъ*...

Но подобные обходы закона слишкомъ грубы и, какъ кажется, практикуются пока только у *мировыхъ судей*; по крайней мѣрѣ, примѣровъ такого обхода законовъ *въ судахъ* представить не можемъ. Въ судахъ, за то, практикуется обходъ болѣе тонкій и болѣе существенный.

Мы можемъ привести нѣсколько случаевъ, въ которыхъ лица, стремившіяся отдѣлаться отъ исполненія своихъ *письменныхъ* обязательствъ,—переносили дѣла объ этихъ обязатель-

ствахъ на уголовную почву, гдѣ любой документъ можетъ быть опороченъ путемъ всякихъ свидѣтельскихъ показаній. Это— самый обыденный пріемъ и, сказать правду, пользующійся не малымъ покровительствомъ прокуроровъ.

Приведемъ два особенно рельефныхъ примѣра.

Возбужденіе знаменитаго дѣла о вовлеченіи г. П. въ невыгодную сдѣлку относится къ тому же способу обхода гражданскихъ законовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже, что между братьями П. состоялось въ Парижѣ соглашеніе о раздѣлѣ наслѣдства въ нѣсколько милліоновъ рублей. Соглашеніе было оформлено *въ письменный договоръ*; ранѣе совершенія его, старшимъ братомъ П. велись переговоры, сначала съ г. М. К., затѣмъ, съ младшимъ братомъ. Переговоры велись въ теченіе *почти двухъ недѣль;* велись они *въ Парижѣ*, т. е. *въ центрѣ цивилизаціи*, гдѣ находятся представители нашего Правительства: посолъ, консулъ и другія, власть имущія, лица, и, къ которымъ, конечно, старшій братъ П. имѣлъ полную возможность во всякую данную минуту обратиться съ просьбой о защитѣ противъ застращиваній г. М. К.

Изъ дѣла выяснилось еще, что въ переговорахъ принималъ участіе одинъ изъ *извѣстныхъ юристъ-консультовъ;* а въ числѣ совѣтниковъ старшаго брата П. были *близкіе ему* люди. При такой обстановкѣ договоръ, подписанный обѣими сторонами, *ни при какихъ условіяхъ* не могъ быть уничтоженъ въ порядкѣ *гражданскаго* судопроизводства. Что же предпринимаетъ старшій братъ П., когда явилось у него желаніе отдѣлаться отъ своихъ обязательствъ по договору?—Онъ заявляетъ жалобу прокурору о *вовлеченіи* его, путемъ обмана и угрозъ, *въ невыгодную сдѣлку;* и такимъ образомъ, дѣло чисто *гражданское* переносится на *уголовную* почву.

Разумѣется, жалоба благосклонно принимается; дѣло милліонное, дѣло—громкое.

Сейчасъ же является *пострадавшее* лицо, неопытный молодой человѣкъ, слабоумный, лишенный воли. Это ли не типъ пострадавшаго лица!.. Его, въ теченіе двухъ недѣль запугиваютъ, застращиваютъ. На помощь прокурору являются *достовѣрные* свидѣтели, въ родѣ тестя старшаго брата П., удостовѣряющаго слабовольность г. П. (что, однако, не помѣшало ему, т. е. этому же тестю, выдать за слабоумнаго милліонера свою дочь). Являются и парижскіе *друзья*, которые удостовѣряютъ, что г. П.

во время переговоровъ съ М. К. былъ *замѣтно разстроенъ* и имѣлъ *угнетенный видъ*... Обвиненіе подтверждается достовѣрными свидѣтельскими показаніями—и прокуроръ, во всеоружіи уголовныхъ законовъ, оказывается *вынужденнымъ*, защищая гражданскіе интересы г. П., попирать гражданскіе же законы.

Въ этомъ роковомъ, фатальномъ дѣлѣ особенно рѣзко бросается въ глаза упорное пренебреженіе *логикой*. Такъ, *единственнымъ свидѣтелемъ* застращиванія и обмана является само же *заинтересованное* лицо. Прочіе же свидѣтели парижскихъ переговоровъ удостовѣряютъ лишь *слабовольность г. П.* и *угнетенный видъ* его, что обвинителями принимается за *подтвержденіе угрозъ и обмана* со стороны М. К. Никто какъ будто не даетъ себѣ отчета, что *слабовольный человѣкъ* и не могъ имѣть *бодраго вида*, когда его убѣждалъ М. К. отдать младшему брату половину наслѣдства, доказывая, что онъ и по закону имѣетъ право на эту половину. Надо полагать, всѣ люди испытываютъ нѣкоторое нравственное угнетеніе, когда имъ выясняютъ, что они захватили чужое добро, особенно, если имъ представляютъ основательные доводы, что въ случаѣ отказа кончить дѣло миромъ, *законъ обяжетъ ихъ отдать все то, что имъ не принадлежитъ* по праву. Почему же обвинителей такъ удивило, что г. П., когда уразумѣлъ, что ему придется отдать около 2 милліоновъ, которые онъ считалъ уже неотъемлемою своею собственностью, то испытывалъ извѣстное *угнетеніе?* Неужели же обвинители и въ самомъ дѣлѣ могли ожидать веселаго, радостнаго настроенія человѣка, которому предстояло раздѣлиться съ братомъ «по братски», выпустивъ изъ своихъ рукъ около 2 мил. рублей? Видимо, съ логикой и психологіей они плохо ознакомлены. Всякій недобросовѣстный должникъ испытываетъ угнетеніе, когда видитъ неизбѣжность разставаться съ деньгами, которыхъ ему не хотѣлось бы платить...

Но наиболѣе поражаетъ въ этомъ дѣлѣ—полное *нежеланіе* со стороны обвинителей *считаться съ очевидностью*. При окончаніи переговоровъ и совершеніи договора присутствовалъ, какъ замѣчено выше, извѣстный *юристъ-консультъ* въ Парижѣ. Несомнѣнно, его показанія должны были имѣть громадное значеніе; но онъ отказался отъ всякихъ показаній, какъ человѣкъ, обязанный хранить профессіональную тайну. Обвиняемый М. К., узнавъ о причинѣ молчанія юристъ-консульта, немедленно послалъ ему разрѣшеніе не стѣсняться профессіональной тайной и просилъ показать истину... Кто же не освободилъ его отъ

этой тайны? само же мнимо пострадавшее лицо!.. Фактъ первостепенной важности! а, между тѣмъ, онъ то и остался, какъ бы незамѣченнымъ. Казалось бы, обвинительная власть сама обязана была потребовать отъ жалующагося г. П. освобожденія самаго серьезнаго свидѣтеля отъ профессіональной тайны, иначе надлежало представить дѣло на прекращеніе; а обвинители распорядились иначе: они поторопились закончить слѣдствіе и представили немедленно же все дѣло въ окружный судъ... для преданія г. М. К. суду!

Вотъ, какими путями обходятся судебные уставы по гражданскимъ дѣламъ. Въ этой сферѣ—просторъ полный. Свидѣтельскія показанія противъ *письменныхъ документовъ по гражданскому судопроизводству не допускаются;* но стоитъ ли этимъ стѣсняться, когда *по уголовному,—можно допрашивать всѣхъ, кого найдетъ полезнымъ допросить прокурорская власть!..* Достаточно подать жалобу прокурору, конечно, не вполнѣ добросовѣстному, или стремящемуся составить свою карьеру громкими дѣлами, — и всѣ гражданскіе законы опрокидываются, какъ бы ихъ и не бывало...

Приведемъ другой примѣръ, гдѣ произволъ проявился не въ меньшей степени.

Нѣкій купецъ Г., позаимствовалъ разновременно у купчихи К. свыше 40 т. руб., охотно выдавая ей векселя, которыхъ и не думалъ когда либо оплатить. По совѣту и настоянію близкаго родственника, г-жа К. потребовала обезпеченія. Купецъ Г. и на это охотно согласился, но при этомъ удобномъ случаѣ, потребовалъ увеличеніе ему кредита.

Не прошло послѣ того и года, какъ г. Г. прекратилъ платежи и заявилъ, что онъ дошелъ до несостоятельности, вслѣдствіе того, что родственникъ г-жи К. его обмошенничалъ и на всѣ долги той же г-жи К. взялъ съ него двойныя обязательства. Составлена была жалоба въ десятки листовъ, подана прокурору, и дѣло началось.

Сейчасъ же явились всевозможные свидѣтели; одни свидѣтельствовали, что такой-то вексель безденежный, а такой-то погашенъ; другіе свидѣтельствовали, что родственникъ г-жи К. обязался произвести съ нею за г. Г. разные расчеты; третьи свидѣтельствовали о благихъ намѣреніяхъ г. Г. и пр. и пр.

Въ числѣ свидѣтелей, особенно обстоятельны были показанія управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ одного изъ банковъ. Этотъ управляющій сильно покровительствовалъ г. Г. и самымъ

необдуманнымъ образомъ открылъ ему, сравнительно, громадный кредитъ. Понятно, когда г. Г. оказался несостоятельнымъ, то управляющій отдѣленіемъ банка охотно свидѣтельствовалъ, что бѣднаго купца Г. обобрали, и потому только онъ оказался несостоятельнымъ. Вѣдь, въ обвиненіи родственника г-жи К. управляющій видѣлъ объясненіе и оправданіе своей собственной оплошности въ открытіи громаднаго кредита завѣдомому аферисту.

Когда всѣхъ показаній свидѣтелей оказалось все таки недостаточно, тѣмъ болѣе, что главнаго свидѣтеля, именно, управляющаго отдѣленіемъ родственникъ г-жи К. на очной ставкѣ изобличилъ во лжи,—то немедленно же были приняты и другія соотвѣтственныя мѣры затуманить дѣло.

Такъ въ данномъ случаѣ г. Г. заявилъ, что родственникъ г-жи К. заставилъ его, тоже, конечно, путемъ обмана и завлеканія, выдать двойныя обязательства, что главнымъ образомъ его и разорило. Замѣтимъ, что по всѣмъ своимъ обязательствамъ г. Г., конечно, ничего еще не уплатилъ; но тѣмъ не менѣе, онъ оказался уже разореннымъ въ виду одной только возможности требованія платежа.

Убѣждая слѣдователя и прокурора, что онъ долженъ много меньше, чѣмъ было его обязательствъ, г. Г., конечно, не потрудился представить никакихъ письменныхъ доказательствъ; онъ выставилъ только свидѣтелей. Но, что страннѣе всего, г. Г. *не представилъ даже своихъ торговыхъ книгъ,* которыхъ, по обыкновенію всѣхъ аферистовъ, даже и не велъ; а *прокурорскій надзоръ отъ него книгъ и не требовалъ*. Потребовано же было предъявленіе книгъ отъ постороннихъ лицъ.

Въ конторѣ, напримѣръ, г-жи К. производился осмотръ и экспертиза книгъ не менѣе трехъ разъ. Купецъ Г. порочитъ ихъ, заявляетъ, что книги фальшивыя, подложныя; заявляетъ, что такія-то суммы отъ него не заприходованы и пр.

Продѣлавъ подобныя манипуляціи, т. е. предоставивъ прокурорскому надзору переопросить массу свидѣтелей и осмотрѣть книги постороннихъ лицъ,—г. Г. требуетъ выдачи ему копій со всѣхъ слѣдственныхъ протоколовъ, и затѣмъ придавая еще всѣмъ показаніямъ и выборкамъ изъ счетныхъ книгъ произвольныя толкованія,—предъявляетъ кому попало иски, ссылаясь на копіи *слѣдственныхъ документовъ*. Одной г-жѣ К. предъявлено было 5 или 6 исковъ, на общую сумму свыше 150 т. руб.!...

Такимъ образомъ, г-жа К., не только потеряла свои

деньги, но вынуждена была отвѣчать по самымъ безсодержательнымъ искамъ, нанимая адвокатовъ, изводя массу денегъ на переписку и на всякія судебныя издержки.

Подобныя «условія современнаго правосудія» свидѣтельствуютъ, что всѣ мы совершенно беззащитны, если прокуроръ окажется особенно ретивымъ охранителемъ гражданскихъ интересовъ на уголовной почвѣ всѣхъ тѣхъ, кто выдаетъ себя за *пострадавшаго*. Какъ бы кто осторожно ни держалъ себя, достаточно вступить ему въ какія бы то ни было *гражданскія сдѣлки*, чтобы слѣдователи и прокуроры замучили его на почвѣ *уголовнаго* судопроизводства, и чтобы воспроизвели еще массу слѣдственныхъ матеріаловъ для возбужденія вереницы исковъ.

Невольно у всякаго явится вопросъ: да неужели законъ предоставляетъ право прокуратурѣ такъ безцеремонно пользоваться своею властью?—И отвѣтить на такой вопросъ будетъ очень трудно.

По поводу, напримѣръ, осмотра книгъ г-жи К., любой прокуроръ можетъ прикрыться крайне эластичнымъ смысломъ статьи 357 (уст. угол. судопр.).

> «Обыски и выемки въ домахъ и другихъ жилыхъ по-
> «мѣщеніяхъ производятся *лишь* въ случаѣ *основательнаго*
> «*подозрѣнія*, что въ этихъ мѣстахъ скрыты: обвиняемый,
> «или предметъ преступленія, или вещественныя доказа-
> «тельства, необходимыя для объясненія дѣла».

Слово: «*лишь*» указываетъ, конечно, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду предоставлять слѣдователямъ и прокурорамъ широкаго права рыться въ конторскихъ книгахъ, въ сокровенныхъ письмахъ и другихъ бумагахъ, по своему личному усмотрѣнію, а «*лишь* въ случаѣ основательнаго подозрѣнія». Но развѣ законъ можетъ вздержать какого либо прокурора, если онъ пожелаетъ дѣлать не то, что повелѣваетъ законъ, а то, что ему угодно? Достаточно *возъимѣть* «основательное подозрѣніе», за что, конечно, ни слѣдователь, ни прокуроръ фактически не отвѣтственны, ибо ни въ чью душу проникнуть не возможно,—и въ любомъ домѣ, въ любой торговой конторѣ могутъ хозяйничать, какъ имъ заблагоразсудится.

По законамъ торговымъ, конторскія книги составляютъ «ненарушимую коммерческую тайну» (ст. 617 Уст. Торг.). Судъ гражданскій и не въ правѣ требовать предъявленія ихъ ни по какимъ искамъ съ посторонними лицами. Но, если кому

либо желательно будетъ ознакомиться съ содержаніемъ чужихъ книгъ, то, на почвѣ уголовныхъ обвиненій, можно пересмотрѣть книги любого купца съ первой до послѣдней страницы. Въ данномъ случаѣ, такъ и было. Прокуроръ возъимѣлъ «основательное подозрѣніе», что мошенничество родственника г-жи К. можетъ быть доказано неоднократными выемками ея книгъ; и мы видимъ, что слѣдователи то и дѣло являлись въ контору г-жи К. съ экспертами или понятыми и выискивали купцу Г. матеріалы для предъявленія г-жѣ К. исковъ или для оспариванія своихъ обязательствъ....

Послѣ такой юридической пытки, которую пришлось испытывать въ теченіи трехъ лѣтъ, г-жа К., ранѣе чѣмъ всѣ несообразности доноса выяснились, предпочла *продать за безцѣнокъ всѣ свои претензіи* къ г. Г., лишь бы не имѣть съ нимъ никакого дѣла. А когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, сама г-жа К. дошла до несостоятельности, вслѣдствіе того, что только лѣнивые ее не обирали, то тотъ же Судъ, въ которомъ она не могла найдти правды,—съ самаго начала несостоятельности, содержалъ ее же подъ стражей, и, между разными измышленіями признаковъ злостнаго банкротства, приводилъ и то, что г-жа К. *не доказала убытковъ за купцомъ г. Г!...*

Состязательная система.

Основной, исходной точкой гражданскаго судопроизводства является полное невмѣшательство Суда въ гражданскія отношенія между отдѣльными лицами или обществами, пока заинтересованныя лица къ нему не обратятся съ прошеніями или жалобами въ исковомъ или частномъ порядкѣ.

> «*Судебныя установленія*—гласитъ статья 4-я,—*могутъ приступать къ производству гражданскихъ дѣлъ* **не иначе**, *какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до которыхъ тѣ дѣла касаются*, и разрѣшать ихъ не иначе, какъ по выслушаніи объясненія противной стороны, или по истеченіи назначеннаго для представленія онаго срока».

Казалось бы, законъ—достаточно ясенъ; казалось бы, нарушеніе такого основнаго закона не можетъ имѣть мѣста ни при какихъ условіяхъ; но, на повѣрку выходитъ,—нѣтъ такого закона, который не могъ бы быть нарушенъ судомъ, если предсѣдатель и члены его будутъ къ тому расположены.

Въ силу приведеннаго закона судъ разсматриваетъ гражданскія дѣла *не иначе* какъ вслѣдствіе *просьбы* о томъ какой либо заинтересованной стороны; и на обязанности обѣихъ сторонъ лежитъ представленіе всѣхъ доказательствъ. Судъ выслушиваетъ объясненія, т. е. состязаніе сторонъ, и постановляетъ свое опредѣленіе.

Не всегда, однако, такъ дѣло и дѣлается.

Разумѣется, *заставить* отдѣльное, *частное лицо предъявить кому либо искъ*—прямо невозможно. Но относительно *юридическихъ* лицъ, особенно, прямо или косвенно подвѣдомственныхъ суду,—*требованіе предъявленія иска—вполнѣ возможно*, и мы приводимъ даже фактъ весьма грубаго вторженія суда въ дѣла, вовсе его не касающіяся.

Каждому понятно, что если судъ кому либо *приказываетъ* предъявить искъ другому лицу, то *тѣмъ самымъ* судъ *предрѣшаетъ* уже и исходъ иска, онъ высказываетъ этимъ свое мнѣніе, что *такое-то лицо* **имѣетъ право** *взыскать съ другого «то-то» и «то-то»*.

Очевидно, что подобнаго рода *предрѣшеніе* является прямо *криминальнымъ* дѣяніемъ; но тѣмъ не менѣе, даже и оно имѣло мѣсто въ судебной практикѣ.

Ниже мы выясняемъ, какую громадную дискреціонную власть присвоили себѣ суды въ вопросахъ о торговой несостоятельности. Люди, стоящіе вдали отъ юридическаго міра, несомнѣнно, даже не допускаютъ мысли, чтобы въ Россіи кто либо могъ дѣйствовать до такой степени безконтрольно и дискреціонно, какъ дѣйствуютъ суды въ дѣлахъ о несостоятельности. А между тѣмъ, сколько бываетъ несостоятельностей, по истинѣ, несчастныхъ, вслѣдствіе различныхъ экономическихъ кризисовъ и неурядицъ! И всѣ эти несчастные люди должны испытывать всякую муку, если предсѣдатель суда руководствуется болѣе своими прихотями, чѣмъ закономъ...

Вотъ такимъ *юридическимъ лицамъ*, какъ Конкурснымъ Управленіямъ, или опекамъ надъ имуществами малолѣтнихъ, судъ иногда даетъ разные приказы, подчасъ самаго незаконнаго свойства и подвергаетъ ихъ еще преслѣдованію, въ случаѣ малѣйшаго ослушанія.

Въ видѣ образца подобнаго незаконнаго вмѣшательства суда можемъ привести фактъ, весьма поучительный: одинъ изъ судовъ, дѣйствуя, какъ Коммерческій Судъ, далъ *указъ* Кон-

курсу по дѣламъ нѣкоего несостоятельнаго должника г. Л., коимъ приказывалъ:

«*немедленно*, и не далѣе двухнедѣльнаго срока, про-«извести **полный учетъ** претензіи г. С. къ Банкирской «Конторѣ г. Л. и претензіи означенной конторы къ г. С. «и если окажется, по учету, что г. С. состоитъ должни-«комъ банкирской конторѣ—то *безъ замедленія* по суммѣ «долга **предъявить искъ** къ г. С.... и *по исполненіи* ука-«занныхъ въ семъ пунктѣ предписаній *донести суду*...»

Нужно при этомъ замѣтить еще, что самъ же судъ, въ другомъ мѣстѣ того же *указа*, приводитъ свой собственный расчетъ, сколько, *по его мнѣнію*, г. С. долженъ банкирской конторѣ, и заявляетъ, что г. С. «*долженъ считаться должникомъ*.... всего на сумму 174.884 р.»

И такъ, Конкурсу, т. е. полному хозяину во всѣхъ имущественныхъ вопросахъ, и въ этомъ отношеніи вовсе не подчиненному суду,—приказывается *считать г. С. должникомъ на 174 т. руб.*, а въ другомъ мѣстѣ указа предписывается сдѣлать учетъ и *безъ замедленія предъявить искъ!*...

Таково бываетъ иногда примѣненіе гражданскихъ законовъ!

Въ данномъ случаѣ, суду не вполнѣ удалось такое неумѣстное вмѣшательство, ибо Конкурсъ состоялъ не изъ разныхъ провинціальныхъ адвокатовъ, исполняющихъ все, что имъ прикажутъ, а изъ самыхъ крупныхъ кредиторовъ, понимавшихъ, что, если судъ и рѣшитъ въ ихъ пользу какой угодно искъ, то онъ будетъ, внѣ сомнѣнія, проигранъ во второй инстанціи; и потому Конкурсъ запросилъ судъ въ почтительныхъ выраженіяхъ: *кто* будетъ *отвѣчать* имущественно за проигрышъ дѣла?

Судъ сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ людьми, понимающими свое право, и поспѣшилъ дать Конкурсу новый указъ, въ которомъ объявлялъ, что судъ «*не* предписывалъ Конкурсному Управленію *ни предъявлять иска, ни дѣлать зачета претензіи*....» Попутно же судъ наложилъ на Конкурсъ нѣсколько дисциплинарныхъ взысканій, *не подлежащихъ обжалованію*.

И такъ, если судъ вздумаетъ нарушать законъ, то Конкурсъ долженъ или предъявлять безсодержательные иски, или подвергаться дисциплинарнымъ взысканіямъ!...

Поучительнѣе же всего въ подобномъ вмѣшательствѣ суда, это—*то*, что, когда сведены были всѣ расчеты съ г. С. и

вывѣрены по книгамъ, то общее собраніе кредиторовъ, т. е. *сами заинтересованныя лица* признали г. С. *не должникомъ* своимъ, а *кредиторомъ* на 35 т. руб.!

Должно же было быть крѣпкимъ право г. С., если заинтересованныя лица, не смотря на гарантію Суда, что онъ постановитъ рѣшеніе въ ихъ пользу, предпочли по добровольному соглашенію уплатить г. С. 35 т. рублей!...

Гражданскія дѣла рѣдко попадаютъ въ печать; проходятъ онѣ безъ огласки; но, можно себѣ представить, какъ примѣняются на практикѣ «условія современнаго правосудія», если возможно подобное вторженіе суда въ имущественныя дѣла постороннихъ лицъ....

Посмотримъ теперь, какъ примѣняется вторая часть приведеннаго закона, т. е. что, исключительно на *тяжущихся* лежитъ обязанность представлять *объясненія* и *доказательства*.

По этому поводу мы находимъ еще болѣе категорическое подтвержденіе и въ иныхъ законахъ. Такъ статья 367 (Уст. Гражд. судопр.) прямо воспрещаетъ суду заниматься собраніемъ доказательствъ:

«Судъ *ни въ какомъ случаѣ*—гласитъ законъ — *не* «*собираетъ* самъ доказательствъ или справокъ, а осно«вываетъ рѣшенія *исключительно на доказательствахъ*, «*представленныхъ тяжущимися*».

Совершенно такое же понятіе выражено и въ статьѣ 88 Торговаго судопроизводства, съ разъясненіемъ даже большихъ подробностей. Въ этомъ законѣ говорится:

«Когда по производству дѣлъ *потребуются справки*, «то судъ *предоставляетъ тяжущимся собирать оныя*, «назначая только по обстоятельствамъ, на основаніи статьи «235, срокъ, когда справка должна быть представлена, «и *не входя съ своей стороны съ посторонними мѣста*«*ми и лицами* **ни въ какую переписку**».

И такъ, по нашему законодательству, вмѣшательство судовъ *въ собираніе доказательствъ* и *справокъ* не только *не допускается*, но прямо *воспрещается*. Въ этомъ отношеніи, законы достаточно ясны и точны. Казалось бы, всякое вторженіе суда въ область самостоятельнаго собиранія справокъ должно почитаться нарушеніемъ закона; а между тѣмъ, даже и въ этомъ отношеніи можемъ привести необыкновенно яркій примѣръ безнаказаннаго обхода закона *во вредъ, конечно, одной изъ тяжущихся сторонъ*.

Положимъ, съ тѣхъ поръ много уже воды утекло, но все таки, фактъ былъ послѣ введенія въ Россіи новыхъ судебныхъ уставовъ. И такъ какъ, намъ извѣстна, конечно, ничтожная часть всѣхъ рѣшаемыхъ дѣлъ, то очевидно, по приводимымъ нами отдѣльнымъ случаямъ, можно себѣ составить нѣкоторое представленіе, какъ пользуются судьи своимъ «юридическимъ тактомъ» и можно-ли полагаться на «правильное избраніе закона изъ всей массы законодательнаго матеріала».

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ крупныхъ южныхъ землевладѣльцевъ г. С., предвидя невозможность долѣе вести свое обширное хозяйство, — пригласилъ своихъ кредиторовъ, изложилъ имъ положеніе дѣла и посовѣтовалъ возбудить ходатайство объ учрежденіи по его дѣламъ администраціи.

Собравшіеся кредиторы, убѣдясь, что г. С. пострадалъ отъ неурожаевъ, повторявшихся подрядъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и потерялъ значительныя суммы на несостоятельности нѣсколькихъ другихъ лицъ,—единогласно выразили желаніе спасти всѣ дѣла, тѣмъ болѣе, что г. С. помимо обширныхъ имѣній владѣлъ еще нѣсколькими заводами, которые могли давать хорошій доходъ при достаточности оборотныхъ средствъ.

Нужно замѣтить, что дѣйствующіе законы объ администраціяхъ остались почти безъ измѣненія съ начала нынѣшняго столѣтія, т. е. съ тѣхъ временъ, когда обширныя торговыя предпріятія сосредоточивались, преимущественно, *въ столицахъ* и *портовыхъ городахъ*; почему законъ предвидѣлъ возможность учрежденія администраціи *только въ этихъ мѣстностяхъ*. Жизнь же предъявляетъ новыя требованія, остающіяся безъ удовлетворенія. Но всегда въ подобныхъ случаяхъ на помощь является Верховная власть, которая по ходатайству кредиторовъ, при *соотвѣтственныхъ* прочихъ обстоятельствахъ разрѣшаетъ учрежденіе администраціи и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Единогласное ходатайство громаднаго большинства кредиторовъ, присутствовавшихъ на собраніи, было разсмотрѣно, сначала въ министерствахъ: финансовъ и юстиціи, затѣмъ въ комитетѣ министровъ, и наконецъ, состоялось Высочайшее повелѣніе учредить по дѣламъ г. С. администрацію, съ тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ ея существованіи она должна руководствоваться общими законами.

Высочайшее повелѣніе сообщено было установленнымъ порядкомъ первому департаменту Сената, который послалъ указъ подлежащему суду,—указъ, въ коемъ приведено было дословно

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи администраціи для надлежащаго исполненія.

Такимъ образомъ, для даннаго случая, Высочайшее повелѣніе являлось сепаративнымъ (частнымъ) закономъ, *не допускавшимъ уже никакихъ разсужденій* со стороны членовъ суда, а требовавшимъ лишь точнаго и немедленнаго исполненія.

На бѣду всѣхъ заинтересованныхъ лицъ мѣстный судебный персоналъ относился къ г. С. крайне враждебно, что доподлинно было извѣстно и всѣмъ мѣстнымъ адвокатамъ, въ числѣ которыхъ не было даже ни одного присяжнаго повѣреннаго,—всѣ они были, по преимуществу, или уволенные со службы чиновники и офицеры, или недоучки.

Пока ходатайство объ учрежденіи администраціи разсматривалось въ подлежащихъ министерствахъ,—судъ сообщилъ въ Петербургъ какія-то *секретныя* свѣдѣнія, которыя въ концѣ концовъ оказались *вполнѣ невѣрными;* но тѣмъ не менѣе, затяжка дѣла была очень серьезная. Въ отдѣлѣ «о волокитѣ» мы разсмотримъ подробнѣе содержаніе этихъ *секретныхъ* свѣдѣній, случайно всплывшихъ наружу, и какъ воспользовались этой волокитой адвокаты трехъ незначительныхъ кредиторовъ. Здѣсь же прослѣдимъ только, какъ судъ, «*по чувству долга*» нарушилъ законъ о невмѣшательствѣ его въ собраніе справокъ.

Когда пришелъ указъ сената объ учрежденіи администраціи, то судъ, вмѣсто немедленнаго приведенія его въ исполненіе,—*занялся собираніемъ справокъ:* дѣйствительно-ли землевладѣльцу С. принадлежатъ всѣ тѣ имѣнія, которыя значились въ его балансѣ? Неумѣстная заботливость суда была тѣмъ болѣе необъяснима, что оцѣнку имѣній производилъ не самъ владѣлецъ г. С., а его же кредиторы, что извѣстно было и суду, ибо на балансѣ имѣлась надпись такого содержанія «*оцѣнка имущества произведена самими кредиторами*».

Надо полагать, что если сами кредиторы, т. е. непосредственно заинтересованныя лица производили *оцѣнку имущества*, то имъ извѣстно было самое имущество и они твердо знали, *кому* оно принадлежитъ. Но судъ, «по чувству долга» усомнился въ принадлежности г. С. имѣній и потому *приступилъ къ собиранію справокъ* чрезъ старшаго нотаріуса *(онъ же и членъ суда)* и чрезъ мѣстныя полицейскія власти. Въ какомъ смыслѣ были составлены вопросы—намъ неизвѣстно; но надо думать, они были весьма тонко редактированы, такъ какъ *всѣ до одной справки оказались невѣрными*... Впослѣдствіи это и разъясни-

лось, имѣнія — нашлись. Но въ тотъ моментъ, нужно было найдти зацѣпку, чтобы не исполнить Высочайшаго повелѣнія и не учреждать администраціи по дѣламъ человѣка, который *показалъ въ балансѣ непринадлежащія ему имущества!..*

Зацѣпка оказалась очень крѣпкой. Разъ не оказалось имущества—само собой разумѣется, не надъ чѣмъ было учреждать администраціи, и потому, одинъ изъ адвокатовъ г. Б. предложилъ г. С. немедленно уплатить ему весь долгъ и, получивъ, конечно, отказъ въ своемъ неблаговидномъ домогательствѣ,— тотчасъ же подалъ въ судъ жалобу, что учрежденіе администраціи *незаконно*. Судъ «не могъ не согласиться» съ правильностью доводовъ адвоката Б. и, разсмотрѣвъ дѣло, вынесъ самую неправдоподобную резолюцію, коей *указъ Сената*, сообщившаго лишь Высочайшее повелѣніе «*къ исполненію*»—признанъ былъ *распоряженіемъ* «*несогласнымъ съ закономъ*»*!..*

Впослѣдствіи, когда г. С. и главный его кредиторъ подали жалобы на сознательное неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося по положенію комитета министровъ и сообщеннаго совершенно законнымъ порядкомъ,—судъ объяснялъ свой поступокъ именно тѣмъ, что онъ *не могъ не оказать* **защиты** *меньшинству кредиторовъ*, которое обратилось въ судъ съ жалобой, и «*по чувству долга*» *не могъ допустить учрежденія администраціи надъ несуществующими имуществами г. С.*

По провѣркѣ всѣхъ фактовъ выяснилось, что судъ *12 августа* началъ, *по собственной иниціативѣ, собирать справки* объ имуществахъ; отвѣты получилъ *16 августа* (какая быстрота!), а жалоба адвоката Б., съ просьбой защитить интересы его кліента, подана *лишь 25 августа...*

Позволимъ себѣ поставить вопросъ: адвокатъ ли Б. представилъ «*доказательства*» и «*справки*», или **судъ снабдилъ** его «*доказательствами*» и «*справками*» для подкрѣпленія жалобы, съ которой судъ «по чувству долга» «не могъ не согласиться»?..

И такъ, если нѣтъ никакой физической возможности причинить людямъ вредъ, какъ бы искусно и тонко ни «*избирать законъ изъ всей массы законодательнаго матеріала*»,— то судъ прикрывается «чувствомъ долга» или «защитой интересовъ меньшинства!»... Противъ такого «юридическаго такта»,— разумѣется, всѣ мы безсильны...

Состязательная система, воспрещая суду собираніе справокъ *въпользу* той или иной тяжущейся стороны и *во вредъ другой*, обязываетъ въ тоже время судъ предоставлять возможность тяжущимся полученія необходимыхъ справокъ или свѣдѣній изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Законъ (ст. 452 Устава Гражд. Судопр.), относящійся къ этому гласитъ:

> «Для *истребованія* подлиннаго документа или *свѣ-«дѣній*, которыя находятся въ актахъ и дѣлахъ другого «судебнаго, либо правительственнаго мѣста или должно-«стнаго лица, тяжущемуся, **по просьбѣ его**, *выдается сви-«дѣтельство* въ томъ, что подлинный документъ или свѣ-«дѣнія необходимы и къ какому именно сроку».

Приведемъ примѣръ, какъ одинъ и тотъ же судъ воспользовался этимъ закономъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ.

По просьбѣ *двухъ кредиторовъ* разсматривалось въ судѣ дѣло объ объявленіи г. Я. несостоятельнымъ. Адвокатъ этихъ кредиторовъ *получилъ отъ суда свидѣтельство* на собираніе въ Городской Управѣ свѣдѣній: *во что* оцѣнено было недвижимое имущество г. Я. Справка Городской Управы была представлена въ судъ; но изъ этой справки видно было, что оцѣнка произведена была *много лѣтъ тому назадъ* и *не* соотвѣтствовала уже стоимости имущества. Если руководствоваться этой справкой, то г. Я. угрожало объявленіе несостоятельности, между тѣмъ имущество въ дѣйствительности стоило, по крайней мѣрѣ, въ три раза дороже. Поэтому г. Я. проситъ выдать *и ему свидѣтельство* на полученіе изъ Городской Управы удостовѣренія въ томъ, что *въ послѣднія пять лѣтъ* имущества *быстро подымаются въ цѣнѣ*, вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги, и что *тотъ самый адвокатъ*, который представилъ справку объ оцѣнкѣ имущества г. Я.,—за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, купилъ въ томъ же городѣ имущество по цѣнѣ *въ два раза дороже* противъ *позднѣйшей даже оцѣнки* и *перепродавалъ его еще по высшей цѣнѣ*.

Очевидно, всякій безпристрастный судъ *обязанъ* былъ выдать г. Я. свидѣтельство на полученіе такого удостовѣренія, которое выяснило бы суду, что адвокатъ *сознательно* пользовался *несоотвѣтственными свѣдѣніями;* но... судъ отказалъ г. Я. въ его просьбѣ! Онъ нашелъ излишнимъ предоставить и г. Я. право выяснить настоящую стоимость своего имущества... Тѣмъ не менѣе, многіе юристы утѣшаютъ насъ, что при «усло-

віяхъ современнаго правосудія», мы пользуемся «судомъ равнымъ для всѣхъ»...

Состязательная система, при которой суду нужно представить всѣ доказательства и привести не только соотвѣтственные законы, но еще и относящіяся къ дѣлу рѣшенія Сената— даетъ полную возможность судьямъ не искать законовъ, и не тревожиться незнаніемъ ихъ. Эта система облегчаетъ даже совершенно невѣжественнымъ людямъ, получившимъ лишь на экзаменахъ случайно удовлетворительныя отмѣтки — съ успѣхомъ исполнять обязанности судей, выражаясь словами г. Градовскаго, — имъ необходимо только обладать «юридическимъ тактомъ». Если, однако, такая система примѣнена къ нуждамъ русскаго народа, бѣднаго и полуневѣжественнаго, которому шага нельзя ступить за порогъ суда, чтобы не платить разнымъ адвокатамъ и ходатаямъ, — то надлежитъ, по крайней мѣрѣ требовать отъ судей, чтобы они *дѣйствительно не вмѣшивались* въ пріисканіе доказательствъ и справокъ, *радѣя одной* сторонѣ, и не затрудняли бы собраніе свѣдѣній *вредя другой*.

Мы видимъ, что судъ можетъ нарушать и то, и другое требованіе закона. Скажемъ болѣе, судъ даже у себя можетъ не допускать одной изъ тяжущихся сторонъ къ осмотру гражданскаго дѣла, въ судѣ же производящагося; и раньше, чѣмъ онъ добьется своего права,—можетъ нѣсколько разъ погибнуть. Особенно секретно держатся дѣла, въ которыхъ можно обнаружить какія либо пристрастныя дѣянія, какъ напримѣръ, когда самъ судъ занимается собираніемъ секретныхъ и притомъ невѣрныхъ справокъ.

Такъ, по тому же дѣлу объ учрежденіи администраціи надъ имуществами г. С., какъ видно изъ сохранившихся документовъ, онъ нѣсколько разъ обращался въ судъ съ просьбой допустить его къ осмотру дѣла и всякій разъ получалъ отказъ, то подъ предлогомъ, что дѣло «приводится въ канцелярскій порядокъ», то подъ предлогомъ, что оно готовится «къ отправкѣ на почту», а то, и подъ тѣмъ предлогомъ, что проситель «*не указалъ закона*», въ силу котораго судъ обязанъ допускать стороны къ осмотру дѣла!... Итакъ, суду надо еще указывать законы по вопросамъ элементарнаго свойства; судьи могутъ и ихъ не знать, или незнаніемъ прикрываться. Былъ

даже въ судебной практикѣ и такой случай. Просительница добивается *словесно*, какъ это вездѣ и практикуется, быть допущенной къ осмотру дѣла; ей нѣсколько разъ отказываютъ; и наконецъ, требуютъ подачи письменнаго прошенія. Она подаетъ; но, не зная, какъ дѣло *озаглавлено на обложкѣ*, назвала самое дѣло *недостаточно точно*. Судъ прошеніе разсматривалъ двѣ недѣли; а затѣмъ, когда уже было безцѣльно производить осмотръ,—судъ отвѣтилъ, что въ его производствѣ *нѣтъ такого-то дѣла*, о которомъ пишетъ просительница...

Таковы бываютъ *случайности* въ «судахъ скорыхъ и правыхъ!»...

Волокита.

Несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ существенныхъ началъ судебныхъ уставовъ является скорость судопроизводства. И потому, когда юристы новѣйшей школы говорятъ о совершенствѣ «условій современнаго правосудія», то на первый планъ выставляютъ понятіе о «судѣ скоромъ».

Мы далеки отъ мысли, *въ общемъ*, доказывать противное. По сравненію съ тѣмъ, что творилось лѣтъ сто тому назадъ, когда дѣла разсматривались десятками годовъ, — нынѣшнее судопроизводство дѣйствительно,—«скорое». Но, если принять въ соображеніе, что теперь всѣ экономическія отношенія и сдѣлки идутъ несравненно быстрѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, почему затяжка любого гражданскаго дѣла на годъ или нѣсколько лѣтъ можетъ имѣть роковой исходъ,—то надо сказать, что не всегда мы пользуемся «судомъ скорымъ». Сплошь и рядомъ замѣчается внѣдреніе волокиты, и особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда «судъ правый» превращается въ «судъ пристрастный». Всегда въ гражданскихъ дѣлахъ *параллельно съ пристрастіемъ идетъ и волокита;* это взаимные спутники.

Подстроить безконечную волокиту весьма не трудно. Мы видѣли уже, что отъ суда зависитъ выдача свидѣтельствъ на собраніе дополнительныхъ свѣдѣній изъ присутственныхъ мѣстъ, и назначеніе *срока* для представленія таковыхъ. *Срокъ — понятіе растяжимое.* Представлена будетъ одна справка,—можно усмотрѣть необходимость представленія другой и снова назначается срокъ; и т. д. Кончится волокита со сроками собиранія свѣдѣній,—отъ суда зависитъ назначеніе состязанія, т. е. назначенія *срока* для судоговоренія. Сторона, *пользующаяся осо-*

бымъ покровительствомъ, снова можетъ найдти предлогъ затянуть дѣло; она можетъ просить отложить дѣло за неявкою какого нибудь свидѣтеля, показанія котораго *могутъ имѣть существенное значеніе для дѣла*; и судъ, конечно, согласится съ просьбой такой стороны и признаетъ, что показанія дѣйствительно могутъ имѣть *очень существенное* значеніе; разсмотрѣніе дѣла будетъ отложено; и т. д., и т. д.

Всему, однако, наступаетъ конецъ, и потому, какъ бы ни ухитрялись люди созидать волокиту, но, все таки, рано или поздно приходится дѣло разсмотрѣть и постановить опредѣленіе. Казалось бы, въ этотъ-то послѣдній періодъ, какую еще можно измыслить волокиту? А между тѣмъ, находятся судьи, обладающіе достаточнымъ опытомъ и достаточнымъ «юридическимъ тактомъ», которые даже при составленіи опредѣленія умудряются созидать волокиту, не на года, конечно, но на нѣсколько мѣсяцевъ.

Наиболѣе скорое судопроизводство—торговое. По законамъ (ст. 113) *журналъ засѣданій* т. е. «записка о всемъ томъ, *что въ присутствіи происходило*» составляется *«во время самаго присутствія»;* а между тѣмъ, мы можемъ привести примѣры, что журналы засѣданій составлялись *чрезъ нѣсколько недѣль (!)*. Разумѣется, изъ памяти кое-что испаряется и въ журналъ заносится *не то*, «*что происходило*», а то, *что удобнѣе оказывается занести въ журналъ.*

Затѣмъ, протоколы опредѣленій должны быть составляемы и подписываемы «*не позже какъ въ теченіе двухъ дней*» (ст. 127), а онѣ составляются и подписываются иногда *чрезъ нѣсколько недѣль, а то, и мѣсяцевъ*... Дабы же придать смыслъ волокитѣ, судьи изыскиваютъ способы составлять опредѣленія по самымъ простымъ дѣламъ въ десятки листовъ, начиная повѣствованіе съ Адама и прикрашивая его обстоятельствами, не имѣющими ровно никакого отношенія къ данному вопросу; если этого мало, то одно и тоже повторяется десятки разъ подъ разными предлогами. Обиліе исписанной бумаги достигаетъ двоякой цѣли: создаетъ оправданіе волокиты и способствуетъ полному затуманенію дѣла. Этотъ излюбленный способъ волокиты практикуется по всякимъ дѣламъ и гражданскимъ и торговымъ*).

Бываютъ случаи, что для вящаго оправданія явной волокиты суды отправляютъ въ аппеляціонныя инстанціи пудами разныя приложенія, изъ которыхъ, въ дѣйствительности нужна

*) Какъ образчикъ юридическаго многословія, приводимъ во 2-й части дословную выписку изъ одного опредѣленія.

одна, много, двѣ бумаги. При добромъ желаніи можно любого тяжущагося взять изморомъ.

Затѣмъ, гражданское дѣло переходитъ въ судебную палату, гдѣ обиженный можетъ добиться болѣе безпристрастнаго отношенія къ дѣлу, но и то, если предсѣдатель палаты—человѣкъ истиннаго долга.

Наконецъ дѣло переходитъ въ кассаціонный департаментъ.

Если въ первой инстанціи допущено много правонарушеній, а палата почему либо ихъ не усмотритъ, то дѣло будетъ кассировано и снова начнется хожденіе съ первой инстанціи, и снова начнутся *новыя вольныя и невольныя ошибки*, новыя аппеляціи, новыя кассаціи и т. д. Десятками лѣтъ дѣла не ведутся—это правда; но по много лѣтъ—случается и теперь.

Какъ образчикъ *ошибокъ*, способствующихъ *волокитѣ*, можемъ указать два особенно рельефныхъ случая.

Адвокатъ Б., пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ суда, заложилъ, лично принадлежавшее ему, имущество. Затѣмъ лѣтъ восемь не платилъ ни капитальнаго долга, ни условленныхъ процентовъ. Хотя весь городъ зналъ, что съ адвокатомъ Б. трудно вступать въ споръ, а тѣмъ болѣе въ тяжбу, но залогодержатель, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, представилъ закладную ко взысканію. Какъ ни опытенъ былъ адвокатъ Б. въ отъисканіи лазеекъ, но понялъ, что отдѣлаться отъ платежа не будетъ возможности. Даже и судъ ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать въ его защиту. Что же предпринимаетъ г. Б.? Онъ вноситъ *капитальный* долгъ и проситъ объ освобожденіи имущества отъ запрещенія. Запрещеніе было снято. Но, тутъ возмутился заимодавецъ, не получившій за восемь лѣтъ ни одной копѣйки *процентовъ*...

Какъ онъ ни бился, но ничего подѣлать не могъ—запрещенія на имущество не наложили; и такимъ образомъ, заимодавецъ лишенъ былъ права обратить взысканіе процентовъ *на имущество*, *принятое въ обезпеченіе долга съ процентами*. Вмѣсто *безспорнаго* права, которымъ онъ пользовался — ему оставалось предъявить къ г. Б. *искъ*, и испытать исковую волокиту. Въ результатѣ вольная или невольная *ошибка самихъ судебныхъ органовъ создала поводъ къ волокитѣ*.

Другой приводимый здѣсь нами случай имѣлъ несравненно болѣе тяжелыя послѣдствія.

Выше мы упоминали уже объ отношеніи одного провинціальнаго суда къ дѣлу объ учрежденіи администраціи надъ

имуществами г. С. Но тамъ, мы касались только вопроса, какъ судьи могутъ обходить законы о *собиранiи доказательствъ и свѣдѣнiй* по гражданскимъ дѣламъ. Здѣсь же приведемъ, какъ образчикъ, ту *волокиту*, которую создалъ судъ, и ужасныя послѣдствiя ея.

Несомнѣнно, всѣмъ, знающимъ практическую жизнь, извѣстно, что когда кто либо изъ крупныхъ землевладѣльцевъ или промышленниковъ попадаетъ въ тиски, то являются разные *вымогатели*, которые эксплоатируютъ въ свою пользу затруднительность положенiя. Сначала эти вымогатели молчатъ и присматриваются, какъ выгоднѣе поступить другимъ наиболѣе заинтересованнымъ лицамъ. Они имъ не мѣшаютъ принимать тѣ или иныя мѣры; а когда убѣдятся, что дѣло *налаживается*,— эти же вымогатели начинаютъ его *разстраивать*, добиваясь, чтобы отъ нихъ *откупились*.

Въ подобныхъ случаяхъ громадное значенiе имѣютъ дѣйствiя суда. Если судъ держится строго на законной почвѣ, то вымогательства не достигаютъ цѣли, но если только судъ идетъ рука объ руку съ вымогателями, то, при всѣхъ усилiяхъ главныхъ кредиторовъ спасти дѣло,—оно гибнетъ.

Въ приводимомъ здѣсь примѣрѣ именно такъ и было. Судъ не только поощрялъ и помогалъ вымогательству, но, видимо, руководилъ имъ. И если суду удалось только пустить по-мiру самого г. С., а самое дѣло было хоть частью спасено, то единственно вслѣдствiе защиты, именно, той, Верховной власти, которая, по мнѣнiю г. Хартулари, должна «устранить себя отъ отправленiя правосудiя»!...

Прослѣдимъ же здѣсь за солидарностью дѣйствiй судей и вымогателей.

Когда г. С. созвалъ своихъ кредиторовъ и, выяснивъ имъ положенiе дѣлъ, посовѣтовалъ какъ можно скорѣе возбудить ходатайство объ учрежденiи администрацiи, то всѣ въ одинъ голосъ съ мнѣнiемъ г. С. согласились. Правильность взгляда его на столько всѣмъ была понятна, что кредиторы, въ первомъ же засѣданiи, приступили къ провѣркѣ баланса и переоцѣнкѣ всѣхъ имѣнiй, уменьшая ихъ стоимость до минимума. Всѣ кредиторы и даже тѣ лица, которыя выдѣлились впослѣдствiи и занялись вымогательствомъ, принимали самое живое участiе въ оцѣнкѣ всѣхъ имуществъ. Поэтому, когда балансъ былъ пересоставленъ, согласно указанiямъ кредиторовъ, и ходатайство было составлено,—то никто не обратилъ вниманiя, что одинъ

изъ мелкихъ кредиторовъ уклонился совершенно незамѣтно отъ подписи ходатайства, а другой мелкій же кредиторъ хотя и далъ уполномочіе подписаться за него, но выданное имъ уполномочіе оказалось не вполнѣ формальнымъ. На этомъ-то впослѣдствіи и разыгралось вымогательство.

Одновременно почти съ отправкой въ Петербургъ ходатайства кредиторовъ объ учрежденіи администраціи,—уѣхалъ туда же и г. С. хлопотать объ ускореніи дѣла.

Первое время вымогатели сохраняли еще выжидательное положеніе; но судъ самостоятельно принялъ уже мѣры затормозить дѣло въ Петербургѣ. Онъ секретно сообщилъ министерству юстиціи, что г. С. скрылъ около 200 т. руб. своихъ долговъ и несомнѣнно окажется соучастникомъ злостнаго банкротства несостоятельнаго должника г. Л.

Разумѣется, такое донесеніе дало дѣлу самый неблагопріятный оборотъ,—оно затормозилось на неопредѣленное время. Да и какъ можно было допустить учрежденіе администраціи по дѣламъ человѣка, который представилъ фальшивый балансъ и самъ оказывается соучастникомъ злостнаго банкротства!..

Къ счастью еще всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, Министерство *Финансовъ*, узнавъ объ этомъ, потребовало отъ г. С. объясненій по всѣмъ частямъ секретнаго донесенія суда, и все это донесеніе оказалось сплошнымъ вымысломъ. Но, пока всѣ обстоятельства, измышленныя судомъ, были документально опровергнуты, на что потребовалось очень много времени,—вымогатели на мѣстѣ пустили всѣ пружины, чтобы добиться выкупа. Они предъявили свои претензіи ко взысканію и требовали описи и продажи *самыхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ* предметовъ. При полномъ содѣйствіи суда успѣли продать *за безцѣнокъ сѣменную пшеницу, лучшій рабочій скотъ* и *пустить съ молотка два небольшихъ, но лучшихъ имѣнія*, въ которыхъ были хозяйственные заводы. Мало того, возбудили ходатайство объ объявленіи г. С. несостоятельнымъ.

Продолжительная волокита при учрежденіи администраціи напугала даже и крупныхъ кредиторовъ, почему и они, теряя надежду на хорошій исходъ, не рѣшались выкупать мелкихъ претензій вымогателей; но, чтобы не допустить выдачи имъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи разнаго имущества, крупные кредиторы постепенно стали предъявлять въ судъ и свои претензіи. Такимъ образомъ, благодаря самому невѣроятному донесенію суда,—донесенію, въ которомъ не оказалось ни одного слова правды,—

кредиторы должны были своими же руками разрушать свое же собственное дѣло!.. Но, такъ какъ всѣмъ угрожала еще опасность объявленія г. С. несостоятельнымъ, послѣ чего судъ имѣлъ бы уже возможность созидать нескончаемую волокиту, то г. С. рѣшился искать защиты Верховной власти. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ подачи имъ всеподданнѣйшаго прошенія, какъ дѣло было представлено въ Комитетъ Министровъ и было тамъ рѣшено въ благопріятномъ смыслѣ.

Не вразумитъ ли этотъ фактъ г. Хартулари и всѣхъ его единомышленниковъ, что при «условіяхъ современнаго право-судія» только и можно возлагать упованія на «царскую правду»!... Не вразумится ли г. Хартулари, насколько святотатственна вся его проповѣдь, съ которою онъ осмѣлился выступить, да еще *отъ имени русскаго народа*, предпочитающаго, якобы, невѣдомый намъ, какой-то «лойяльный» порядокъ дискреціоной власти!... Для того, чтобы русскій народъ предпочелъ когда либо *лойяльность навѣйшихъ юристовъ* дискреціонной власти самодержавія—для этого русскому народу нужно не только перевоспитать себя, но ему нужно прямо обезумѣть!...

Возвратимся, однако, къ вопросу о волокитѣ, и посмотримъ, какъ судъ пользовался этимъ разрушительнымъ оружіемъ даже и послѣ того, какъ состоялось категорическое Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи администраціи по дѣламъ г. С.?

Получивъ *3-го Августа* указъ Сената, судъ — вмѣсто того, чтобы немедленно предложить кредиторамъ г. С. избрать администраторовъ — пустился прежде всего въ *собираніе справокъ;* получилъ таковыя *16 Августа*, а *25-го Августа* въ судѣ *появилось прошеніе* излюбленнаго адвоката Б., отъ имени одного изъ вымогателей съ претензіей въ 18 т. руб.—*о недопущеніи учрежденія администраціи!* Какова дерзость! Подается прошеніе въ судъ о неисполненіи указа Сената, въ коемъ дословно приведено было лишь Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи администраціи! Но, что еще удивительнѣе,—судъ, «по чувству долга» самъ же нашелъ мотивы, въ собранныхъ имъ же невѣрныхъ справкахъ, къ подтвержденію прошенія г. Б.! и потому,— администраціи не учредилъ, а самый указъ Сената призналъ «распоряженіемъ не согласнымъ съ законами». Дабы же избавиться отъ отвѣтственности, судъ донесъ Сенату о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ при учрежденіи администраціи, и почтительнѣйше просилъ дать ему, суду,

соотвѣтственныя разъясненія, *какъ въ дальнѣйшемъ надлежитъ поступать?* И такъ, *порядки*, существовавшіе при Петрѣ Великомъ, т. е. *требованіе Указа на Указъ*, «дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу удить»...—*сохранились и до нашихъ дней*. Дѣйствительно, на указъ, *не допускавшій никакихъ юридическихъ мудрствованій*, потребовался новый еще указъ, дабы вразумить судей, что въ самодержавномъ государствѣ Высочайшія повелѣнія не обсуждаются, а исполняются!...

Несомнѣнно, судьи и сами хорошо понимали, что въ концѣ концевъ ихъ заставятъ привести указъ въ исполненіе, но волокита продолжалась, разореніе шло далѣе и далѣе.

Вслѣдствіе того, что указъ объ учрежденіи администраціи былъ *объявленъ*, а сама администрація *не была учреждена*, создалось самое невозможное положеніе. Наступала осень, нужно было какъ можно скорѣе отремонтировать всѣ хутора, заводы и склады; нужно было приступить къ запашкамъ; а между тѣмъ, г. С., доведенный до послѣдняго истощенія средствъ, не имѣлъ возможности предпринять что либо. Деньги, вырученныя отъ продажи его же имущества, лежали въ депозитѣ суда, но ему нельзя было ихъ выдать, такъ какъ по его дѣламъ должна была быть учреждена администрація, и слѣдовательно, г. С. не могъ и не долженъ былъ чѣмъ либо распоряжаться.

Видя безвыходность своего положенія, г. С. предлагалъ сосѣднимъ помѣщикамъ и поселянамъ снять его земли въ аренду, но никто не рѣшался заключать съ нимъ условій, зная, что онъ пересталъ быть полноправнымъ хозяиномъ. Съ наступленіемъ зимы оставшійся рабочій скотъ нечѣмъ было кормить; часть его пала, часть пришлось продать, чтобы содержать хоть караульщиковъ на каждомъ хуторѣ и поддержать зданія, коимъ угрожала непосредственная опасность полнаго разрушенія. *Весь же хозяйственный годъ такъ и пропалъ безвозвратно*. Имѣнія не были эксплоатированы, и когда полученъ былъ *второй указъ* Сената, *подтверждавшій прежній*, то поздно уже было приниматься за хозяйство... Администраціи осталось одно лишь—найдти покупщиковъ на всѣ имущества и распродать ихъ какъ можно скорѣе,—что и было исполнено.

Вымогатели, опираясь на Судъ, и тутъ воспользовались возможностью создавать волокиту; почему новымъ покупщикамъ, съ вѣдома главныхъ кредиторовъ, пришлось прежде всего удовлетворить вымогателей, а затѣмъ, остальныя деньги, предложенныя за имущества, раздать прочимъ кредиторамъ

по разверсткѣ. Самъ же г. С. съ огромной семьей пущенъ былъ по-міру...

Вотъ къ какимъ результатамъ могутъ приводить «условія современнаго правосудія!»... Не правы ли мы были, говоря, что юристы, въ родѣ г. Хартулари, прикрываются только этими «условіями», вселяя народу, что это высшее совершенство! Въ дѣйствительности же, восхваленіе этихъ «условій»,—ничто иное, какъ средство распространять свою ересь, сущность которой разсмотримъ во всѣхъ подробностяхъ въ VIII главѣ. Во всякую данную минуту эти хваленыя «условія» могутъ превратиться въ орудіе вымогательства, въ орудіе темныхъ силъ, въ орудіе всякаго зла...

Здѣсь весьма кстати привести выдержку изъ сочиненія г. Хартулари и спросить его, не повторяются-ли и нынѣ тѣ прискорбныя дѣянія, которыя онъ же описываетъ?

Такъ на стр. 97 (Особенной части) г. Хартулари знакомитъ насъ съ послѣдствіями, къ которымъ приводила «неправда» и какъ описывалъ эти послѣдствія самородокъ Иванъ Посошковъ. Въ главѣ «о правосудіи» Посошковъ выражается въ такомъ смыслѣ:

«Намъ сіе вельми зазорно; не точію у иноземцевъ, «свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ «праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на «весь свѣтъ славная, *а судная расправа ни куда не го-«дится, и какія указы Его Императорскаго Величества «ни состоятся, вся ни во что обращаются, но всякъ по «своему обычаю дѣлаетъ»*.

«....И инаго воровства много чинится, и *всякія мно-«гія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего инаго, «токмо отъ неправды суда*; и крестьяне, оставляя свои «домы, бѣгутъ *отъ неправды*, и Россійская земля во мно-«гихъ мѣстахъ запустѣла и *все отъ неправды, и отъ не-«здраваго и отъ неправаго разсужденія. И какія гибели ни «чинятся, а все отъ неправды»*.

Приведемъ другую выдержку, встрѣчающуюся на стр. 98. По словамъ Посошкова сильные вельможи «докладываютъ *не «прямо*, а только слово у него Великаго Государя вытя-«нутъ, да и дѣлаютъ что хотятъ... и по сему откуда не «посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радѣте-«лей; *но вся судьи криво ѣдутъ»*...

Смѣемъ думать,—напрасно г. Хартулари трудился приводить подобныя выдержки, если онъ хотѣлъ убѣдить кого либо,

что «наступилъ уже моментъ» устраненія себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія!... и теперь въ изобиліи чинится еще «неправда», и теперь, не всѣ, конечно, но многіе «*судьи криво ѣдутъ*»...

Дѣла о несостоятельности.

Какъ бы ни были серьезны приведенные нами примѣры правонарушеній, но всѣ они блѣднѣютъ предъ тѣмъ произволомъ, который практикуется иногда въ судахъ по дѣламъ несостоятельности. Въ вопросахъ этой категоріи нѣтъ тѣхъ законовъ, которые не могли бы превратиться въ орудіе самаго недостойнаго своеволія и корыстолюбія.

Въ настоящее время выработанъ уже проектъ новаго устава, въ основаніе котораго положены болѣе гуманныя и здравыя начала, но... законы примѣняются людьми, способными все исказить, все изуродовать. И если люди, при существованіи гуманнѣйшихъ судебныхъ уставовъ, съумѣли, во многихъ случаяхъ, обратить правосудіе въ орудіе зла, то не спасутъ ни несостоятельныхъ, ни кредиторовъ ихъ, отъ произвола, никакіе законы, доколѣ въ число судей будутъ попадать люди, въ той же степени, нравственно невѣжественные, какіе встрѣчаются и нынѣ.

Несомнѣнно, всякое улучшеніе законовъ весьма желательно; но *неизмѣримо болѣе желательно честное примѣненіе законовъ*. Плохіе законы, примѣняемые хорошими людьми, — вполнѣ терпимы, и мы видимъ лучшее подтвержденіе того въ Англіи, тогда какъ, самые идеальные законы, примѣняемые дурными судьями — создаютъ нетерпимое положеніе.

Россія, въ отношеніи законодательства, дѣлаетъ необычайные успѣхи; едва ли можно даже указать другое государство, гдѣ бы гуманныя начала пріобрѣтали съ такою же быстротою права гражданства. Но напрасно юристы нигилистическаго направленія приписываютъ себѣ эту великую честь. Россія всецѣло обязана этимъ, именно, *тому единственному*, *основному нашему государственному принципу*, который они же стремятся расшатать. Наша Верховная власть всегда ставила высшей своей задачей искорененіе кривды и водвореніе «правды»; и притомъ, не казуистической, а самой чистой, — христіанской «общечеловѣческой». И если юристамъ когда либо удастся «*провести въ жизнь*» **свой** «*общій государственный принципъ объ устране-*

нiи себя Самодержавною властью отъ отправленiя правосудiя»,— то поступательному движенiю Россiи наступитъ конецъ...

«Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ»,—такова мудрая наша пословица, съ которой, къ сожалѣнiю, ученые юристы не считаются; но, вѣдь, они плакать и не будутъ; не имъ придется страдать, и г. Хартулари ясно это понимаетъ: страдать придется только *русскому народу!*.. Ему не привыкать... На Руси было всегда достаточно такихъ радѣтелей, какъ г. Хартулари и всѣ его послѣдователи, которые въ самомъ святотатственномъ посягательствѣ на священныя права народа видятъ: «законность, порядокъ и правду»! (Отзывы въ «Новостяхъ» 30 января и 11 марта).

Впрочемъ, «улита ѣдетъ, когда-то будетъ». Новый уставъ не введенъ еще въ дѣйствiе, и потому, разсмотримъ произвольное нарушенiе существующихъ законовъ, дабы ознакомиться и съ этой стороны съ «условiями современнаго правосудiя», коими такъ искусно прикрываются юристы новѣйшей школы.

Несомнѣнно, изъ числа законовъ о несостоятельности, многiе, сами по себѣ, отжили, и нерѣдко, вслѣдствiе излишней суровости, достигаютъ прямо отрицательныхъ результатовъ. Такъ напримѣръ, законъ безусловно требуетъ взятiя подъ стражу несостоятельнаго должника, *если хоть одинъ кредиторъ* о томъ заявитъ.

Къ чему же на практикѣ приводитъ этотъ законъ? А вотъ къ чему. Всѣ до одного купцы страшатся признать себя несостоятельными, зная, что любой кредиторъ можетъ засадить должника въ тюрьму, и потому *всѣ стараются тянуть дѣло до послѣдней возможности*, иногда даже предпочитая кончить самоубiйствомъ. Такимъ образомъ, самъ законъ вызываетъ банкротства самаго ужаснаго свойства, при которыхъ кредиторамъ несостоятельнаго должника приходится получать по 10—15 коп. на рубль, а во многихъ случаяхъ и того менѣе; дѣла, сплошь и рядомъ, доводятся до полнаго разрушенiя.

Совсѣмъ другiя послѣдствiя вызывалъ бы законъ, если-бы обязательное взятiе подъ стражу требовалось только въ томъ случаѣ, когда должникъ довелъ свои дѣла до того, что имущества не хватаетъ на уплату 40 или 50 коп. на рубль. Если же имущества достаетъ на такую расплату, то арестованiе зависѣло бы *не отъ одного лица*, но *отъ большинства*, напр., $^3/_4$ *голосовъ*. При существованiи такого закона, несомнѣнно, вся-

6*

кій купецъ, увидя безъисходность своего положенія—тотчасъ же объявлялъ бы себя несостоятельнымъ, не ожидая окончательной гибели дѣла и, ясно, всѣ кредиторы гораздо меньше бы теряли.

Итакъ, существующій законъ вреденъ прежде всего всѣмъ заинтересованнымъ же лицамъ, имѣющимъ разсчеты съ должникомъ. Всякому свойственeнъ страхъ мести или вымогательства одного или нѣсколькихъ кредиторовъ; и вотъ причина, почему всѣ должники, даже и самые добросовѣстные люди поддаются страху и склонны надѣяться на случайное спасеніе; а въ результатѣ тянутъ свои дѣла до полнаго ихъ разрушенія; попадаютъ въ руки ростовщиковъ, которые высасываютъ послѣдніе соки, и на долю прочихъ кредиторовъ ничего не остается.

Несоотвѣтственную суровость закона легче всего уяснить себѣ на несостоятельности купца г. Л., о которомъ мы выше уже упоминали.

Купецъ Л., около пяти лѣтъ перебивался уже, но страхъ послѣдствій несостоятельности или надежда, что настанетъ лучшее время и дѣла поправятся, заставляли его тянуть торговые обороты. Потерявъ, однако, надежду, г. Л. рѣшилъ объявить себя несостоятетьнымъ, причемъ, располагалъ еще такими средствами, что государственному банку уплочено было *полнымъ рублемъ,* а прочіе кредиторы получили по *32 коп.* Объявленіе несостоятельности для всѣхъ было даже неожиданностью, такъ какъ, до послѣдней минуты, г. Л. пользовался наилучшимъ кредитомъ, и, значитъ, могъ еще тянуть дѣла неопредѣленное время. И что же вышло изъ осторожности г. Л.? 49 кредиторовъ, высказавъ письменно самый лестный отзывъ о дѣятельности и жизни должника, просили не принимать никакихъ репрессивныхъ мѣръ и отнюдь не содержать его подъ стражей; но нашелся *одинъ ростовщикъ*, который не постыдился даже письменно угрожать г. Л., если онъ немедленно же не уплатитъ полностью всего долга, *и этотъ единственный кредиторъ* потребовалъ взять г. Л. подъ стражу. Суду пришлось исполнить подобнаго рода требованіе.

Разумѣется, подобные примѣры производятъ самое тягостное впечатлѣніе и указываютъ всему купечеству, что, при существованіи такого закона, одинакова отвѣтственность того, кто тянетъ до смерти (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) самыя безнадежныя дѣла, и того, кто останавливаетъ ихъ, потерявъ лишь небольшую часть своего достоянія.

Не меньшій страхъ, конечно, наводитъ на купцовъ, дѣла которыхъ пошатнулись, и возможность полнаго произвола *со стороны суда*. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что при «условіяхъ современнаго правосудія» —дабы объявить себя несостоятельнымъ должникомъ, ранѣе, чѣмъ окажется петля на шеѣ, — нужно обладать необыкновенною рѣшимостью.

Въ самомъ дѣлѣ, судъ можетъ дѣлать съ несостоятельнымъ должникомъ все, что ему заблагоразсудится: можетъ содержать должника подъ стражей до окончанія дѣла, и затягивать его по цѣлымъ годамъ; можетъ оставить всю семью безъ кормильца, т. е. обречь ее, въ полномъ смыслѣ слова, на нищенство; и въ заключеніе, объявить еще должника злостнымъ банкротомъ, хотя бы не было къ тому ни малѣйшаго повода.

Какъ образчикъ полнаго произвола, мы приведемъ несостоятельность г. Л. на основаніи имѣющихся документовъ.

Не смотря на суровость закона при первоначальномъ арестованіи несостоятельнаго должника, этотъ же законъ предписываетъ гуманное отношеніе къ нему, когда избрано будетъ конкурсное управленіе и явится возможность обсужденія всѣхъ вопросовъ въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ. Съ момента избранія конкурса право содержать должника подъ стражей принадлежитъ уже не отдѣльнымъ кредиторамъ, а общему собранію всѣхъ ихъ; при чемъ, вопросъ рѣшается уже большинствомъ. Таковъ смыслъ законовъ.

Поэтому, какъ только избрано было конкурсное управленіе, тѣ же кредиторы, которые и ранѣе просили судъ не подвергать г. Л. заключенію, потребовали созыва общаго собранія кредиторовъ для рѣшенія вопроса объ освобожденіи г. Л. На общемъ собраніи, за исключеніемъ адвоката того же ростовщика г. А., состоялось *единогласное* постановленіе немедленно освободить должника изъ подъ стражи. Казалось бы, суду оставалось только приказать исполнить законное постановленіе подавляющаго большинства голосовъ (309 т. противъ 11 т. руб.). Но, судъ измыслилъ такую тонкую юридическую постановку вопроса, что г. Л. можно было содержать подъ стражей, доколѣ это будетъ угодно суду..

Суду было представлено два прошенія кредиторовъ, въ которыхъ они *на другой же день* послѣ краха, т. е. *въ моментъ наибольшаго раздраженія*, въ такихъ выраженіяхъ излагали причины упадка дѣлъ г. Л.

«*Всѣмъ намъ извѣстно* — писали кредиторы, — что

«г. Л. всегда отличался *крайнею снисходительностью* и «*готовъ былъ выручать всѣхъ, кто къ нему обращался.* «Весьма часто онъ терялъ за многими изъ здѣшнихъ про-«мышленниковъ...

«*Не проходило почти ни одной несостоятельности,* «*чтобы г. Л. не платился болѣе или менѣе крупными* «*суммами, что постепенно разстраивало его дѣла...*»

Въ другомъ прошеніи кредиторы написали:

«*Упадокъ дѣлъ послѣдовалъ отъ весьма крупныхъ* «*убытковъ за промышленниками и землевладѣльцами...*»

Помимо того, въ виду болѣзни г. Л. бывшимъ довѣреннымъ его представлены были *главные убытки* за массою разныхъ лицъ и показанія довѣреннаго *признаны были общимъ собраніемъ кредиторовъ*, въ виду всѣмъ извѣстныхъ фактовъ,—*вполнѣ правдоподобными.*

Адвокатъ же ростовщика не могъ привести ни одного указанія, которое давало бы хоть малѣйшее основаніе къ какимъ-либо подозрѣніямъ. И тѣмъ не менѣе, когда постановленіе общаго собранія кредиторовъ о немедленномъ освобожденіи г. Л. поступило на ревизію суда, то онъ вмѣсто исполненія прямой своей обязанности, т. е. вмѣсто провѣрки *законости* собранія кредиторовъ,—предписалъ конкурсу отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ, въ числѣ которыхъ было два такихъ вопроса, на которые *нельзя было отвѣтить ранѣе окончанія всего дѣла о несостоятельности* *).

И такъ, судъ не отказалъ въ освобожденіи г. Л., ибо онъ и не имѣлъ на это права, но вздумалъ заняться вопросами, да при томъ такими, на которые отвѣтить можно было не ранѣе, какъ чрезъ годъ или полтора!.. Какая же можетъ быть защита при такихъ «условіяхъ современнаго правосудія»?..

Неблаговидность поступка суда становится еще болѣе необъяснимою, если принять во вниманіе, что одинъ изъ родствен-

---

*) Въ числѣ разныхъ вопросовъ поставлены были и такіе: «отобрать отъ несостоятельнаго должника объясненія въ томъ: *по какимъ операціямъ, когда* и *на какія суммы* онъ потерпѣлъ убытки».... «Всѣ вышеизложенныя данныя *тщательно провѣрить по книгамъ бывшей конторы г. Л.* и доложить тому же общему собранію кредиторовъ его».

Отвѣтить на эти вопросы—значитъ выяснить *всѣ понесенные убытки*, значитъ, провѣрить самыя книги и по нимъ провѣрить тщательно расчеты со всѣми лицами. Но, вѣдь, это равносильно выясненію *свойствъ несостоятельности*, а этимъ-то и заканчивается все конкурсное дѣлопроизводство. И такъ, судъ нашелъ такую *юридическую постановку вопросовъ*, на которые можно было отвѣтить только по окончаніи самаго дѣла...,

никовъ г. Л выплатилъ деньги за него, какъ видно изъ донесенія конкурса, многимъ мелкимъ кредиторамъ, солдатамъ, портнихамъ, швеямъ и, вообще, самому безотвѣтному люду. Неужели, по мнѣнію суда, родственнику г. Л., надлежало выкупать претензіи ростовщиковъ!.. Дѣйствія родственника несостоятельнаго усиливали еще симпатіи всѣхъ кредиторовъ, а со стороны судей, напротивъ, вызвали только болѣе усиленное преслѣдованіе. Послѣ всѣхъ донесеній конкурса, судъ занялся самостоятельнымъ розысканіемъ признаковъ злостнаго банкротства г. Л. и что ни фактъ, на который онъ ссылался, то оказывался явный вымыселъ.

Весьма характеристичны оказались нравственныя убѣжденія судей, которые поставили *въ обвиненіе* г. Л. *необыкновенную его снисходительность* къ своимъ должникамъ. Такъ, въ числѣ обвиненій, встрѣчается такого рода выраженіе: несостоятельный должникъ въ теченіе всего времени *«не принималъ никакихъ понудительныхъ мѣръ ко взысканію долговъ»* съ одного изъ наиболѣе крупныхъ должниковъ... И такъ, *непринятіе* кѣмъ-либо *понудительныхъ мѣръ*, по мнѣнію судей, можетъ составлять поводъ къ обвиненію человѣка въ злостномъ банкротствѣ! Какая извращенность нравственныхъ началъ! Нужно всѣмъ купцамъ превратиться *въ ростовщиковъ*, нужно каждаго своего должника брать за горло и тогда они не будутъ подвергаться такимъ страшнымъ обвиненіямъ... *Кулачество*, представителями современнаго правосудія, возводится *въ необходимое условіе* торговыхъ отношеній!.. Можно же до такой степени довести глумленіе надъ правосудіемъ!

Ничто, однако, не сравнимо съ опредѣленіемъ суда, который призналъ г. Л. злостнымъ банкротомъ и немедленно же поторопился опубликовать свое опредѣленіе не только въ мѣстныхъ, но и въ столичныхъ газетахъ.

Чтобы выяснить всю беззаконность поступка суда, приведемъ относящіеся къ данному вопросу законы.

Статья 620 Устава о несостоятельности гласитъ: «Общее собраніе, *разсмотрѣвъ мнѣніе конкурснаго управ-«ленія о причинахъ упадка* и сообразивъ оное съ обстоя-«тельствами, какъ-то: *съ началомъ и продолженіемъ упадка*, «*съ образомъ жизни* и *поведеніемъ* несостоятельнаго, *съ* «*порядкомъ веденія конторскихъ книгъ его съ издержками*, «*которыя онъ употреблялъ на прожитокъ* въ то время, «когда уже дѣла его приходили въ разстройство, и т. п.,

«*постановляетъ о свойствѣ несостоятельности* **оконча-**
«тельное заключеніе».

Позволимъ себя спросить, что означаетъ слово: *«окончательное?»* — По понятіямъ каждаго *русскаго* человѣка слово: «окончательное» заключеніе означаетъ, что оно есть *окончательное* и, слѣдовательно, *никто* не въ правѣ его видоизмѣнять; а по понятіямъ нѣкоторыхъ судей слово «окончательное» заключеніе имѣетъ *особое юридическое значеніе*, которое даетъ право судьямъ съ этимъ окончательнымъ заключеніемъ *вовсе не считаться*, и передѣлать его, какъ имъ же заблагоразсудится.

На сколько *русское* законодательство было далеко отъ *юридическихъ* перетолкованій, можно видѣть изъ того, что *непосредственно за закономъ*, предоставляющимъ *исключительное право* общему собранію постановлять «о свойствѣ несостоятельности *окончательное заключеніе*»,—въ уставѣ приводится рядъ статей (621, 622, 623 и 624), опредѣляющихъ *прямыя послѣдствія* того или иного свойства несостоятельности. Иными словами, законодатель предоставилъ право самимъ кредиторамъ опредѣлить, къ какому виду несостоятельности относится данный случай, и тутъ же, непосредственно привелъ законы о гражданской или уголовной отвѣтственности несостоятельнаго.

Какое же участіе суда *по закону?*—Постановленія общихъ собраній о свойствѣ несостоятельности представляются «*на разсмотрѣніе суда*» (ст. 625). По разсмотрѣніе заключается не въ отмѣнѣ *окончательнаго* заключенія, ибо окончательное заключеніе не перерѣшается, а́ дѣло заключается въ провѣркѣ законности всѣхъ условій, при которыхъ состоялось постановленіе общаго собранія. Еслибы общее собраніе было созвано безъ предварительнаге оповѣщенія кредиторовъ о днѣ собранія и о вопросахъ, подлежавшихъ обсужденію, то судъ имѣлъ бы право, усмотрѣвъ *незаконность самого собранія*, признать *незаконными и постановленія его*. Точно также судъ могъ бы признать незаконнымъ постановленіе общаго собранія, если бы не истекли сроки, указанные закономъ на предъявленіе претензій всѣми кредиторами; или если бы въ числѣ кредиторовъ, подававшихъ голоса, оказались бы кредиторы фиктивные или не имѣвшіе права голоса, вслѣдствіе спорности ихъ претензій и т. п. Такое право имѣетъ судъ и по постановленію всѣхъ юридическихъ лицъ, частнаго характера, какъ напримѣръ, акціонерныхъ обществъ, товариществъ и проч. Разница лишь въ томъ,

что вопроса о незаконности общаго собранія акціонеровъ, или членовъ какого бы то ни было частнаго общества, судъ не имѣетъ права касаться иначе, какъ послѣ подачи ему жалобы, а въ дѣлахъ о несостоятельности,—постановленія общихъ собраній кредиторовъ *обязательно* представляются «*на разсмотрѣніе суда*». Но представленіе въ судъ законно состоявшагося постановленія, имѣющаго силу «*окончательнаго заключенія*», по самому свойству таковаго,—обязываетъ судъ къ провѣркѣ, но не даетъ ему права измышлять свои собственныя перерѣшенія. Усмотрѣвъ отступленія отъ требованіи закона, судъ имѣетъ право *не утвердить* постановленіе общаго собранія и *обязанъ предписать* конкурсъ созвать новое собраніе. Но далѣе этого права и этой обязанности законъ иныхъ правъ суду не даетъ, и потому всякое *измѣненіе* постановленія общаго собранія о свойствѣ несостоятельности есть открытый произволъ.

Полный текстъ закона приведетъ къ такому убѣжденію всякаго, кто читаетъ законы такъ, какъ они написаны, безъ всякаго перевода на юридическій языкъ.

Вотъ что гласитъ ст. 625:

«*Всѣ постановленія* общаго заимодавцевъ собранія о «свойствѣ несостоятельности представляются *на разсмо*«*трѣніе суда* (ср. ст. 477), *съ утвержденія его* приводятся «въ исполненіе и объявляются во всеобщее извѣстіе въ «вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ».

Изъ этого текста видно, что судъ утверждаетъ постановленія; а кто утверждаетъ, тотъ въ случаѣ незаконности постановленія можетъ его не утвердить и потребовать новаго рѣшенія; но, чтобы судъ имѣлъ право законное постановленіе, имѣющее силу *окончательнаго заключенія,* по своей прихоти перерѣшать—законъ суду этого *не предоставляетъ;* и если судъ присваиваетъ себѣ подобное право, то, очевидно, такое присвоеніе несуществующей власти является открытымъ произволомъ.

Текстъ закона не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что суду предоставляется только право *утвержденія* или *неутвержденія*; при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ вызывается требованіе *новаго* постановленія общаго же собранія заимодавцевъ о свойствѣ несостоятельности.

Не угодно ли взглянуть на *первыя два слова закона*: «*Всѣ* постановленія». Вѣдь, о свойствѣ несостоятельности составляется *одно* постановленіе, а не десятокъ ихъ. Слѣдовательно, если

допустить даже мысль, что законодатель имѣлъ въ виду, въ случаѣ неутвержденія *единственнаго* постановленія, возложить на судъ замѣну «окончательнаго заключенія» своимъ собственнымъ опредѣленіемъ, то редакція закона, гласящаго, что «*всѣ постановленія*» представляются на разсмотрѣніе суда,—не имѣла бы смысла. Въ томъ и дѣло, что если судъ не утвердитъ *перваго* постановленія и, разумѣется, если приведетъ къ тому законные мотивы, то общему собранію придется составить *второе* постановленіе. Если судъ снова усмотритъ нарушеніе какихъ-либо, закономъ установленныхъ, формальностей, то можетъ явиться *третье* постановленіе и т. д. И такъ, *многократное число* постановленій, *предвидѣнное закономъ*, можетъ явиться только въ случаѣ неутвержденія судомъ *перваго* или *нѣсколькихъ первыхъ* постановленій. Если же допустить, что *неутвержденіе перваго постановленія* влечетъ за собой *замѣну его* опредѣленіемъ суда, то законъ надлежало-бы редактировать такъ: «Постановлені*е* общаго заимодавцевъ собранія о свойствѣ несостоятельности представля*е*тся на разсмотрѣніе суда, съ утвержденія его приводится въ исполненіе и объявляется во всеобщее извѣстіе въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ. Въ случаѣ же неутвержденія постановленія общаго собранія,—судъ постанавливаетъ свое опредѣленіе по совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и точно также объявляетъ во всеобщее извѣстіе».

Не сомнѣнно, если бы этотъ законъ имѣлъ тотъ смыслъ, какой приданъ ему многими судьями, то надлежало бы измѣнить и статью 620, и предоставить кредиторамъ постановлять *не* «окончательное заключеніе», а лишь высказывать свое «предположеніе» или «нравственное убѣжденіе».

На судъ возлагается еще обязанность въ силу ст. 477, на которую дѣлается ссылка, оградить интересы кредиторовъ согласно дальнѣйшей *гражданской отвѣтственности* предъ ними несостоятельнаго должника, въ случаѣ признанія его *неосторожнымъ* или *злостнымъ* банкротомъ, а равно судъ-же обязанъ принять мѣры къ преслѣдованію злостнаго банкрота въ *уголовномъ порядкѣ*, если убѣдится въ существованіи дѣйствительно *уголовныхъ дѣяній*. Въ этомъ отношеніи, никакой судъ не можетъ быть связанъ постановленіемъ кредиторовъ, ибо кредиторы имѣютъ право охранять только свои *гражданскіе интересы*, вытекающіе изъ свойства несостоятельности, а *уголовное* преслѣдованіе—составляетъ *компетенцію суда*, ибо преслѣдованіе злостнаго банкрота, какъ преслѣдованіе всякаго обви-

няемаго въ преступныхъ дѣяніяхъ,—производится на основаніи Устава уголовнаго судопроизводства. Съ момента опредѣленія свойства несостоятельности роль общаго собранія кредиторовъ кончается. И, такъ какъ судъ въ уголовномъ отношеніи можетъ согласиться съ указанными общимъ собраніемъ признаками уголовныхъ дѣяній, но можетъ, конечно, и не согласиться, —то отъ суда зависитъ прекратить дѣло объ уголовной отвѣтственности.

Итакъ, законъ предоставляетъ суду лишь право *утвердить* или *не утвердить* постановленіе общаго собранія кредиторовъ и обязываетъ судъ оградить гражданскія послѣдствія той или иной несостоятельности; а затѣмъ, противъ несостоятельнаго *признаннаго злостнымъ* можетъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, если усмотритъ въ его поступкахъ дѣйствительно уголовныя дѣянія.

Какъ-же позволилъ себѣ поступить судъ въ дѣлѣ г. Л.? Постановленіе общаго собранія кредиторовъ состоялось въ такомъ смыслѣ: большинствомъ 34 голосовъ, съ претензіями на 90 тыс. руб., противъ 3-хъ, съ претензіями на 20 тыс. руб.,—несостоятельность г. Л. признана *несчастною;* причемъ, кредиторы, будучи глубоко убѣжденными, что г. Л. пострадалъ вслѣдствіе большихъ потерь за разными лицами, и книгами выяснилъ, что ничего не скрылъ, — получивъ удовлетвореніе по 32 коп., *отъ остальныхъ своихъ претензій—отказались.*

Замѣтимъ еще, что въ числѣ 3-хъ кредиторовъ, которые добивались отъ родственниковъ г. Л. выкупа, было одно лицо, съ претензіей на 19 тыс. руб., векселя котораго были съ двумя подписями, т. е. съ подписью г. Л. и съ подписью еще одного купца, который и *оплатилъ эти векселя.* Такимъ образомъ, за несчастность г. Л. высказалось 34 человѣка съ голосами на 90 тыс. руб., а за злостность осталось два лица съ претензіей *на 1,000 р.* И судъ, самовольно, отмѣнилъ постановленіе общаго собранія и постановилъ свое собственное — признать г. Л. *злостнымъ* банкротомъ при соучастіи того-же родственника, который не хотѣлъ удовлетворить ростовщиковъ и вымогателей, а выкупилъ претензіи самаго безотвѣтнаго темнаго люда!..

Поступокъ суда прямо необъяснимъ; но онъ становится еще болѣе неправдоподобнымъ, если добавить ко всему сказанному, что судъ, желая оправдать свои дѣйствія, прибѣгъ къ ссылкѣ на одинъ документъ прямо *незаконнаго* свойства.

Всѣ доводы вымогателей, всѣ объясненія суда опроверга-

лись книгами г. Л.; поэтому, чтобы придать своимъ объясненіямъ характеръ правдоподобный, судъ сослался на какую-то странную *экспертизу* книгъ того-же г. Л., находившуюся якобы въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, и представилъ во вторую инстанцію «*копію*» этого документа, удостовѣривъ, что подлинникъ «*за надлежащими подписями*». По копіи экспертизы оказывалось, что книги г. Л. никуда не годны.

По настоянію защитника г. Л. вторая инстанція потребовала подлинное слѣдственвое дѣло, гдѣ должна была находиться та экспертиза, на которую сослался судъ. Когда получено было подлинное дѣло, то въ немъ оказалась *законная* экспертиза, за подписью *слѣдователя*, *самого г. Л.*, *его довѣреннаго* и *двухъ экспертовъ*. Но, на *эту* экспертизу нельзя было опираться, — книгъ невозможно было опорочить; напротивъ, видна была добросовѣстность веденія ихъ. Службу-же сослужила суду *другая* экспертиза, которая тоже оказалась въ дѣлѣ, чрезъ семь или восемь страницъ; на ней-то и основаны были объясненія суда, что книги г. Л въ полномъ безпорядкѣ.

Посмотримъ, что это за экспертиза?

Эта другая экспертиза оказалась весьма своеобразнымъ слѣдственнымъ документомъ, неизвѣстно—*когда* и *гдѣ* составленнымъ. Достаточно сказать,—документъ оказался *безъ года, безъ мѣсяца и безъ числа;* на немъ *не оказалось ни подписи слѣдователя*, *ни подписи самого г. Л.;* мало того, *не оказалось даже ни помѣтки слѣдователя о времени полученія*, *ни № входящаго журнала!..*

При сличеніи этой, *объявившейся вдругъ въ дѣлѣ*, экспертизы *съ законнымъ протоколомъ*, *оказались необъяснимыя противорѣчія* и включены были въ ней факты, обнаружившіеся **въ позднѣйшее время!..**

Считаемъ излишнимъ останавливаться на дальнѣйшемъ выясненіи свойствъ документа, послужившаго основаніемъ къ опороченію книгъ; скажемъ лишь, что тѣ-же опороченныя книги признаны общимъ собраніемъ, самимъ конкурсомъ и приглашеннымъ бухгалтеромъ для провѣрки всѣхъ расчетовъ, — вполнѣ хорошими... *).

Вотъ, какими необъяснимыми путями *отмѣняются*

---

*) Во второй части значеніе этого загадочнаго документа разсмотрѣно во всѣхъ подробностяхъ.

«Окончательныя» *постановленія о* **несчастной** *несостоятельности!* Вотъ какими путями эти постановленія *превращаются въ судебныя опредѣленія о злостномъ банкротствѣ*, которыя **немедленно-же печатаются въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ!..**

Очевидно, *«условія современнаго правосудія» оставляютъ желать очень и очень многаго»* *).

Для полноты картины, приведемъ другой случай изъ дѣятельности *того-же суда*, подъ предсѣдательствомъ *того-же самаго лица.*

За нѣсколько лѣтъ до дѣла г. Л., въ томъ-же судѣ разсматривалась *мировая сдѣлка* несостоятельнаго должника г. Г. съ кредиторами, — того-же самаго г. Г., которому прокуроръ облегчалъ оспариваніе свидѣтелями векселей и закладныхъ на почвѣ уголовнаго судопроизводства.

По мировой сдѣлкѣ г. Г. *обязался* уплатить всѣмъ кредиторамъ по **пяти коп.** на рубль!.. Просимъ обратить вниманіе на слово *«обязался»*, ибо фактически никто не получилъ ни единой копѣйки.

Изъ дѣла видно было, что г. Г. не представилъ никакихъ книгъ; *у него не оказалось даже кассовой книги.* Конкурсу сданы были только какія-то черновыя тетради *объ отпускѣ пива въ портерныя лавки...* Когда г. Г. объявленъ былъ несостоятельнымъ, послѣ троекратныхъ просьбъ кредиторовъ и послѣ того, какъ все имущество было скрыто, то въ числѣ кредиторовъ вдругъ *появились приказчики г. Г.* каждый *на десятки тысячъ рублей.* У нихъ явилось подавляющее большинство голосовъ. Провѣрить-же происхожденіе ихъ претензій не было возможности, ибо, какъ сказано, книгъ не оказалось. Одно можно утвердительно сказать, что при троекратномъ разсмотрѣніи вопроса о несостоятельности, *приказчики* г. Г. въ

---

*) *Выясненіе одной детали для спеціалистовъ.*

Можетъ явиться вопросъ, какъ долженъ поступить судъ, если кто либо изъ кредиторовъ обратится къ нему съ заявленіемъ, что къ дѣлѣ несостоятельнаго, признаннаго несчастнымъ или неосторожнымъ, имѣются признаки злостности?

Дѣло гражданскаго суда, не утверждая постановленія общаго собранія, предложитъ ему войти въ новое обсужденіе заявленія о признакахъ злостности. Если же общее собраніе останется *при прежнемъ своемъ заключеніи*, то недовольные кредиторы, усматривающіе подлогъ, имѣютъ право, на общемъ основаніи, обратиться *къ уголовному суду*; рѣшеніе же общаго собранія о свойствѣ несостоятельности какъ *окончательное* остается въ полной силѣ.

Рѣшеніе вопроса *о свойствѣ несостоятельности*—это право и обязанность исключительно *общаго собранія кредиторовъ*; а возбужденіе дѣла *о подлогѣ*, причинившемъ кому-либо вредъ и убытокъ, — *это право каждаго отдѣльнаго кредитора*, съ отвѣтственностью, конечно, *за ложный доносъ*.

числѣ кредиторовъ *не значились*, *фамиліи ихъ всплыли* впослѣдствіи, когда, наконецъ, суду пришлось объявить г. Г. несостоятельнымъ.

Всѣ эти факты суду были извѣстны; ему извѣстно было и скрытіе огромной массы имущества, равно и то, что касса г. Г. оказалась совершенно пустой. И тѣмъ не менѣе, когда мировая сдѣлка, *съ обязательствомъ г. Г.* уплатить *по пяти коп.* на рубль, была представлена на утвержденіе суда,—*судъ таковую утвердилъ*; онъ *не пожелалъ даже провѣрить* **законности** общаго собранія, въ которомъ большинство голосовъ принадлежало *завѣдомо фиктивнымъ кредиторамъ!..*

Очевидно, «судъ равный ко всѣмъ» —является идеаломъ, пока недостижимымъ... *).

Покровительство ростовщикамъ.

Вся образованная часть населенія, несомнѣнно, помнитъ тотъ случай, когда одинъ изъ помѣщиковъ, доведенный наглымъ издѣвательствомъ вліятельнаго ростовщика-еврея,—уложилъ его на мѣстѣ въ тотъ самый моментъ, когда этотъ ростовщикъ производилъ опись имущества. Разумѣется, помѣщикъ былъ преданъ суду за убійство, но судомъ присяжныхъ онъ былъ оправданъ, и вся Россія восторженно привѣтствовала оправдательный вердиктъ.

Дѣло кончено и забыто; по оно выяснило массу неприглядныхъ сторонъ нашего быта, которыя изгладиться изъ памяти не могутъ. На судѣ выяснилось, что самозащита съ револьверомъ въ рукѣ вызывается послабленіемъ ростовщикамъ со стороны тѣхъ лицъ, которыя обязаны защищать населеніе отъ подобнаго рода кровопійцъ.

---

*) Полная отмѣна значенія самаго закона (ст. 620) вызвана отчасти рѣшеніями Судебныхъ и Кассаціоннаго Департаментовъ Сената. Въ большинствѣ случаевъ, Сенатъ своими рѣшенія стремился *смягчить суровость* закона, предоставляющаго кредиторамъ, т. е. *заинтерссованнымъ лицамъ*, *часто озлобленнымъ*, постановлять окончательное заключеніе. На практикѣ не рѣдки бывали случаи, что кредиторы, безъ всякихъ существенныхъ основаній, признавали должника злостнымъ; и вотъ въ подобныхъ то случаяхъ, Сенатъ особенно твердо проводилъ мысль, что Судъ *можетъ не стѣсняться мнѣніемъ кредиторовъ*, *и даже единогласнымъ ихъ постановленіемъ*. Въ смыслѣ уголовнаго преслѣдованія должника, рѣшенія Сената безусловно соотвѣтствуютъ духу законовъ; но нѣкоторые суды пользуются этими рѣшеніями, какъ правомъ дѣйствовать по произволу; отмѣняя «окончальное заключеніе» о несчастной несостоятельности, — они замѣняютъ его своими собственными опредѣленіями, по своему собственному усмотрѣнію. Въ результатѣ—закона болѣе не существуетъ.

Сила ростовщиковъ заключается въ *слабости* примѣненія къ нимъ закона; приводимый нами ниже примѣръ представитъ не малое разъясненіе, почему законы о ростовщичествѣ не достигаютъ цѣли.

Одному изъ землевладѣльцевъ, г. Я., пришлось выкупить у ростовщика — г. А. векселя другаго землевладѣльца, который дошелъ до полнаго раззоренія. Возмущенный постоянной жестокостью этого ростовщика, г. Я. подалъ заявленіе въ судъ и прокурору; причемъ, приложилъ даже *письменныя доказательства* взиманія ростовщикомъ лихвенныхъ процентовъ.

Какъ извѣстно, взиманіе лихвенныхъ процентовъ не преслѣдуется, если ростовщикъ не пользовался затруднительнымъ положеніемъ своего должника, и если растовщичество не составляетъ его профессіи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда ростовщикъ пользуется безвыходностью земледѣльца и ростовщичество составляетъ его профессію,—онъ по закону преслѣдуется уголовнымъ порядкомъ.

Въ данномъ случаѣ, ростовщикъ г. А., такъ и поступалъ. Онъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ кровопійцъ, противъ которыхъ и изданъ былъ законъ. Наживъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей *на государственной службѣ* (конечно, не только одними сбереженіями) — онъ занялся ростовщичествомъ; пріобрѣлъ на этомъ поприщѣ громкую извѣстность, и пользовался покровительствомъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ мѣстнаго судебнаго персонала.

Всѣ знали объ его похожденіяхъ, но никто не рѣшался привлечь его къ отвѣтственности. Наконецъ, явился смѣльчакъ г. Я., который, располагая письменными данными, рѣшился заявить *о профессіи* г. А., причемъ, въ прошеніяхъ, поданныхъ въ судъ и прокурору, г. Я. указалъ именно на тѣ обстоятельства, что г. А. *пользовался безвыходностью земледѣльцевъ* и что *ростовщичество составляло негласную его профессію*. Казалось бы, вывернуться г. А. не было возможности. Но судъ съумѣлъ найти выходъ въ обходъ закона.

Судъ и прокуроръ *не пожелали* вникнуть *въ смыслъ заявленія г. Я.*, и передали дѣло мировому судьѣ; а тотъ распорядился въ духѣ суда. Дабы *не вызывать* къ разсмотрѣнію дѣла *самаго г. Я.*, возбудившаго все дѣло, — судья составилъ особое постановленіе, въ которомъ привелъ **юридическія основанія** *безцѣльности вызова г. Я...* Главныхъ-же свидѣтелей судья тоже не вызвалъ, но уже безъ объясненія причинъ,—

даже и постановленія объ этомъ не составлялъ... *Подобравъ себѣ*, такимъ образомъ, *извѣстный составъ свидѣтелей* и затѣмъ, опросивъ ихъ,—мировой судья вынесъ опредѣленіе: «*считать г. А. по суду оправданнымъ*». Когда-же адвокатъ г. А. потребовалъ признать еще обвиненіе г. Я. недобросовѣстнымъ, то судья отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ «взиманіе лихвенныхъ процентовъ подтвердилось».

Итакъ, завѣдомый ростовщикъ, *взиманіе* которымъ лихвенныхъ процентовъ «**подтвердилось**», — оказался по суду **оправданнымъ**; а виноватыхъ вовсе не оказалось. Послѣдовалъ рядъ судебныхъ ошибокъ и ростовщикъ, какъ слышно, и по нынѣ продолжаетъ и, вѣроятно, будетъ продолжать, высасывать изъ населенія всѣ жизненные соки, пока кто-нибудь и его не уложитъ.

Глава VII.

Главныя причины несовершенства «условій современнаго правосудія».

Безотвѣтственность судебнаго персонала.

Приведенные примѣры нарушеній закона служатъ лучшимъ опроверженіемъ утонченной ереси, проповѣдуемой г. Хартулари, будто бы «условія современнаго правосудія» вызываютъ измѣненія отношеній къ нему Верховной власти. Эти «условія» не даютъ права даже въ помыслахъ лелѣять подобную ересь.

Но приведенные нами примѣры невольно наталкиваютъ и на другой вопросъ: какимъ образомъ можетъ существовать такой явный обходъ законовъ? Понесъ ли кто либо за это надлежащую кару? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы всѣ приведенныя нарушенія закона (и, конечно, мы привели лишь частичку) были невинными ошибками?—Конечно,—нѣтъ. Быть можетъ даже, многія изъ нихъ были далеко не безгрѣшными; но какъ же это доказать?

Чиновники *всѣхъ другихъ вѣдомствъ* дѣйствуютъ по преимуществу *самолично*, *за свой страхъ*; если они поступаютъ за-

конно—ихъ награждаютъ; если же они нарушаютъ законы,—то сами за свои поступки и отвѣчаютъ. Попробуй кто либо изъ полицейскихъ агентовъ, во время уличныхъ безпорядковъ, превысить свою власть; попробуй кто либо на лишній часъ задержать въ околодкѣ буяна,—сейчасъ подымается крикъ о произволѣ, о лишеніи свободы!... Виновный непремѣнно подвергнется отвѣтственности. Не пройдетъ безнаказанно самое ничтожное нарушеніе законовъ, ни одному чиновнику какого бы то ни было вѣдомства.... И только чины судебнаго персонала, ни въ чемъ, не отвѣтственны,—и почему?—Да потому, что они дѣйствуютъ *коллегіально,* другъ другомъ могутъ прикрываться, и всякое ихъ опредѣленіе можетъ быть *обжаловано*. Большой пользы отъ этого, конечно, не много. Человѣка могутъ оклеветать, лишить свободы не на одинъ часъ, а на нѣсколько лѣтъ, и утѣшеніемъ является *право жаловаться*. Человѣка могутъ по-міру пустить и ему тоже предоставляется право жаловаться!... Незаконное рѣшеніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, будетъ отмѣнено высшими инстаціями; но развѣ это удовлетвореніе? Развѣ это возмѣститъ всѣ причиненные убытки?

Кто хоть поверхностно успѣлъ ознакомиться съ уложеніемъ о наказаніяхъ, тотъ несомнѣнно вынесъ убѣжденіе, что наши законы необыкновенно предусмотрительно относятся къ правонарушеніямъ, совершаемымъ частными лицами и чинами всѣхъ административно-полицейскихъ вѣдомствъ; относительно нѣкоторыхъ органовъ законы на столько суровы, что нужно обладать необыкновеннымъ спокойствіемъ, опытностью и «служебнымъ тактомъ», чтобы не быть обвиненнымъ то *въ бездѣйствіи*, то *въ превышеніи власти*. Самое тяжелое положеніе въ этомъ отношеніи, это—органовъ полиціи. А неугодно ли найдти хоть одинъ законъ, *примѣнимый на практикѣ*, который *подвергалъ бы отвѣтственности* нашъ судебный персоналъ, особенно если правонарушеніе идетъ, напримѣръ, по инициативѣ прокурора или предсѣдателя суда, или, что еще хуже, предсѣдателя палаты. Если предсѣдатель съ прокуроромъ почему либо будутъ пристрастны къ какому либо лицу, то ему благоразумнѣе будетъ впередъ озаботиться покончить въ этой мѣстности всѣ свои дѣла и убраться во-свояси. Если невозможно будетъ уничтожить такого субъекта путемъ гражданскихъ исковъ, то уголовная почва всегда дастъ къ тому полный просторъ.

Неправосудіе, несомнѣнно, есть величайшее бѣдствіе. По

словамъ еще Посошкова—всѣ бѣды Россіи происходятъ отъ «неправды». Съ этимъ соглашаются, конечно, и наиболѣе выдающіеся умы юридическаго міра.

Такъ, докторъ правъ, А. Лохвицкій, приводитъ въ курсѣ уголовнаго права слова докладчика проекта французскаго уголовнаго кодекса, которыя мы и воспроизведемъ здѣсь, какъ необыкновенно яркую характеристику того, что значитъ неправосудіе.

«Преступленіе умышленной несправедливости вслѣд«ствіе подкупа, безъ сомнѣнія, самое низкое, какое только «можетъ совершить судья. Это также одно изъ самыхъ «опасныхъ для общества. Можно до извѣстной степени «защититься отъ вора и убійцы, но нельзя защититься «отъ судьи, который поражаетъ мечемъ закона и убиваетъ «васъ въ своей камерѣ. Получивши власть судить, онъ «долженъ отправлять ее безпристрастно и не взирая на «лица. Онъ выполняетъ великое назначеніе, родъ священно«служенія; общество ввѣряетъ ему самую благородную «обязанность, и оно ожидаетъ отъ него своего спокойствія. «Но если онъ забываетъ первую изъ своихъ обязанностей— «безпристрастіе; если онъ спускается съ той высоты, на «которую его поставило назначеніе государя, и дѣлается «безчестнымъ сообщникомъ несправедливости, которую онъ «долженъ преслѣдовать; если онъ открываетъ свое сердце «для порчи и руки—для взятки,—онъ становится послѣд«нимъ человѣкомъ, и общество должно немедленно изгнать «его изъ своей среды».

Изрѣченіе, какъ изволите видѣть, высокое; неправосудіе представлено въ надлежащемъ свѣтѣ; но неправосудіе творится юристами и ими же составляются проекты законовъ; и потому, когда перейдемъ отъ словъ къ дѣлу, то и увидимъ, что уличить кого либо изъ судей въ самомъ явномъ неправосудіи,— нѣтъ никакой возможности.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ напримѣръ опредѣляетъ неправосудіе нашъ законъ?

Статья 366 Улож. о наказаніяхъ гласитъ:

«Кто *изъ корыстныхъ* или *иныхъ личныхъ видовъ* «рѣшитъ, *съ явнымъ нарушеніемъ законовъ* и *вопреки поло«жительному оныхъ смыслу*, какое либо, подлежащее его «разсмотрѣнію, дѣло, тотъ *за сію умышленную несправед«ливость* подвергается» тому-то и тому-то.

И такъ, чтобы судьи подверглись отвѣтственности на основаніи этого закона за рѣшеніе дѣлъ «*съ явнымъ нарушеніемъ законовъ* и *вопреки положительному оныхъ смыслу*» необходимо, чтобы они совершили подобное явное неправосудіе «*изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ!..*

Позволимъ себѣ поставить два вопроса:

1) Если судьи рѣшили дѣло вкривь и вкось, дѣйствительно вслѣдствіе подкупа, или вслѣдствіе затаенной злобы, или изъ желанія угодить сильному лицу и т. п.—*такъ развѣ это можно доказать несомнѣнными доказательствами? Что же для этого требуется?* Вѣдь взятки даются съ глаза на глазъ; затаенная злоба—не оглашается; объ желаніи угодить сильному лицу—никто не разсказываетъ постороннимъ лицамъ... такъ, какъ же изобличить неправосудіе «изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ»?

2) Ну, а если судьи рѣшатъ дѣло вкривь и вкось по своему невѣжеству: умственному или нравственному—такъ развѣ они *не должны за это отвѣчать, и развѣ подобные люди могутъ оставаться судьями?..*

Очевидно, законъ самъ по себѣ справедливъ, но онъ прямо не достижимъ. Установленіе отвѣтственности за неправосудіе при томъ только условіи, что оно совершено «*изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*», т. е. при такомъ условіи, которое изъ тысячи разъ, *ни разу не можетъ быть доказано* съ математическою точностью,—равносильно установленію *полной безотвѣтственности.*

Представимъ себѣ теперь, что этотъ же законъ (ст. 366) былъ бы изложенъ нѣсколько иначе, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ:

> «Кто рѣшитъ какое либо дѣло, подлежащее его раз-«смотрѣнію, *съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки* «*положительному оныхъ смыслу*, тотъ за такую неспра-«ведливость подвергается «тому-то» (напримѣръ, увольненію «отъ службы), а если при этомъ обнаружено будетъ, что «неправосудіе учинено *изъ корыстныхъ или иныхъ лич-«ныхъ видовъ*, то виновный подвергается «тому-то и тому-«то», смотря по степени злоупотребленія властью».

Практическое значеніе подобнаго закона было бы совсѣмъ другое, ибо пострадавшему лицу пришлось бы доказывать не подкупъ или иныя нечестныя и неуловимыя побужденія судей, а единственно извращенное примѣненіе законовъ. И такъ,

есть полная возможность редактировать тотъ же законъ въ духѣ практическаго его значенія, и тогда судьи несомнѣнно будутъ чаще думать о томъ, чтобы дѣла не рѣшались «съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу».

Разумѣется, измѣненіе только разобранной статьи закона далеко не достаточно для того, чтобы судьи дѣйствовали осмотрительнѣе. Для этого требуется установленіе другого *общаго* закона, а именно, чтобы высшія инстанціи, въ случаѣ отмѣны рѣшеній низшихъ,—*всегда* составляли опредѣленіе о томъ: было ли *отмѣненное рѣшеніе* простою *ошибкою*, не подвергающею виновныхъ судей наказанію, или оно является *неправосудіемъ*, подвергающимъ виновныхъ законной отвѣтственности. Въ послѣднемъ случаѣ высшая инстанція должна быть обязана сообщить о семъ Министру Юстиціи на предметъ преданія виновныхъ суду. Сенатъ же самостоятельно дѣлаетъ о томъ распоряженіе.

Несомнѣнно, и при изложенномъ *измѣненіи ст. 366*, равно, и при установленіи *общаго* закона, въ силу котораго всякая высшая инстанція была бы обязанною высказать *свое заключеніе о характерѣ неправильности отмѣненнаго рѣшенія*,—возможны будутъ обходы закона; но, безспорно, всякій обходъ будетъ неизмѣримо рискованнѣе, особенно, если за всякимъ обиженнымъ останется драгоцѣнное право.—искать защиты Верховной власти. Быть можетъ, нри установленіи болѣе *реальной* отвѣтственности, необходимость обращаться къ Монарху и вовсе исчезнетъ—въ такомъ случаѣ намъ останется только благодарить Бога, но уже одно то обстоятельство, что всѣ судебныя инстанціи будутъ знать, что въ случаѣ нарушенія закона, всякій гражданинъ имѣетъ право искать защиты у подножія Престола,—заставитъ высшія инстанціи относиться къ своимъ обязанностямъ крайне внимательно и осторожно; рѣже будутъ требоваться *указы на указъ*, рѣже будутъ *отмѣняться окончательныя заключенія* законныхъ общихъ собраній кредиторовъ, вообще рѣже законами будутъ «играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти»...

И такъ, установленіе отвѣтственности судей—вовсе не трудно; была бы лишь охота.

Если затѣмъ, распространить такую же обязанность высшихъ инстанцій давать заключенія и о дѣйствіяхъ слѣдователей и, особенно, прокуроровъ, то исчезнетъ возможность за-

саживать «на-пари» неповинныхъ людей въ тюрьмы, превращать гражданскія сдѣлки въ уголовныя преступленія, разжигать страсти на почвѣ національной вражды, позорить безъ всякой надобности нашихъ матерей и пр., и пр., и пр.

Непонятнымъ остается, почему наши юристы, которые такъ охотно черпаютъ свои «принципы» *изъ римскаго права*, не замѣтили весьма существеннаго пробѣла въ нашемъ законодательствѣ. У насъ наказуемо неправосудіе, совершенное «изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ», т. е. то неправосудіе, ***котораго доказать физически невозможно***, и затѣмъ, въ законѣ говорится еще о неправосудіи «*по недоразумѣнію*», т. е. о такомъ неправосудіи, ***которое подвергаетъ судей только замѣчаніямъ и выговорамъ***.

> «Когда доказано,—гласитъ ст. 370—что ***несправед-*** «***ливое*** рѣшеніе въ дѣлѣ гражданскомъ или уголовномъ по- «слѣдовало отъ ошибки судьи или неправильнаго, ***лишь по*** «***недоразумѣнію***, толкованія законовъ, то онъ, смотря по «мѣрѣ вины, приговаривается: или ***къ замѣчанію***, или ***къ*** «***выговору***, со внесеніемъ или безъ внесенія онаго въ по- «служной его списокъ».

И такъ, въ результатѣ *вся отвѣтственность* **за неправосудіе** ограничивается *замѣчаніемъ или выговоромъ. Самое же серьезное неправосудіе*—неуловимо, а слѣдовательно и не наказуемо!.. А между тѣмъ, римское право отличаетъ еще совсѣмъ особый видъ неправосудія,—**средній** между ***злостнымъ неправосудіемъ*** и ***ошибкой***, т. е. когда неправосудное рѣшеніе, ***съ явнымъ нарушеніемъ*** закона, послѣдовало не отъ «недоразумѣнія», а отъ небрежности, лѣни, недоказанной злобы, и пр. Вообще къ *среднему неправосудію* слѣдуетъ отнести тотъ видъ, въ основаніи котораго лежатъ *грубыя ошибки*, которыя римляне называли Culpa lata, dolo proxima ***(грубая ошибка, близкая къ злоумышленной)***.

Надо полагать, юристамъ и надлежало бы начать перевоспитаніе русскаго народа, съ цѣлью «возбужденія въ немъ уваженія къ закону и къ суду», именно, съ установленія хоть какой нибудь отвѣтственности. Нужно прежде всего убѣдить народъ, что впредь не будутъ повторяться примѣры неправосудія, въ родѣ приведенныхъ нами, и тогда навѣрно явится полное уваженіе къ суду. Относительно-же участія Верховной власти въ отправленіи правосудія — пусть юристы оставятъ свои попеченія, ибо это ихъ вовсе не касается. Самодержавная, не-

ограниченная власть не допускаетъ *никакихъ ограниченій* и никакого устраненія себя отъ какихъ бы то нибыло *государственныхъ дѣлъ...*

А чтобы единомышленникамъ г. Хартулари доказать, что *правосудіе* составляетъ предметъ *государственныхъ заботъ*, напомнимъ имъ *начальныя слова* Указа Петра Великаго отъ 17 апрѣля 1722 года:

«*Понеже ничто такъ* **ко управленію Государства** *нужно* «*есть какъ крѣпкое храненіе* **правъ гражданскихъ**, *понеже* «*всуе законы писать, когда ихъ не хранить*» и т. д.

Возвращаясь къ безотвѣтственности судебнаго персонала, мы должны сказать, что даже въ неправосудіи, связанномъ съ общими тяжкими преступленіями по службѣ,—судьи не отвѣтственны.

Такъ напримѣръ, по статьѣ 362 Уложенія о наказаніяхъ считается служебнымъ подлогомъ, если кто либо включитъ въ докладахъ, журналахъ и другихъ офиціальныхъ актахъ «*вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія*». И разумѣется, если чиновникъ какого-либо вѣдомства осмѣлится привести какое-либо обстоятельство, которое окажется вымышленнымъ, то будетъ преданъ суду и прокуроръ съумѣетъ разобрать ту опасность, которой подвергается общество отъ подобнаго рода преступленій должностныхъ лицъ. Когда же судьи приводятъ «вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія», то это разсматривается, какъ *неправосудіе*; и такъ какъ въ законахъ имѣются только двѣ, разобранныя выше, статьи о неправосудіи первой инстанціи суда (ст. 366 и 370), по которымъ судьи *всегда безотвѣтственны*, то и выходитъ, что даже законъ о служебныхъ подлогахъ не имѣетъ примѣненія въ отношеніи судей. Дабы это пояснить, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ дѣла о несостоятельности г. Л.

Въ числѣ признаковъ злостнаго банкротства судъ приводилъ въ своемъ журналѣ фактъ такого рода, будто бы г. Л. «*не принималъ никакихъ понудительныхъ мѣръ ко взысканію долговъ*» съ одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ должниковъ. Между тѣмъ, документально было доказано, что г. Л., послѣ долгаго терпѣнія, предъявилъ ко взысканію закладную и векселя; при чемъ, на удовлетвореніе долга по закладной продано было недвижимое имущество, и *самъ судъ утверждалъ аукціонную продажу;* а на удовлетвореніе долга по векселямъ, *по распоря-*

женію того же суда, переданы были въ пользованіе г. Л. доходы съ нѣсколькихъ лавокъ.

Допустимъ, такія свѣдѣнія приведены были бы не судомъ, а мѣстной полиціей; позволимъ себѣ спросить: какъ судъ взглянулъ бы на такія свѣдѣнія—какъ на подлогъ, или какъ на ошибку по недоразумѣнію?..

Приведемъ другой примѣръ. Въ журналѣ своемъ судъ доказывалъ, что «наличныя книги (г. Л.) велись *въ полномъ безпорядкѣ*, какъ видно между прочимъ, *помимо заключенія провѣрявшаго книги бухгалтера Г—а*, изъ послѣдняго осмотра лицевыхъ счетовъ» и т. д.

И такъ, судъ, говоря о полномъ безпорядкѣ книгъ, сослался на «заключеніе бухгалтера». Приведемъ теперь дословно это заключеніе, данное письменно.

«Двѣ основныя книги: оборотныя вѣдомости (меморіалы) и кассовыя книги ведены на столько *правильно*, что я *былъ въ состояніи составить правильные балансы*».

Позволимъ себѣ спросить: составляетъ ли ссылка на «заключеніе бухгалтера» завѣдомо ложное свѣдѣніе или ошибку?

Если все это ошибки, «лишь по недоразумѣнію», то такихъ ошибокъ мы могли бы привести цѣлую вереницу.

По нашимъ законамъ, но, къ сожалѣнію, только по торговому судопроизводству установлена небольшая гарантія противъ неправосудія,—мы говоримъ объ *отводѣ судей* на основаніи *пристрастія*; но, вѣдь, и подобной гарантіей трудно пользоваться, ибо является громадный рискъ заявить отводъ на основаніи «пристрастія», — вѣдь, его прійдется доказывать предъ лицомъ того-же судебнаго персонала. И тѣмъ не менѣе, судьи, творящіе неправосудіе, и этотъ законъ съумѣли лишить всякаго своего значенія, примѣняя его крайне своеобразно.

Приведемъ дословно законъ объ отводѣ судей и посмотримъ, какъ онъ обходится. Статья 202 Устава Судопроизв. Торговаго гласитъ:

> «Когда истецъ или отвѣтчикъ объявитъ на предсѣ«дателя или члена суда, въ началѣ или въ продолженіе «тяжбы, подозрѣніе въ пристрастіи по дѣлу, по причинѣ «посула, взятокъ и *другихъ злоупотребленій по должности*, «то *подозрѣваемый немедленно устраняется* отъ сужденія «того дѣла, и въ то же время судъ сообщаетъ *подлежа«щему начальству* объ извѣтѣ, **для изслѣдованія его** *и «преданія суду по законамъ*».

Редакція закона указываетъ, какой громадный рискъ заявить неправильный отводъ по причинѣ злоупотребленій и, тѣмъ не менѣе, когда одно лицо, доведенное до изнеможенія всякой «неправдой», рѣшилось, наконецъ, заявить отводъ на основаніи подложныхъ дѣйствій предсѣдателя и старшаго члена суда, то судъ умудрился даже и въ такомъ случаѣ отдѣлаться отъ отвода.

Законъ предписываетъ подозрѣваемому члену суда *немедленно устраниться;* затѣмъ судъ *обязанъ* сообщить *подлежащему начальству* объ извѣтѣ «*для изслѣдованія его* и *преданія суду по законамъ*». Очевидно, по отводу, заявленному на основаніи этого закона, — отводъ *не обсуждается* судомъ, а *обязательно назначается* **разслѣдованіе и преданіе суду**; между тѣмъ, мы указываемъ фактъ, когда судъ послѣ заявленія о подложныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя и члена суда, распорядился иначе, — *онъ разслѣдованія недопустилъ*; вмѣсто того, тотъ же судъ, подъ предсѣдательствомъ *заподозрѣннаго и отводимаго* предсѣдателя, обсудилъ отводъ члена суда и постановилъ: *заявленный отводъ*, (т. е. отводъ *на основаніи подлоговъ*) **«оставить безъ послѣдствій»**, а относительно отвода предсѣдателя, судъ опредѣлилъ донести *Сенату*, хотя законъ требуетъ сообщенія «*подлежащему начальству*», а таковымъ является—Министръ Юстиціи.

Распорядившись, такъ своеобразно, отводомъ двухъ старшихъ членовъ, противъ которыхъ заявлено обвиненіе, на основаніи самыхъ тяжкихъ злоупотребленій по должности, — судъ изыскалъ путь *отклонить производство разслѣдованія* (очевидно, оно было не желательно), и въ томъ же составѣ продолжалъ вершать дѣла человѣка, *изобличавшаго судей въ подлогахъ*... Можно себѣ представить, какъ свято соблюдалось безпристрастіе.

Очевидно, и приведенное право отводовъ не достигаетъ цѣли; очевидно также, что «условія современнаго правосудія» оставляютъ судей *безусловно безотвѣтственными*. Но это еще не все,—судьи оказались даже и *не смѣняемыми;* и это считается чуть ли не самымъ существеннымъ началомъ судебныхъ уставовъ 1864 г.

Судьи—безотвѣтственные и не смѣняемые! Неугодно ли вдуматься въ это выраженіе и—полная картина всего того произвола, который можетъ твориться на необъятномъ пространствѣ Россіи предстанетъ во всей реальности. Быть можетъ, мы должны даже удивляться, что попираніе законовъ—отно-

сительно довольно рѣдкіе еще примѣры. Но, развѣ подобное положеніе вызывается историческими причинами, или практическими соображеніями? Или, наконецъ, «безотвѣтственность и несмѣняемость» составляютъ нѣчто неразрывно-цѣлое съ судебными уставами?—Ничуть не бывало.

Въ практическомъ отношеніи, несмѣняемость судей нисколько *не избавляетъ ихъ отъ давленія*, а *народъ отъ неправосудія*, ибо всѣ люди никогда не довольствуются *настоящимъ своимъ положеніемъ*, а всегда стремятся *къ повышенію по службѣ*; значитъ, склонность *поддаваться давленію*, *во всѣхъ остается въ полной силѣ*. Кто не поддается давленію, — того могутъ продержать до гробовой доски на томъ же мѣстѣ, оказавъ ему весьма плохую услугу *буквальнымъ* примѣненіемъ закона о *несмѣняемости*, а буде люди, власть имѣющіе, *пожелаютъ*—то любого судью доведутъ до того, что онъ *и самъ подастъ въ отставку;* примѣры тому уже и бывали.

И такъ, въ смыслѣ гарантіи правосудія—несмѣняемость судей ничего не достигаетъ, напротивъ, это облегчаетъ только лицамъ, производящимъ давленіе, прикрывать исполнителей своей воли, т. е. виновниковъ неправосудія. Въ случаѣ жалобъ, у нихъ всегда является отвѣтъ: «ничего не могу сдѣлать,—судьи несмѣняемы»...

Съ исторической точки зрѣнія, новый принципъ не выдерживаетъ никакой критики.

Въ древней Россіи судопроизводство было *гласное* и оно уживалось съ принципомъ «самовластія» Великихъ Князей. Отвѣтственность и смѣняемость нисколько гласности не мѣшали и теперь мѣшать не могутъ. Въ древней Россіи мы видѣли рѣшенія болѣе сложныхъ дѣлъ двѣнадцатью почетными гражданами; слѣдовательно «*судъ совѣсти*» и тогда имѣлъ мѣсто, и точно также не вызывалъ необходимости новыхъ «принциповъ» въ родѣ безотвѣтственности и «несмѣняемости судей».

И такъ, ни гласность, ни допущеніе «суда совѣсти» не исключаетъ понятія объ *отвѣтственности* и *смѣняемости судей*. Обращаясь же къ *основному нашему государственному принципу*, т. е. къ самодержавію, мы должны сказать, что *несмѣняемость судей* прямо *противорѣчитъ ему*.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, должно быть понимаемо выраженіе: «несмѣняемость суда»? Вѣдь его нельзя иначе понимать, какъ въ томъ смыслѣ, что Верховная власть *не можетъ смѣнить* судей, попирающихъ законы! И такъ, по отношенію всей

Россіи—Монархъ остается неограниченнымъ; а по отношенію судебнаго персонала,—Верховная власть является уже ограниченной, ибо она уже не можетъ смѣнить судью, рѣшающаго дѣло «съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу». Смѣнить такого судью Верховная, неограниченная власть не имѣетъ права (!); для этого необходимо изобличить судью, что онъ попираетъ законы «*изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*». Вотъ какое необъяснимое, противное основному догмату нашей государственности, положеніе выработали себѣ наши юристы...

Откуда же этотъ новый, анти-русскій принципъ навѣянъ намъ?—Все таже Западная Европа и, особенно, Франція насъ облагодѣтельствовала... Но, наши юристы, пріурочивая этотъ принципъ къ судебнымъ уставамъ, связавши его, такъ сказать, чуть ли не органически съ обновленными идеями правосудія,—позабыли, конечно, чѣмъ вызванъ этотъ принципъ въ самой Франціи. А между тѣмъ, причина, вызвавшая несмѣняемость судей во Франціи, имѣетъ громадный смыслъ, тогда какъ у насъ этотъ принципъ является народнымъ бѣдствіемъ.

Франція въ теченіе столѣтія пережила *три* республиканскихъ формы правленія, *двѣ* Имперіи и *одно* королевство. Естественно, если бы, *при каждомъ политическомъ переворотѣ*, при каждой смѣнѣ Министерства, чрезъ каждые пять-шесть мѣсяцевъ, — съ захватомъ власти той или иной партіей, смѣнялись бы и судьи,—то въ судахъ господствовали бы политическія страсти, а не правда и право, и правосудіе потеряло бы всякій смыслъ, оно обратилось бы въ орудіе авантюристовъ. Несмѣняемость судей во Франціи этимъ-то и объясняется; а какое-же это можетъ имѣть отношеніе къ самодержавному государству?—Надо полагать, — ровно никакого; у насъ, благодаря Богу, политическихъ партій еще не существуетъ; юристы новѣйшаго направленія только еще начинаютъ юридическое перевоспитаніе народа въ духѣ конституціи судебнаго вѣдомства; но надо надѣяться, и этому положенъ будетъ предѣлъ...

Исторія Россіи даетъ весьма поучительные примѣры: все, что противорѣчитъ *основнымъ* нашимъ началамъ, — все то можетъ продержаться, сравнительно съ жизнью народа, короткое время и затѣмъ отбрасывается, какъ непригодное къ жизни. Даже такимъ колоссальнымъ людямъ, какъ Петръ Великій ничто не удавалось, что противорѣчило демократическому строю самодержавнаго государства, что не соотвѣтствовало духу на-

рода. Такъ законъ объ единонаслѣдіи дворянскихъ имѣній исчезъ вмѣстѣ со своимъ появленіемъ. Коллегіи продержались цѣлое столѣтіе и уступили мѣсто единоличнымъ распорядителямъ въ каждомъ министерствѣ; даже высшая коллегія—Сенатъ, и та еще при Петрѣ Великомъ потеряла значеніе коллегіальнаго учрежденія съ момента назначенія генералъ-прокурора, который явился «окомъ Государя» *и сенаторамъ повелѣно было дѣлать*, «*что онъ заблагоразсудитъ*». Безусловное запрещеніе подавать жалобы на Сенатъ просуществовало только четыре года, затѣмъ сдѣланы были всякія послабленія, и наконецъ, право всеподданнѣйшихъ жалобъ было прямо узаконено. Даже бритье бородъ потеряло всякое значеніе. Вотъ почему намъ остается жить надеждой, что и всѣ «принципы» юристовъ новѣйшей формаціи въ духѣ г. Хартулари въ одинъ счастливый день исчезнутъ безслѣдно, и мы возвратимся къ нашимъ *историческимъ основнымъ* началамъ,—ихъ очень немного: *самодержавіе*, *правда и милость*, опирающіяся на православное истинно-христіанское ученіе—*вотъ основы нашей государственности*. Всѣ же «принципы», навязываемые намъ нашими перевоспитателями, какъ-то: разныя «юридическія начала» «несмѣняемость судей», «поддержаніе авторитета судебныхъ рѣшеній» и пр., кончая новѣйшимъ «*общимъ*» государственнымъ принципомъ «объ устраненіи себя Самодержавною властію отъ отправленія правосудія»—все это тѣ тусклые ночники, свѣтъ которыхъ меркнетъ и погибаетъ при появленіи первыхъ лучей всесогрѣвающаго солнца...

Свободное толкованіе законовъ.

Мы упоминали уже, что Монархи, которые принимали самое близкое, почти непосредственное участіе въ дѣлахъ правосудія, какъ Петръ Великій и Екатерина II, не допускали даже и мысли, чтобы судьи имѣли право *восполнять законы*, путемъ примѣненія существующихъ законовъ *къ случаямъ непредвидѣннымъ*. Кто знакомъ съ нашимъ бытомъ и съ характеромъ русскаго человѣка, тотъ можетъ составить себѣ понятіе, на сколько правильно было опасеніе нашихъ Монарховъ предоставлять широкую свободу «*избранія законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала*». Приведенные примѣры явнаго нарушенія законовъ служатъ лучшимъ подтвержденіемъ, что благія, но чуждыя намъ, позаимствованія извнѣ превратились въ бѣдствіе народа, ибо теперь явилась возможность

вкривь и вкось примѣнять законы и всякое правонарушеніе именуется «*ошибкой по недоразумѣнію*».

Трудно даже объяснить себѣ увлеченіе юристовъ шестидесятыхъ годовъ,—увлеченіе, которое вызвало такія роковыя послѣдствія. Во время Петра Великаго или Екатерины II въ Россіи не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; затѣмъ, не было министровъ, распоряжающихся единолично, и потому быстрѣе, чѣмъ въ неповоротливыхъ коллегіяхъ тѣхъ временъ; и тѣмъ не менѣе, при медленности сообщеній, при медленности дѣлопроизводства въ центральныхъ учрежденіяхъ, Государи неуклонно требовали, въ случаѣ невозможности примѣненія существующихъ законовъ къ извѣстному данному случаю,—испрашивать указаній Верховной власти. Нынѣ же при существованіи быстрыхъ сообщеній и сравнительно быстраго дѣлопроизводства, признано необходимымъ предоставить судьямъ право: восполнять законы, устранять противорѣчія и неясности, а ученые юристы поспѣшили расширить это право и облечь его въ юридическую формулу: «избранія законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала».

Несомнѣнно, прежнее *точное* примѣненіе законовъ, въ случаѣ рѣшенія какого либо дѣла, обстоятельства котораго не подходили подъ существующіе законы,—задерживало окончаніе самаго дѣла; но, вѣдь, такихъ дѣлъ можетъ быть изъ тысячи или десяти тысячъ одно; всѣ же прочія дѣла рѣшались на основаніи точнаго смысла законовъ и всякое нарушеніе ихъ являлось неправосудіемъ *сознательнымъ*, подвергало судей отвѣтственности. Нынѣ же ради того, чтобы одно дѣло изъ тысячи не замедлилось,—судьямъ предоставлено право «избирать» законы, и реальная отвѣтственность ихъ начинается лишь съ того момента, когда доказано будетъ, что «*явное нарушеніе законовъ, вопреки положительному оныхъ смыслу*» совершено «*изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*!...» Вѣдь подобное положеніе прямо нетерпимо, и напрасно юристы, отстаивающіе право творить безправіе, прикрываются судебными уставами. *Начала* судебныхъ уставовъ—одно, а *примѣненіе* ихъ къ жизни—совсѣмъ что другое. Между этими двумя понятіями пропасть неизмѣримой глубины. Начала судебныхъ уставовъ имѣли въ виду даровать «судъ скорый и правый», но отнюдь не имѣли въ виду созидать «судъ поспѣшный и произвольный», въ каковой онъ превращается всегда, когда судьями попадаются люди не высокаго нравственнаго уровня.

Законы пишутся для *обыкновенныхъ, среднихъ* людей, а «условія современнаго правосудія» съ широкимъ правомъ «избранія законовъ», съ «безотвѣтственностію и несмѣняемостью судей» — принаровлены къ *идеальнымъ* судьямъ. Таковыхъ, конечно, нѣтъ. Безусловно идеальнымъ судьей можетъ быть только человѣкъ безъ всякихъ личныхъ или партійныхъ интересовъ, который стоитъ неизмѣримо выше эгоистичныхъ или враждебныхъ инстинктовъ; очевидно, такимъ судьей можетъ быть только Верховный судья—Самодержавный, неограниченный Государь. И такъ какъ, юристы закала г. Хартулари осмѣливаются говорить, что намъ нужно провести еще въ жизнь, выдуманный ими. «общій государственный принципъ объ устраненіи себя Самодержавною властію отъ отправленія правосудія»,—то мы и выставили эпиграфомъ «caveant consules» (бдите, консулы), ибо насъ хотятъ лишить даже права искать защиты Верховнаго судьи. У насъ нѣтъ консуловъ; но у насъ есть люди, любящіе Россію, обязанные бдительно слѣдить за тѣмъ, что начинается открытая проповѣдь лишить народъ послѣдней гарантіи противъ открытаго неправосудія, противъ рѣшенія дѣлъ «съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу»... Мы указываемъ на необходимость бдительности и со стороны органовъ печати, издатели которыхъ не пропитаны еще «современною юридическою лойяльностью», а вѣрящихъ въ русскій, простой смыслъ, вѣрящихъ въ существованіе русской правды, вѣрящихъ въ разумность основныхъ началъ русской государственности... Кастовое властолюбіе заходитъ слишкомъ далеко, и всѣ, кто понимаютъ значеніе проповѣди г. Хартулари, должны поднять свой голосъ въ защиту народа.

Обращаясь къ Судебнымъ Уставамъ 1864 г., мы видимъ, что законодатель отнюдь не имѣлъ въ виду предоставлять судьямъ того обширнаго простора въ «*избраніи законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала*», которымъ восторгается г. Градовскій. Это — ученое измышленіе, которымъ только прикрывается произволъ. Въ Судебныхъ Уставахъ мы видимъ лишь указаніе, что законодатель не допускалъ *уклоненія судей отъ исполненія правосудія* подъ предлогомъ неимѣнія соотвѣтственныхъ законовъ, а вовсе нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы судьи, рѣшая, напримѣръ, гражданское дѣло по какимъ либо письменнымъ обязательствамъ, могли избирать законы о производствѣ слѣдствій; или, разсматривая какое либо чисто тор-

говое дѣло и желая скрыть время разсмотрѣнія его, отъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, вмѣсто посылки повѣстки, ограничились вывѣшиваніемъ объявленія, благо и это требуется по закону.

Разсмотримъ тѣ двѣ основныя статьи законовъ, которыя привели многихъ юристовъ къ поспѣшнымъ выводамъ, что судьи вправѣ дѣлать все, что имъ угодно.

> Статья 9. «Всѣ судебныя установленія обязаны рѣ«шать дѣла *по точному разуму дѣйствующихъ законовъ*, «а *въ случаѣ* ихъ неполноты, неясности, недостатка или «противорѣчія, основывать рѣшеніе *на общемъ смыслѣ «законовъ*».
>
> Статья 10. «*Воспрещается останавливать* рѣшеніе «дѣла *подъ предлогомъ* неполноты, неясности, недостатка «или противорѣчія законовъ. За нарушеніе сего правила «виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ «въ правосудіи».

Гдѣ же тутъ говорится объ «избраніи законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала»? Приводимыя статьи требуютъ рѣшенія дѣлъ «*по точному разуму дѣйствующихъ законовъ*»; значитъ о *произвольномъ* избраніи законовъ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ, только *въ случаѣ* неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ предписывается основывать рѣшеніе дѣлъ на *общемъ ихъ смыслѣ*; значитъ, даже и въ этомъ случаѣ говорится *объ общемъ смыслѣ*, а вовсе не объ *искаженіи ихъ смысла*.

Статья же 10-я указываетъ, что законодатель именно опасался уклоненія судей отъ отправленія правосудія подъ разными предлогами; но и въ этомъ законѣ нѣтъ и тѣни права *отмѣнять* или *восполнять существующіе ясные законы*; и если нѣкоторые судьи присвоили себѣ право дѣйствовать съ «*явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу*», то это—ничто иное, какъ величайшее злоупотребленіе, къ сожалѣнію, однако, не наказуемое.

Несомнѣнно, при полной безотвѣтственности и несмѣняемости судей и при низкомъ общемъ уровнѣ образованія, это право, данное судьямъ, является громаднымъ рискомъ; но смѣемъ думать, если бы наши юридическіе перевоспитатели не поддерживали въ судьяхъ убѣжденія, что главный смыслъ судебныхъ уставовъ заключается *въ просторѣ примѣненія законовъ*—то зло не зашло бы такъ далеко. Теперь же мы ви-

димъ, что въ судебной практикѣ вырабатывается прямо привычка «толкованія» и «изъясненія» законовъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершенно ясны и точны, когда разумный ихъ смыслъ не допускаетъ двухъ различныхъ мнѣній. Достаточно прослушать нѣсколько рѣчей защитниковъ въ гражданскихъ дѣлахъ, чтобы составить себѣ понятіе, до какой степени низведено значеніе законовъ. Всѣ рѣчи защитниковъ пересыпаются ссылками только на *кассаціонныя рѣшенія*, сплошь и рядомъ другъ другу противорѣчащія. Ясно, отъ суда всегда зависитъ придать преобладающее значеніе тому или иному кассаціонному рѣшенію, совершенно игнорируя законъ.

Привычка толкованія и изъясненія законовъ охватываетъ все болѣе и болѣе всѣ судебныя инстанціи, и даже въ Сенатѣ бывали уже случаи, къ счастію, еще довольно рѣдкіе, такихъ толкованій, которые равносильны полной отмѣнѣ дѣйствующихъ законовъ. Все это отнюдь не способствуетъ улучшенію правосудія, а напротивъ, облегчаетъ усиленіе произвола, котораго такъ опасалась Императрица Екатерина II. Въ данную минуту, производится ли слѣдствіе не тамъ, гдѣ надлежитъ его производить,—никто даже тому не удивляется; намъ говорятъ: это не важно—вѣдь слѣдователи вездѣ одинаковые люди...

Безчеститъ ли прокуроръ мать семьи безъ всякаго основанія, безъ всякой надобности, позорятъ ли ее только ради прикрашиванія измышленнаго обвиненія,—насъ утѣшаютъ: это не имѣетъ значенія, ибо состязательная система не можетъ связывать свободу обвинителей, какъ одной изъ сторонъ...

Измышляется ли обвиненіе въ несуществующемъ преступленіи, или которое можетъ выясниться лишь позднѣйшими дѣяніями постороннихъ лицъ – это уже совсѣмъ мелочи, ибо защитникамъ предоставляется право опровергать обвиненія и послѣднее слово принадлежитъ подсудимому (?)...

Если же предсѣдатель суда, *послѣ послѣдняго слова подсудимаго* произнесетъ самую сильную *обвинительную* рѣчь—то и этому нечего удивляться: вѣдь это даетъ право кассаціи; надо лишь съумѣть воспользоваться этимъ правомъ.... *).

Если судъ, не исполнивъ Высочайшаго повелѣнія «*объ учрежденіи*» администраціи, прикроется «чувствомъ долга»,—то не поражайтесь, если апелляціонная инстанція объяснитъ

---

*) Мы могли бы указать одну *обвинительную рѣчь* предсѣдателя суда, стенографическій отчетъ которой занялъ *четыре съ половиною печатныхъ листа!..*

это ошибкой, вслѣдствіе недостаточно ясныхъ законовъ о *«закрытіи»* администраціи....

Если судъ отмѣнитъ *«окончательное* заключеніе» о несчастной несостоятельности и взамѣнъ постановитъ свое собственное опредѣленіе о злостности банкротства,—то апелляціонная инстанція утѣшаетъ насъ тѣмъ, что признаніе злостности *въ гражданскомъ* судѣ не означаетъ еще *осужденія*: вѣдь *уголовный судъ*, за отсутствіемъ подлога и корысти, имѣетъ полное право вынести оправдательный приговоръ.... А то обстоятельство, что слѣдователи и судъ будутъ нѣсколько лѣтъ морить неповиннаго человѣка, что его лишатъ заработка и куска хлѣба,—это надо терпѣть: на то и существуютъ «условія современнаго правосудія», предоставляющія судьямъ «избирать законъ изъ всей массы законодательнаго матеріала»...

Если судъ, путемъ невѣрныхъ свѣдѣній, созидаетъ волокиту, то вѣдь судьи—тѣ-же люди, и они могутъ ошибаться...

Пользуется ли судъ слѣдственнымъ документомъ незаконнаго свойства, неизвѣстно *когда* и *гдѣ* составленнымъ, неизвѣстно, *когда* вшитымъ въ дѣло и, предъ тѣмъ, *скрывавшимся* отъ заинтересованныхъ сторонъ,—лицо, изобличающее судъ въ такомъ явномъ противузаконіи, само предается суду, ибо не можетъ доказать, что судъ дѣйствовалъ *«изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ»*. Изъ этого дѣлается выводъ, что судъ дѣйствовалъ безъ «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ», ссылаясь на сомнительный документъ, или приводя завѣдомо ложныя свѣдѣнія, и опредѣленіе суда, основанное на такомъ документѣ, утверждается; мало того, самъ документъ цитируется....

Конечно, разсмотрѣнные примѣры являются единичными случаями; но тѣмъ не менѣе, они указываютъ, до какой степени можетъ дойти явное искаженіе законовъ «по недоразумѣнію», если гг. юристамъ, извѣстнаго направленія, удастся еще провести въ жизнь свой ядовитый принципъ: «объ устраненіи себя Самодержавной власти отъ отправленія правосудія».... Почувствуетъ тогда русскій народъ благодѣянія «юридической лойяльности»!...

Глава VIII.

Корень ереси новѣйшихъ ученій.

«Поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ и *судилъ по праву*». Къ призыву Рюрика.

«*Не вдавайте* сильнымъ погубити человѣка». Владиміръ Мономахъ.

«Отъ нынѣ же я самъ буду, насколько въ силахъ моихъ, *судья* вамъ и *оборона*». Іоаннъ IV.

«*Судилъ* самъ или его сынъ въ своихъ покояхъ». Къ царствованію Алексѣя Михайловича. Татищевъ.

«Дѣла тѣ межъ челобитчиковъ и судей и дьяковъ будетъ *судить* самъ Великій Государь всегда неотложно». Петръ Великій.

«Единое лицо Императорскаго Величества» *предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ*». 4-я статья законовъ объ учрежд. Пр. Сената.

Вдумываясь въ смыслъ приведенныхъ въ этихъ эпиграфахъ изрѣченій и, сопоставляя ихъ съ заглавіемъ самого сочиненія г. Хартулари и съ выставленнымъ имъ эпиграфомъ,—не трудно уловить, въ чемъ заключается корень самой ядовитой ереси. Въ самомъ дѣлѣ, заглавіе гласитъ: «Право суда и помилованія, какъ *прерогативы* Россійской Державности».

И такъ, «Право суда и помилованія», по мнѣнію г. Хартулари, составляетъ *прерогативу* нашей Державности. Отмѣтимъ это.

Что гласитъ эпиграфъ?—«Дискреціонная власть, дѣйствующая ради общественнаго блага, *внѣ закона* и даже *вопреки закону*, именуется *прерогативою*».

Итакъ, проявляя свою власть въ дѣлахъ суда или помилованія, Русскій Самодержецъ дѣйствуетъ или *внѣ закона*, или *вопреки закону*. Отмѣтимъ и это.

По наружному построенію, какъ первое, такъ и второе положеніе являются громкими, торжественными фразами; но обѣ онѣ лишены всякаго логическаго смысла и свидѣтельствуютъ, что юристы, школы г. Хартулари, или не имѣютъ даже

элементарнаго представленія о существѣ Самодержавной власти, или они искусно скрываютъ величайшее фарисейство, чисто властолюбиваго свойства.

Что такое прерогатива? По общепринятому пониманію, прерогатива есть извѣстное *преимущество,* извѣстное исключительное право. По выраженію Джона Локка—это дискреціонная власть, дѣйствующая внѣ закона или вопреки закону, ради общественнаго блага. Изъ этого слѣдуетъ, что *всеобъемлющая самодержавная*, *неограниченная власть* русскаго Самодержца нуждается еще въ какихъ-то *преимуществахъ*, если пожелаетъ дѣйствовать *ради общественнаго блага*, и притомъ, дѣйствія неограниченной власти могутъ быть внѣ закона или вопреки закону!... Это тоже—особое *юридическое* новшество.

Разъ прерогатива есть извѣстное *преимущество*, т. е. исключительное *право* дѣйствовать внѣ закона, то неминуемо является вопросъ, откуда берется это преимущество, откуда происходитъ исключительное право? Преимущества *даются* кѣмъ нибудь, кто можетъ, стало быть, ихъ и *отнять*.

Такъ, напр., въ *конституціонныхъ государствахъ* право помилованія предоставляется, въ большей или меньшей степени, главѣ государства. Предоставляется прерогатива—конституціями или законодательными собраніями, ввиду ограниченной власти монарха. Затѣмъ мы видимъ, что въ различныхъ государствахъ степень прерогативы бываетъ различна: такъ почти вездѣ сдѣлано ограниченіе миловать бывшихъ министровъ за совершенныя ими преступленія; это ограниченіе встрѣчается почти повсемѣстно. Въ нѣкоторыхъ государствахъ допускается помилованіе не иначе, какъ послѣ истеченія опредѣленнаго срока со дня объявленія приговора. Въ большинствѣ государствъ, верховному главѣ не предоставляется своею властью объявлять амнистіи и проч.

Тѣмъ-же порядкомъ, какъ прерогативы *даются*, онѣ могутъ быть *ограничиваемы* и вовсе *отнимаемы*.

Всѣмъ понятно также, что конституціонный монархъ не имѣетъ права своею властью ни издавать, ни отмѣнять, ни замѣнять законовъ; и такъ какъ, относительно помилованія невозможно впередъ создать цѣлаго законодательства, *когда* и *при какихъ* условіяхъ можетъ быть допускаемо помилованіе, то народъ и предоставляетъ главѣ государства, въ этомъ отношеніи, дискреціонную власть, дѣйствовать внѣ закона, хотя, въ большинствѣ случаевъ, тоже подъ извѣстнымъ контролемъ правительства.

И такъ, прерогативы предоставляются и отмѣняются; вездѣ размѣръ ихъ, болѣе или менѣе, ограниченъ, и въ большинствѣ случаевъ, прерогативы хотя и проявляются внѣ законовъ, но все-таки подъ извѣстнымъ контролемъ. Очевидно по отношенію конституціонныхъ государствъ, изрѣченіе Джона Локка вполнѣ понятно и осмысленно.

Но позволимъ себѣ спросить г. Хартулари, какъ пріурочить это изрѣченіе къ власти самодержавнаго, неограниченнаго монарха? *Кто* можетъ *предоставить* нашей Верховной власти *какое либо преимущество* и *кто* можетъ *отнять его?* Очевидно, юристы составляютъ блестящія фразы, но не отдаютъ себѣ отчета, что онѣ лишены всякаго внутренняго содержанія.

Говоря о помилованіи и руководствуясь исключительно философіей западно-европейскихъ писателей, можно себѣ еще объяснить, какимъ путемъ наши юристы пріурочили *«право помилованія» къ прерогативамъ* нашей Верховной власти; но какъ они пріурочили *право суда* къ прерогативамъ?—вѣроятно они и сами этого не понимаютъ. Такой прерогативы нигдѣ нѣтъ, ибо ея и быть не можетъ: можно миловать внѣ закона или вопреки закону; но *судить внѣ закона и даже вопреки закону*—что-то мы еще не слышали о такой прерогативѣ... *Гдѣ* и *кому* дана прерогатива—судить внѣ закона!? Если такъ смѣло переводить любое право—въ прерогативы, то можно отнести къ прерогативамъ всѣ права Верховной власти, какъ-то: «право законодательства», «право попечительства», «право налоговъ», «право охраны интересовъ народа», «право контроля» и вообще «всякое право»... Иными словами, неограниченную Верховную власть можно расчленить на безчисленное множество прерогативъ.

Но могутъ намъ возразить,—стоитъ-ли спорить о *словахъ?* Не все-ли равно будетъ-ли «право суда», или «иное право»—прерогативой или такое право будетъ частицей самодержавной власти? Казалось бы, названіе не можетъ имѣть накакого значенія.—Въ дѣйствительности-же это далеко не такъ. Прежде всего по нашему законодательству только *власть* монарха считается *неограниченной*, о прерогативахъ-же – въ законахъ ничего не говорится *); и потому, есть возможность усомниться въ неограниченности прерогативъ. Затѣмъ, прерогативы даютъ пред-

*) 1-я статья основныхъ законовъ гласитъ: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться *Верховной* Его *власти* не токмо за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ».

ставленіе о дѣйствіи *внѣ закона* и даже *вопреки закону;* слѣдовательно, переводя извѣстныя части самодержавной власти въ прерогативы, и, воспитывая насъ въ томъ духѣ, что прерогатива проявляется внѣ закона и вопреки закону — юристы незамѣтно подготовляютъ насъ къ убѣжденію, что самодержавная власть дѣйствуетъ *только внѣ закона или вопреки закону.* Иными словами, изъ сопоставленія разныхъ юридическихъ изрѣченій выходитъ, что Верховная власть нарушаетъ законное теченіе жизни. На этой почвѣ юристы дѣлаютъ уже свои заключенія, – они увѣряютъ уже насъ, будто русскій народъ предпочитаетъ «лойяльность» нашихъ судовъ и «правовую нормировку» дискреціонной власти самодержца, и, на этомъ основаніи, выставляютъ необходимость, чтобы самодержавная власть устранила себя отъ правосудія... О томъ-же, что самодержавная власть, во всѣ эпохи Русскаго государства, *всегда охраняла наши законы*, что эта власть *всегда стремилась возстановить всякое попранное право*,—объ этомъ юристы въ своихъ окончательныхъ выводахъ всегда умалчиваютъ.

Позволимъ себѣ спросить: когда Императоръ Николай I кассировалъ все рѣшеніе Сената по дѣлу вдовы Даниловичъ и приказалъ дворянамъ Смоленской губ. разсмотрѣть вновь дѣло и рѣшить его «по совѣсти»,—то что же, это рѣшеніе было дѣйствіемъ внѣ закона, вопреки закону? или же власть Самодержца проявилась во имя *возстановленія попранной справедливости, правды* и *закона?*

Тотъ-же вопросъ мы могли бы поставить относительно разсмотрѣннаго дѣла г. С., гдѣ Верховная власть положила предѣлъ нескончаемой волокитѣ, и тѣмъ, хоть отчасти спасла разрушавшееся дѣло.

Точно такой же вопросъ можно было бы поставить, если бы народъ имѣлъ право подавать жалобы на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, и если, напр., могла бы быть подана жалоба по, разобранному нами же, дѣлу о невыгодной сдѣлкѣ. Вѣдь если все судное производство не было кассировано Сенатомъ, то можно это объяснить себѣ не иначе, какъ излишнимъ увлеченіемъ формальной стороной, быть можетъ даже, по винѣ защитниковъ. Но тѣмъ не менѣе, правосудіе нисколько бы не пострадало, если бы Верховная власть отмѣнила рѣшеніе кассаціоннаго департамента и приказала примѣнить законъ *по его духу*, недопуская уступокъ исключительно формальности.

Впрочемъ, и самъ г. Хартулари приводитъ достаточное ко-

личество примѣровъ, забывая лишь о нихъ въ своихъ выводахъ, когда Верховная власть, принимая участіе въ дѣлахъ правосудія, заботилась исключительно о *возстановленіи закона*, а вовсе не стремилась дѣйствовать «внѣ закона».

Очевидно, у юристовъ и у народа существуютъ различные взгляды и различное пониманіе самодержавной, неограниченной власти. Поэтому, приведемъ здѣсь значеніе этой власти, какъ понимаетъ ее русскій народъ.

Слово «*самодержавный*» въ пониманіи народа означаетъ, что Государь *ни съ кѣмъ*, *абсолютно ни съ кѣмъ*, не раздѣляетъ своей власти: ни съ однимъ лицомъ, ни съ однимъ учрежденіемъ, ни съ однимъ вѣдомствомъ, ни съ однимъ сословіемъ.

Слово «*неограниченный*» обозначаетъ, что власть русскаго Государя *не можетъ быть ограничена* никакими регламентами, никакими установленіями, никакими законами.

Отсюда прямой выводъ, что верховная *власть* самодержавнаго, неограниченнаго Государя обнимаетъ собой рѣшительно *всѣ права*, какія только умъ человѣческій можетъ установить, и слѣдовательно, ни въ какихъ преимуществахъ или прерогативахъ не нуждается, ибо все то, что г. Хартулари и его послѣдователямъ кажется прерогативою,—составляетъ **существо самой власти** и не можетъ быть *ни выдѣлено* изъ нея, *ни передано* кому либо другому. Право суда и помилованія, въ той же степени, какъ и всѣ, безъ исключенія, другія права нашей Верховной власти, составляютъ *существенную* и *нераздѣльную* ея часть. Простой, не затуманенный умъ не можетъ себѣ представить *существа* самодержавной, неограниченной власти безъ какого либо права, а тѣмъ болѣе безъ такого насущнаго, какъ «право суда».

Затѣмъ, такъ какъ воля русскаго Самодержца, выраженная въ той или иной формѣ, —является закономъ, то изъ сего слѣдуетъ, что всякое опредѣленное проявленіе воли нашей Верховной власти, являясь съ той минуты закономъ, общимъ или частнымъ, но во всякомъ случаѣ закономъ,—не можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе *внѣ закона*. Въ понятіяхъ русскаго народа самодержавный Государь олицетворяетъ собой идею *высшей справедливости*, идею *высшей правды;* и потому, вступаясь въ какое либо судебное дѣло, Государь или восполняетъ недостатокъ какого либо закона, или возстанавливаетъ попранное право, или своимъ милосердіемъ смягчаетъ суровость закона, къ данному случаю не подходящаго.

Надо полагать, юристамъ, болѣе чѣмъ кому либо, все это надлежитъ знать и помнить, и еслибъ они считались больше съ нашей исторіей, чѣмъ съ изрѣченіями англійскихъ писателей, не имѣющихъ къ намъ ровно никакого соотношенія, то устыдились бы причислять «право суда» Русской самодержавной власти къ прерогативамъ; это историческій абсурдъ.

Развѣ г. Хартулари не извѣстно, что *князья древней Россіи самолично*, или чрезъ своихъ слугъ, *творили вездѣ судъ*, и даже мѣстомъ суда былъ княжескій дворъ? Самое отысканіе князя предпринято было съ цѣлью «*судить по праву*». Вотъ къ какимъ временамъ относится «право суда», какъ *существенная* часть «*власти*».

Или г. Хартулари не извѣстно, что Владиміръ Мономахъ считалъ не только своимъ правомъ, но и *обязанностью* защищать слабыхъ, противъ сильныхъ?—Эту обязанность онъ завѣщалъ своимъ сыновьямъ.

Или г. Хартулари не извѣстно, что во времена московскаго государства, т. е. въ періодъ объединенія всей Россіи подъ скипетромъ Самодержавной власти, наши Государи, въ дѣлахъ болѣе сложныхъ, особенно, когда замѣшаны были интересы сильныхъ людей и было основаніе опасаться лицепріятія,— *непосредственно сами чинили судъ*.

Или г. Хартулари не извѣстно, что Іоаннъ IV на Земскомъ Соборѣ во всеуслышаніе подтвердилъ свою *обязанность* быть «*судьей и обороной*».

Или г. Хартулари не извѣстно, что всѣ Цари и Императоры, во всѣ періоды жизни Россіи, издавали цѣлую массу указовъ *объ искорененіи въ судахъ* взяточничества и лихоимства, и *водворяли вездѣ*, по мѣрѣ силъ, *правду и милосердіе*.

Или, наконецъ, г. Хартулари не извѣстно, что Русскій Монархъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ законовъ, есть единое лицо, *предсѣдательствующее въ Правительствующемъ Сенатѣ*, т. е. *въ высшемъ судебномъ учрежденіи*.

Итакъ, *Русскій Самодержецъ* есть *верховный судья* всего русскаго народа, *въ силу всей нашей исторіи, въ силу существа своей неограниченной власти. Его именемъ*, споконъ вѣка, *творится судъ*; Онъ же верховный предсѣдатель высшаго судилища.

Надо полагать, г. Хартулари не можетъ не знать подобныхъ фактовъ,—они слишкомъ общеизвѣстны; къ тому же на нѣкоторые изъ нихъ онъ и самъ ссылается. Значитъ, проповѣдь

его, что «право суда и помилованія» явилось какой-то прерогативой нашей верховной власти,—составляетъ слишкомъ грубое искаженіе исторической истины.

И удивительно искусно г. Хартулари обошелъ молчаніемъ самый существенный вопросъ своего сочиненія! Казалось бы, съ того и надлежало бы начать, чтобы выяснить тѣ мотивы, которые дали ему основаніе считать «право суда и помилованія» прерогативами нашей Верховной власти. А онъ ограничился тѣмъ, что озаглавилъ свое сочиненіе—«Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности»!.. Такимъ образомъ, сочинивъ подобную ересь, онъ представилъ ее публикѣ, какъ аксіому, давно уже всѣмъ извѣстную и не требующую никакихъ доказательствъ. Затѣмъ, пояснилъ значеніе прерогативы,—оказалось, что прерогатива проявляется внѣ закона и даже вопреки закону,—и вышло, что наша Самодержавная власть, какъ верховный блюститель правосудія, какъ *Верховный судья*,—сама дѣйствуетъ всегда *внѣ закона*... Вотъ какими путями дискретируется участіе въ судебныхъ дѣлахъ Верховной власти, составляющей и понынѣ единственную гарантію народа противъ неправосудія, творимаго безотвѣтственными судьями!...

Выяснимъ теперь, почему юристамъ такъ *понадобилось* выдѣлить часть нашей Верховной власти, подъ названіемъ «Право суда и помилованія» —*въ прерогативы?*

Имъ нужно, во что бы то ни стало, добиться устраненія Себя Верховной властью отъ отправленія правосудія; иными словами, люди добиваются безконтрольной свободы дѣйствій. Но они, въ то же время, понимаютъ, что *неограниченная* власть ничѣмъ *ограничена быть не можетъ*, и съ того момента, какъ эта власть оказалась бы хоть на іоту ограниченной—*она перестала бы быть неограниченной.* И значитъ, если «право суда» есть *существенная часть* неограниченной *власти*, а Государь отстранитъ себя отъ отправленія правосудія, т. е. сложитъ съ себя частицу самой своей власти, то уже окажется, въ извѣстномъ отношеніи, Монархомъ ограниченнымъ; а этого допустить невозможно, безъ нарушенія основныхъ нашихъ началъ. Вотъ почему, на помощь юристамъ, выдвинуто понятіе *о прерогативахъ.* «Право суда и помилованія»—отнынѣ, молъ, *не существо* власти,—*это прерогатива!* И такъ какъ, прерогатива можетъ быть *больше* или *меньше*, и уменьшеніе или уничтоженіе прерогативы не имѣетъ значенія въ смыслѣ *ограниченія самой власти*, то и выходитъ, что

Русскій Самодержавный Государь, устранивъ себя отъ всякаго участія въ наиболѣе существенныхъ, для народа, дѣлахъ, передавъ ихъ всецѣло судебному вѣдомству, —тѣмъ не менѣе, останется неограниченною самодержавною властью,—*уменьшатся лишь прерогативы*. Вотъ почему понадобилось озаглавить сочиненіе «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности»!.. Тонко задумано!.. И сколько оказалось близорукихъ людей, которые привѣтствуютъ подобную разъѣдающую ересь! Нашлись послѣдователи, которые облюбовали ее и дали ей новую кличку: «законность, порядокъ и правда» («правда» оказалась, случайно, въ самомъ концѣ — странное совпаденіе! тогда какъ правда составляетъ сущность дѣла, а законность и порядокъ служатъ лишь *средствомъ* къ достиженію правды).

И неужели же мы до такой степени не довоспитаны, что надъ нами можно такъ издѣваться? Русскій народъ и не подозрѣваетъ, что у него нашлись защитники въ лицѣ г. Хартулари и его послѣдователей, которые заявляютъ, что

> «всякое стремленіе не только *къ умаленію* самого «права, *но даже къ усложненію непосредственныхъ сно-«шеній народа съ своимъ Государемъ,* по разнаго рода хо-«датайствамъ о правосудіи и милостяхъ,—будетъ *незави-«симо отъ нарушенія* существенныхъ и личныхъ *интере-«совъ* самой Верховной *власти*, еще актомъ святотатствен-«наго оскорбленія какъ народныхъ традицій, такъ и на-«роднаго чувства!..»

И тотъ же Хартулари, нарушивъ *существенные* интересы Верховной *власти*, святотатственно оскорбляя тотъ же русскій народъ, проводитъ новый принципъ —*упразднить вовсе* всякое сношеніе народа съ своимъ Государемъ по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, а по вопросамъ о помилованіи сноситься не иначе, какъ чрезъ Министра Юстиціи!...

Это ли не образецъ величайшаго фарисейства?!... И притомъ, сознательнаго,—вѣдь г. Хартулари самъ высказываетъ здѣсь, что всякое *умаленіе* сношеній народа съ Государемъ по разнаго рода ходатайствамъ *о правосудіи и милостяхъ* будетъ нарушать *существенные* интересы Верховной власти...

Значитъ, онъ понимаетъ, что право суда и помилованія составляетъ *существенный* интересъ Верховной *власти*; а когда понадобилось «проводить въ жизнь» свою ересь «объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія», то «Право суда и помилованія» оказалось *не существомъ* Са-

модержавной «*власти*», а «*прерогативой* Россійской Державности»!... Обращеніе съ народомъ—совсѣмъ какъ съ малолѣтними дѣтьми или недоразвитыми людьми! Неужели г. Хартулари не понимаетъ, что, помимо всей его ереси, *самый способъ изложенія вопроса* является *оскорбленіемъ*, если не всего народа, то по крайней мѣрѣ *образованной части его*. На что онъ расчитывалъ?—Что никто не пойметъ смысла и цѣли сочиненія.., И хотя бы завѣдомо неповинныхъ людей ссылали, а явныхъ преступниковъ награждали, то никто не смѣй искать защиты Самодержавной власти!... Указать же другую защиту противъ вольнаго или невольнаго неправосудія—юристы и не думаютъ: ихъ дѣло—лишить только народъ послѣдней надежды на возможность добиться правды, а все остальное—ихъ не касается...

Въ увлеченіи привитія въ жизнь чуждыхъ намъ новшествъ, въ увлеченіи привитія къ самодержавному государству какихъ-то конституціонныхъ принциповъ, но разумѣется, *безъ конституціонныхъ гарантій* противъ произвольнаго примѣненія этихъ принциповъ,—г. Хартулари договорился до того, что русскій народъ *отрицаетъ* для себя доступность Царей и видитъ это отрицаніе въ поговоркѣ: «До Бога высоко, а до Царя далеко».

Не понимаетъ г. Хартулари ни русскаго языка, ни духа русскаго народа. Если, не смотря на временное запрещеніе Петра Великаго обращаться къ нему съ жалобами на Сенатъ, русскіе люди, тѣмъ не менѣе, рискуя подвергнуться даже смертной казни, искали защиты Царя, то значитъ они *не отрицаютъ* доступности Царя! Это болѣе, чѣмъ ясно. Въ приведенной поговоркѣ всѣ русскіе люди понимаютъ совсѣмъ иное значеніе; въ поговоркѣ: «До Бога высоко, до Царя далеко»—слышится стонъ и вопль! Это — сожалѣніе народа, что онъ часто не можетъ дойдти до своего Царя!... Но, чтобы въ этой поговоркѣ видно было какое-то отрицаніе,—до сихъ поръ никому навѣрно это въ голову не приходило. Впрочемъ, отъ нашихъ перевоспитателей мы не то еще услышимъ.

Остается еще выяснить одну весьма существенную непослѣдовательность юридическихъ ученій относительно принципа «отдѣленія судебной власти».

Пока юристы выясняли намъ необходимость отдѣленія судебной власти *отъ административной*, мы могли это понимать. Одни раздѣляли этотъ новый принципъ, другіе признавали его вреднымъ. Объ этомъ можно спорить, можно возму-

щаться доводами противной стороны, но во всякомъ случаѣ, мы должны согласиться, что сама идея, о предоставленіи судамъ болѣе назависимаго положенія при отправленіи правосудія, въ основаніи—вѣрна. Скажемъ болѣе: не только судебная власть, но и всѣ органы правительства должны пользоваться возможно большею самостоятельностью, хотя бы во имя того, чтобы они являлись и болѣе отвѣтственными.

Но когда юристы стремятся довести свой *новый* принципъ до крайнихъ предѣловъ, когда они помышляютъ уже объ отдѣленіи судебной власти не только отъ административной, но *и отъ Верховной*,—то по неволѣ приходится поставить имъ вопросъ: почему они не думаютъ сначала докончить отдѣленія правосудія отъ лица, чисто, *административнаго*, и при томъ, наиболѣе сильнаго,—каковымъ является Министръ Юстиціи?

Казалось бы, раньше, чѣмъ выдумывать новыя гипотезы относительно «права суда», раньше, чѣмъ трактовать объ устраненіи себя Верховной властью отъ отправленія правосудія,—юристамъ надлежало поставить ясный вопросъ объ отдѣленіи правосудія отъ чисто административной должности Министра Юстиціи. А между тѣмъ объ этомъ они даже и не заикаются.

Вспомнимъ, однако, что выставлялось доводомъ необходимости отдѣленія судебной власти отъ администраціи?—*Освобожденіе совѣсти судей отъ всякаго давленія*. Ввиду этой свободы совѣсти, судебная власть отдѣлена даже отъ власти генералъ-губернаторовъ, т. е. такихъ лицъ, которыя, точно также должны стоять внѣ всякихъ подозрѣній въ смыслѣ желанія производить давленіе на почвѣ эгоистичныхъ и другихъ личныхъ соображеній. Между тѣмъ, наибольшее давленіе, какое только можетъ производить кто либо изъ административныхъ лицъ на весь судебный персоналъ,—это давленіе остается въ полной силѣ.

Мы далеки отъ того, чтобы высказывать предположеніе, что тотъ или иной Министръ Юстиціи злоупотреблялъ или будетъ злоупотреблять своею властью. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ. Мы говоримъ лишь на принципіальной почвѣ, не допускающей—ввиду того же принципа *раздѣленія властей*—участія Министра Юстиціи прямого или косвеннаго въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената; ибо, въ этомъ случаѣ, Министръ имѣетъ возможность высказывать *свой* взглядъ, по извѣстному данному дѣлу, судебному персоналу, рѣшающему его въ низшихъ инстанціяхъ; а за тѣмъ, при окончательномъ рѣ-

шеніи дѣла въ Сенатѣ, имѣетъ возможность поддерживать правильность рѣшенія судей, т. е. въ сущности,—можетъ поддерживать *свой* собственный взглядъ.

Намъ могутъ возразить, что Министръ Юстиціи, какъ административное лицо, не принимаетъ никакого участія въ отправленіи самого правосудія. Да это—вѣрно; но такъ какъ Министръ Юстиціи есть въ тоже время и *Генералъ-Прокуроръ* Правительствующаго Сената, т. е. *блюститель закона въ высшемъ судебномъ учрежденіи*, то едва-ли нужно особенно доказывать, что *Генералъ-Прокуроръ*, онъ же и Министръ Юстиціи, можетъ вліять на то или иное рѣшеніе Сената....

Петръ Великій, учреждая должность Генералъ-Прокурора и подчиняя ему весь прокурорскій институтъ, имѣлъ въ виду исключительно *наблюденіе за святостью примѣненія законовъ*. Генералъ-Прокуроръ, по учрежденію родоначальника этой должности, былъ блюстителемъ закона; но, не занимая никакихъ административныхъ должностей, не могъ ни самъ нарушать законовъ, ни требовать такого нарушенія отъ своихъ подчиненныхъ.

Это обстоятельство пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что, по мысли же Великаго Преобразователя, *сенаторы обязаны руководствоваться взглядами Генералъ-Прокурора*. Вотъ подлинныя слова Петра Великаго, обращенныя къ сенаторамъ, когда Онъ представлялъ имъ графа Ягужинскаго, какъ перваго Генералъ-Прокурора:

> «Вотъ Мое око, коимъ Я буду все видѣть. **Онъ** знаетъ Мои намѣренія и желанія; что **онъ** *заблагоразсудитъ*, то **вы** *дѣлайте*».....

Эти слова Петра Великаго, въ связи съ Его указами за послѣднее время жизни, свидѣтельствуютъ, что уже и самъ Петръ Великій извѣрился въ своемъ собственномъ созданіи—въ высшемъ коллегіальномъ учрежденіи; а помимо того, эти слова указываютъ *на громадное значеніе генералъ-прокурора*. И, вѣдь, юристы это знаютъ; они цитируютъ даже эти слова, такъ сказать, возстанавливаютъ въ памяти значеніе административнаго главы судебнаго вѣдомства въ Сенатѣ. Когда же говорятъ о раздѣленіи властей, то объ этомъ непремѣнно забываютъ.

Обращаясь къ функціямъ генералъ-прокурора, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, мы видимъ, что Министръ Юстиціи — онъ же Генералъ-Прокуроръ — является непосредственнымъ начальникомъ, какъ всѣхъ прокуроровъ, такъ и всѣхъ оберъ-

прокуроровъ, оберъ-секретарей и вообще, канцелярій всѣхъ департаментовъ.

Какъ Министру Юстиціи, ему подчинены прокуроры судовъ и палатъ, и хотя прокуроры, по закону, не имѣютъ даже права вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, но, пользуясь особымъ вліяніемъ въ судахъ, какъ агенты Министра Юстиціи, какъ люди, облеченные особымъ довѣріемъ Министра,—сплошь и рядомъ прокуроры вмѣшиваются во все, что ихъ не касается, и даже засѣдаютъ въ совѣщательныхъ комнатахъ при обсужденіи судьями разныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи, нѣкоторые прокуроры настолько не скрываютъ своего вліянія, что въ одномъ извѣстномъ намъ случаѣ, удалось констатировать фактъ самаго открытаго присутствія прокурора въ совѣщательной комнатѣ при рѣшеніи судомъ гражданскаго дѣла.

Въ Сенатѣ же, органы Министра Юстиціи, какъ напримѣръ, оберъ-прокуроры, принимаютъ, даже по закону, непосредственное участіе въ рѣшеніи всѣхъ, безъ исключенія, дѣлъ, и, въ силу законной своей власти, имѣютъ огромное вліяніе на исходъ всякаго дѣла.

Помимо этого офиціальнаго участія, нельзя не принять въ соображеніе, что Министръ Юстиціи является единственнымъ докладчикомъ Государя по всѣмъ дѣламъ, касающимся какъ судовъ, такъ и Сената; онъ имѣетъ право аттестовать всѣхъ Сенаторовъ; въ случаѣ малѣйшаго уклоненія ими отъ исполненія своихъ обязанностей—можетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества; онъ является и ходатаемъ передъ Государемъ по всѣмъ нуждамъ всѣхъ Сенаторовъ: о пособіяхъ, арендахъ, отпускахъ, а равно, о предоставленіи имъ должностей и помимо Сената. Поэтому, надо полагать, *еслибы* Министръ Юстиціи, въ качествѣ Генералъ-Прокурора, *пожелалъ* производить извѣстное давленіе, то имѣлъ бы къ тому болѣе, чѣмъ достаточно, возможности, не говоря уже о томъ, что оберъ-прокуроры всегда могли бы направлять дѣла къ разсмотрѣнію, когда Сенаторы *противнаго мнѣнія* находились бы въ отпуску или отсутствовали бы по случаю болѣзни.

Всѣ эти соображенія мы высказываемъ единственно ввиду крайней непослѣдовательности юристовъ-теоретиковъ, которые, преслѣдуя свой излюбленный принципъ раздѣленія властей, дошли до такой утрировки, что заговорили уже объ отдѣленіи судебной власти даже отъ Верховной, а объ участи въ отправленіи правосудія наиболѣе сильнаго административнаго лица—

Министра Юстиціи, или объ установленіи сколько-нибудь реальной отвѣтственности всего судебнаго персонала—они совсѣмъ умалчиваютъ. Между тѣмъ, если проводить въ жизнь свои «общіе государственные принципы», то съ этого именно и слѣдовало бы начать; тѣмъ болѣе, что съ устраненіемъ Себя самодержавной властью отъ всякихъ дѣлъ правосудія,—вліяніе Министра, а слѣдовательно, возможность давленія, достигнетъ прямо неограниченныхъ размѣровъ.

Въ настоящемъ критическомъ разборѣ не мѣсто разсматривать болѣе подробно значеніе Генералъ-Прокурора и прокуроровъ; но мы не можемъ не обратись особаго вниманія, что вся прокуратура получила крайне своеобразное направленіе, вовсе не соотвѣтствующее духу судебныхъ уставовъ Царя-Освободителя.

Мы говорили выше, что по идеѣ Петра Великаго, *весь прокурорскій институтъ* стоялъ въ сторонѣ отъ администраціи; онъ былъ *исключительно блюстителемъ закона* и весьма понятно,что, какъ блюстители закона, прокуроры могли и должны были *давать свои заключенія* рѣшительно *по всѣмъ дѣламъ*.

Идея Петра Великаго оказалась на практикѣ не вполнѣ осуществимой за отсутствіемъ въ то время въ Россіи людей достаточно образованныхъ и достаточно подготовленныхъ къ занятію всѣхъ, многочисленныхъ должностей, существовавшихъ и, особенно, вновь созданныхъ самимъ же Петромъ Великимъ. Мы видимъ изъ исторіи, что даже должности Генералъ-Прокурора и Сенаторовъ, сплошь и рядомъ, занимались людьми крайне невѣжественными, почему, быть можетъ, практическія соображенія вынуждали нашихъ Императоровъ соединять съ должностью Генералъ-Прокурора различныя административныя должности; и наконецъ, при учрежденіи Министерствъ—слить должностъ Генералъ-Прокурора, этого высшаго блюстителя закона, съ должностью Министра Юстиціи, явившагося чисто административнымъ сановникомъ. Произошло ли это слитіе въ силу тѣхъ же практическихъ соображеній, или потому, что Императоръ Александръ I имѣлъ въ виду продолжать преобразованія всего Государственнаго строя,—отвѣтить на это, въ положительномъ смыслѣ, невозможно; но—фактъ несомнѣнный, что съ момента соединенія этихъ должностей, принципъ *храненія* законовъ постепенно уступаетъ мѣсто *руководству* въ Сенатѣ чисто административнаго лица.

При введеніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года юристы не

обратили вниманіе, что въ новые мѣхи они вливаютъ старое вино, и хотя роль прокуроровъ совершенно видоизмѣнилась, и они явились уже *не блюстителями законовъ*, а исключительно *обвинителями*, и, при томъ, часто лицами *заинтересованными* въ обвиненіи, ибо обвинительными вердиктами они нерѣдко составляютъ карьеру,—тѣмъ не менѣе, въ Судебные Уставы проскользнула идея совершенно необъяснимая, а именно: прокурору, т. е. *одной сторонѣ* въ уголовномъ процессѣ, *предоставлено право давать свои заключенія* по всѣмъ вопросамъ; иными словами,—равенство состязанія обвиненія съ защитой въ самомъ корнѣ подорвано, и всѣ преимущества, вопреки истинному смыслу Судебныхъ Уставовъ, остались на сторонѣ обвиненія. А до чего дошли послѣдствія этого нелогичнаго права, мы видѣли уже изъ приведенныхъ въ главѣ V примѣровъ и изъ рѣчи правдиваго и старѣйшаго нашего присяжнаго повѣреннаго, Герарда.

И такъ, въ нашихъ *новыхъ* судахъ осталась *прежняя* закваска *старыхъ*—по возможности всякаго человѣка засудить. Гдѣ же «правда и милосердіе»? Гдѣ примѣненіе на практикѣ великихъ началъ Царя-Освободителя? Одного этого права прокуроровъ достаточно для того, чтобы «условія современнаго правосудія» считать далеко не совершенными.

Юристы-теоретики упускаютъ изъ виду весьма существенное различіе между Россіей и конституціонными государствами, порядки которыхъ навязываются намъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Вѣдь въ конституціонныхъ государствахъ глава государства не имѣетъ даже основанія вмѣшиваться въ дѣла правосудія, ибо тамъ, помимо главы государства, существуетъ весьма реальный контроль за всѣми министрами. Какой же у насъ останется контроль, если Министръ Юстиціи пожелаетъ нарушать законы, а народъ не будетъ имѣть никакой возможности искать защиты Самодержавной власти? Странно, какъ г. Хартулари упустилъ такое существенное обстоятельство: въ Самодержавномъ государствѣ ни одно дѣйствіе, кого бы то ни было, не можетъ остаться внѣ контроля Самодержавной власти, иначе произволу не будетъ никакихъ границъ; и потому Самодержавная власть, *ни при какихъ условіяхъ, не можетъ устранить Себя отъ отправленія правосудія* *).

---

*) Происки юристовъ властолюбиваго направленія къ *обособленной* дѣятельности судебнаго вѣдомства замѣчаются еще съ шестидесятыхъ годовъ; прежде всѣхъ

Глава IX.

Имѣлъ-ли основаніе г. Хартулари расчитывать на симпатіи Россіи къ своей ереси?

Событія послѣдняго времени, предшествовавшія появленію въ свѣтъ сочиненія г. Хартулари, менѣе всего давали основанія ожидать съ чьей-либо стороны дерзкаго требованія «устраненія себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія!...»

Въ самомъ дѣлѣ, на двухъ нашихъ окраинахъ въ Туркестанѣ и на Кавказѣ послѣдніе безпорядки, сопровождавшіеся кровопролитіемъ, объяснялись общественнымъ мнѣніемъ, главнымъ образомъ,—*полнымъ отдѣленіемъ судебной власти отъ административной* и *антагонизмомъ, вызваннымъ этимъ отдѣленіемъ*. Общественное мнѣніе подтвердилось разслѣдованіями, какъ въ Туркестанѣ, такъ и на Кавказѣ, гдѣ открытые вооруженные разбои пріобрѣли чуть-ли не право гражданства *). Въ сознаніе общества стало проникать даже понятіе о непримѣнимости къ самодержавному государству принципа абсолютнаго раздѣленія властей, и потому ересь, проводимая въ жизнь устами г. Хартулари, поразила насъ, какъ громомъ. Именно, въ то время, когда вся Россія съ острой болью ожидаетъ дѣйствительнаго улучшенія «условій современнаго правосудія»,—условій, допускающихъ произволъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—появляется вдругъ проповѣдь о предоставленіи этому произволу развиваться *внѣ всякаго контроля* даже со стороны Верховной власти, прикрываясь, какъ щитомъ, *совершенствомъ нашего правосудія!...*

Надо полагать, всякій безпристрастный читатель согла-

заговорилъ въ этомъ тонѣ профессоръ Градовскій, но его ученіе было значительно скромнѣе; онъ не порывался убѣждать насъ, что «Право суда и помилованія» составляетъ какую-то прерогативу нашей Верховной власти, проявляющуюся *внѣ закона*. Сопоставленіе-же ученія г. Градовскаго съ ученіемъ г. Хартулари,—приводитъ къ убѣжденію, что наши юристы не даютъ себѣ даже отчета, что такое прерогативы. Говорятъ что-то на-обумъ.

*) Разслѣдованіе Андижанскаго ночнаго нападенія выяснило, что мѣстные суды при всякой возможности унижали авторитетъ административныхъ лицъ въ глазахъ туземцевъ. Съ введеніемъ новыхъ судовъ власть ихъ будетъ еще больше; и если антагонизмъ не прекратится, то новые суды въ состояніи будутъ причинять еще больше зла.

сится съ нами, что если до 1864 года наше судопроизводство было ниже всякой критики, и если нашимъ Императорамъ приходилось издавать самые суровые указы объ искорененіи во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ взяточничества, лихоимства и лиценріятія, —если только перечисленіе этихъ указовъ заняло бы нѣсколько печатныхъ страницъ,—то нельзя себя убаюкивать, что стоило только ввести Судебные Уставы, идеальные по своему духу, но сильно искаженные тѣми-же людьми,— какъ сразу явилось уже и совершенство нашего правосудія.

Разумѣется, подобное мгновенное перерожденіе не могло свершиться; да ничего подобнаго мы и не видимъ; ибо люди все-таки остались людьми. Эти-то люди съумѣли исказить идеальныя начала при первоначальномъ облеченіи ихъ въ юридическія формы, и теперь мы же спѣшимъ еще искажать ихъ при каждомъ примѣненіи законовъ къ жизни.

Въ данную минуту мы не видимъ уже указовъ относительно неправосудія, и юристы весьма искусно пользуются этимъ, выставляя условія современнаго правосудія, какъ перлъ совершенства. Но они, видимо, забываютъ, что указы, какіе мы встрѣчали съ самыхъ отдаленныхъ временъ, вплоть до царствованія Императора Николая I—теперь и не могутъ болѣе появляться; но вовсе не потому, что правосудіе у насъ стало безукоризненно, а единственно потому, что юристы же успѣли лишить народъ права искать защиты противъ неправосудія; вслѣдствіе чего, теперь нѣтъ возможности довести до свѣдѣнія Верховнаго Судьи тѣхъ обидъ и кривдъ, которыя творятся и по нынѣ, которыя едва-ли даже не учащаются въ послѣднее время, *но остаются подъ спудомъ*.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду утверждать, что наше *настоящее* правосудіе можетъ быть даже сравниваемо *со старымъ*,— отнюдь нѣтъ. Прежде всего уже по одному тому, что теперь, при *судѣ присяжныхъ*, злоупотребленія уголовнымъ правосудіемъ являются *исключеніями*, хотя и весьма частыми, тогда какъ въ старыхъ судахъ злоупотребленія были *общимъ явленіемъ* и достигали чудовищныхъ размѣровъ. Достаточно вспомнить даже дѣятельность самаго Сената, какъ напримѣръ, указъ его отъ 22 августа 1767 г., чтобы содрогнуться отъ того безправія, которое могло существовать въ Россіи!... *).

*) Этимъ знаменательнымъ указомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ окончательно воспрещалась крѣпостнымъ крестьянамъ даже подача жалобъ на своихъ помѣщиковъ, подъ страхомъ избіенія кнутомъ и ссылки на вѣчныя работы въ Нерчинскъ! Если

Помимо суда присяжныхъ, весьма благотворное вліяніе въ общемъ имѣютъ и Кассаціонные департаменты, конечно, за извѣстными исключеніями; но, тѣмъ не менѣе, зла творится болѣе, чѣмъ можно было предполагать, когда вводились Судебные Уставы, и нечего утѣшаться тѣмъ, что теперь не появляется уже тѣхъ грозныхъ царскихъ указовъ, какъ напримѣръ, указъ отъ 12 октября 1815 г., которымъ судьи были *оштрафованы* и *опубликованы* во всеобщее извѣстіе.

Если о неправосудіи до средины нынѣшняго столѣтія мы узнаемъ, главнымъ образомъ, изъ царскихъ указовъ, то въ данную минуту о томъ, что творится въ судахъ, мы можемъ узнавать только изъ нашей періодической печати, и, по истинѣ, надо сказать,—вѣсти съ разныхъ концовъ Россіи приходятъ далеко не утѣшительныя. Вѣдь не проходитъ ни одной недѣли, чтобы печать не указала намъ образчика нарушенія или полнаго искаженія законовъ въ какомъ-либо уголку Россіи.

Параллельно тому, та-же печать указываетъ намъ факты крайне печальнаго проявленія полнаго неуваженія къ судамъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ *новыхъ* сибирскихъ судовъ, оскорбленіе суда приняло какой-то хроническій характеръ и проявляется въ самой дерзкой формѣ. Одной осужденной, по прочтеніи приговора, заданъ былъ самый обычный вопросъ: «довольны-ли вы приговоромъ и не желаете ли получить копію?» Подумавъ немного, осужденная взволнованнымъ голосомъ поспѣшно произнесла: «Будь у меня 300 руб., я осталась бы недовольна:— на 100 руб. наняла бы защитника, а остальными бы закупила окружный судъ. А теперь—довольна». Послѣ нѣкоторыхъ внушеній, чтобы осужденная воздерживалась отъ произнесенія дерзостей, на повторенный вопросъ,—нужна-ли ей копія приговора?—она отвѣтила: «не даромъ у насъ въ тюрьмѣ говорятъ— въ окружный судъ возъ денегъ вези».

Бывали случаи еще болѣе дерзкихъ выходокъ. Въ томъ же судѣ одинъ осужденный, по объявленіи приговора, кинулъ въ судей мелкими монетами съ самымъ оскорбительнымъ восклицаніемъ: «вотъ вамъ на чаекъ!» Былъ даже случай, что въ судей былъ брошенъ осколокъ кирпича....

Разумѣется, подобнаго рода грубое проявленіе неуваженія

вникнуть въ смыслъ этого указа, въ которомъ Сенатъ, то и дѣло, прикрывался Высочайшими указами и, вовсе не кстати, замаскировывалъ свое незаконное распоряженіе опасеніями утруждать Императрицу,—то не трудно понять, что крѣпостной человѣкъ уподобленъ былъ простому животному.

къ суду замѣчается со стороны людей невѣжественныхъ, хотя и это симптомъ далеко не успокоительный. Люди образованные къ подобнымъ выходкамъ, конечно, не прибѣгаютъ; но, если судить по нѣкоторымъ прошеніямъ, подаваемымъ въ Сенатъ, то надо думать, что и въ средѣ образованной публики ослабѣваетъ уваженіе къ судамъ, которые своими поступками доводятъ людей до полнаго изступленія. Такъ, напр., въ одномъ прошеніи приведено было такое выраженіе: «счастіе гг. членовъ суда, что подобные поступки должностныхъ лицъ не «могутъ быть называемы настоящими своими именами! *Не «лестную,* однако, *кличку носятъ люди, способные на подобныя «передержки...»*

Въ другой жалобѣ, которая, судя по весьма тонкой юридической отдѣлкѣ, составлена была присяжнымъ повѣреннымъ, т. е. человѣкомъ, привыкшимъ писать крайне сдержанно, и тамъ встрѣчается фраза, свидѣтельствующая о невысокомъ уваженіи ко многимъ лицамъ судебнаго вѣдомства. Въ этой жалобѣ встрѣчается такое выраженіе: «Едва-ли составители Судебныхъ «Уставовъ имѣли въ виду допустить возможность *секретныхъ, «за спиною обвиняемаго,* предварительныхъ слѣдствій». Не велико же уваженіе, можетъ быть, въ человѣкѣ, который жалуется, что судебныя власти творятъ что-то *по секрету, за его спиной.*.

Нѣкоторыя рѣчи нашихъ могикановъ защиты, воспитанныхъ еще въ духѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, приводятъ къ заключенію, что пренебреженіе къ законамъ съ каждымъ годомъ проявляется сильнѣе и охватываетъ все большее и большее число лицъ.

Такъ изъ рѣчи одного присяжнаго повѣреннаго, приведенной нами на стр. 45, видно, что постоянное *пренебреженіе интересами подсудимыхъ* «обнаруживаетъ проявляющееся *въ послѣднее время теченіе*»...

Тотъ-же защитникъ, который «привыкъ вѣрить» судамъ, вынужденъ былъ изобличить одинъ судъ въ доставленіи Сенату *невѣрныхъ цифровыхъ данныхъ!?...*

Но, что безотраднѣе всего—пренебреженіе къ законамъ охватываетъ молодежь и даже проникаетъ въ среду защитниковъ.

Особенно ярко проявилось это растлѣвающее направленіе въ дѣлѣ Елисаветградскихъ ростовщиковъ.

Молодой адвокатъ, представитель гражданскаго истца, позволилъ себѣ въ судѣ, во всеуслышаніе, сказать: «если присяж-

ные оправдають подсудимыхъ, *то они опозорять правосудіе*»... Въ хорошихъ-же принципахъ воспитывается наша юридическая молодежь!... Этому молодому, но нравственно искалѣченному адвокату, возражали два старѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, часть рѣчей которыхъ воспроизводимъ дословно, ибо въ нихъ слышится именно тотъ вопль по поводу систематическаго искаженія Судебныхъ Уставовъ, который раздается со всѣхъ сторонъ.

Возраженіе перваго присяжнаго повѣреннаго:

«При первомъ разборѣ дѣла (дѣло разсматривалось «вторично) мы имѣли своимъ противникомъ уважаемаго, «къ сожалѣнію, умершаго товарища, прис. повѣр. Жуков«скаго; онъ не ужасался и не возмущался оправдатель«нымъ приговоромъ присяжныхъ. Мы съ нимъ были су«дебные дѣятели стараго, перваго времени, переживали «введеніе новаго суда и помнили значеніе, какое прида«валось въ немъ суду присяжныхъ, составлявшее апоѳеозъ «реформы. *Современемъ этотъ взглядъ сталъ измѣняться; «темныя враждебныя силы обратились противъ этого «института;* органы реакціи и мракобѣсія начали напа«дать на судъ присяжныхъ, называя его судомъ улицы и «*возмущаясь преимущественно оправдательными пригово«рами*. Дошло до того, что на карту было поставлено са«мое существованіе института присяжныхъ. *Но никогда «во враждебномъ ему лагерѣ мы не встрѣчали представи«телей присяжной адвокатуры*, и мы съ прискорбіемъ ви«димъ, что *нашъ молодой коллега ужасается и возму«щается оправдательнымъ приговоромъ, заподозрѣвая его «въ пристрастіи*».

Возраженіе втораго присяжнаго повѣреннаго:

«Своему младшему товарищу могу дать совѣтъ искать судеб«ной *правды лишь путями неиными, какъ тѣ, кои начерта«ны въ дѣйствительно «мудрыхъ» велѣніяхъ Судебныхъ «Уставовъ 20-го Ноября 1864 г*.... Ростовщичество, ко«нечно, нежелательно и подчасъ опасно; но *употребленіе* «**недостойныхъ** *средствъ судебной борьбы, особенно когда «они разсчитаны на разжиганіе низменныхъ инстинктовъ «слушателей и судей,—еще менѣе желательно и, пожа«луй, еще болѣе опасно*. Вы еще молоды; но, *употреб«ляя подобныя средства, я думаю, далеко пойдете*»,

Вдумайтесь, читатель, въ послѣднія слова, сказанныя однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ присяжныхъ защитниковъ той честной школы, которая благоговѣла передъ истиннымъ смысломъ Судебныхъ Уставовъ.—«Употребляя подобныя средства, я думаю, далеко пойдете»! Вѣдь эта фраза жжетъ васъ, какъ раскаленнымъ желѣзомъ. Она указываетъ, что всерастлѣвающее направленіе пріобрѣтаетъ несокрушимую силу, и только, слѣдуя этому направленію, можно далеко пойдти!..

Если, затѣмъ, мы вспомнимъ борьбу, которая происходила *за* и *противъ* суда присяжныхъ, если мы вспомнимъ нашу литературу, очерки Щедрина, стихотворенія Некрасова, мелкія бытовыя повѣсти, то невольно прійдемъ къ заключенію, что судебные порядки съ безотвѣтственностью судей, съ правомъ слишкомъ широкаго толкованія законовъ и совершенно несоотвѣтственной силой обвинительной власти,—составляютъ язву нашего организма.

Для наглядной характеристики сошлемся на бытовой разсказъ, помѣщенный, относительно, въ недавнее время, въ Русскомъ Обозрѣніи, за іюль 1896 г. подъ заглавіемъ «Въ пріемной у его Высокопревосходительства». Во второй части этого разсказа выставлены различные типы, возмущенные, озлобленые противъ нашего неправосудія, ищущіе защиты у «Его Высокопревосходительства» и, конечно, не находящіе таковой. Одинъ изъ просителей, отставной морякъ старинной русской дворянской фамиліи, опекунъ чужихъ, малолѣтнихъ дѣтей, явился просить защиты опекаемымъ малюткамъ, надъ имуществомъ которыхъ судъ учредилъ Конкурсъ, тогда какъ стоимость имущества превосходитъ въ три раза сумму долговъ. Выслушавъ холодный, офиціальный отвѣтъ Его Высокопревосходительства, что конкурсъ снятъ быть не можетъ, старый морякъ рѣзко воскликнулъ: «Такъ какъ же, я у васъ здѣсь не найду защиты малолѣтнимъ? Должно быть, мнѣ придется искать ее *въ другомъ мѣстѣ!?*»

Другой проситель, котораго въ судахъ обобрали до-чиста, выразился еще рѣзче: «Государь нашъ за такія вещи васъ по головкѣ не погладитъ».

Конечно, это повѣсть, но въ повѣстяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается жизнь народа. Въ этомъ отношеніи особенно дороги безхитростныя, бытовыя повѣсти, въ родѣ разбираемой, въ которой такъ просто выясняются всѣ надежды обиженныхъ и обездоленныхъ людей единственно на «Царскую правду».

Эта повѣсть наводитъ и на другія мысли: все ли у насъ благополучно и въ смыслѣ корыстолюбія? И дѣйствительно ли правосудіе отправляется такъ независимо отъ постороннихъ вліяній, какъ то старается представить намъ г. Хартулари и его единомышленники?.. *)

Но всѣ разсказы, описанія и газетные отзывы блѣднѣютъ предъ послѣднимъ романомъ гр. Л. Толстого «Воскресеніе». Великое знаменіе времени! Гр. Л. Толстой, величайшій русскій писатель, стоящій на высотѣ міровыхъ классиковъ, переводимый на всѣ европейскіе языки, художественно изображающій бытовыя условія Россіи, — и этотъ-то писатель счелъ нужнымъ ввести въ свой романъ описаніе дѣятельности нашихъ судовъ; и, о Боже! въ какомъ видѣ явилась картина нашего правосудія!....

Въ гражданскомъ отдѣленіи суда «геніальный адвокатъ съумѣлъ *отнять имущество* какой-то старухи въ пользу дѣльца, *не имѣвшаго на это имущество никакого права; это знали и судьи,* а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ».

Прокуроръ настаиваетъ, чтобы отложено было дѣло о сектантахъ, «за отсутствіемъ совсѣмъ не важнаго и ненужнаго для дѣла свидѣтеля, только потому, что дѣло это, еслибы слушалось въ судѣ, *гдѣ составъ присяжныхъ былъ бы интелигентный, могло кончиться оправданіемъ. По уговору же съ предсѣдателемъ* дѣло это должно было *перенестись* на сессію уѣзднаго города, *гдѣ будутъ больше крестьяне*, и потому *больше шансовъ обвиненія»!...*

«Прокуроръ этотъ только что четвертый разъ обвинялъ. *Онъ былъ очень честолюбивъ и твердо рѣшилъ сдѣлать карьеру* и потому считалъ необходимымъ *добиваться обвиненія по всѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ будетъ обвинять.* Сущность дѣла объ отравленіи (разсмотрѣніе котораго назначено было въ первую очередь) *онъ зналъ въ общихъ чертахъ и составилъ уже планъ рѣчи*, но ему нужны были еще нѣкоторыя данныя, и ихъ то онъ теперь (при началѣ засѣданія) поспѣшно выискивалъ изъ дѣла»....

Какъ же обрисованы судьи? — Предсѣдатель безпокоится, какъ бы не задержалось разсмотрѣніе дѣлъ, — его между тремя

*) Какое значеніе имѣютъ *невидимыя вліянія*, — можно заключить и по дѣлу братьевъ Скитскихъ, — по дѣлу, волнующему въ данную минуту громадную часть нашего образованнаго общества и мѣстнаго населенія. Совершена величайшая судебная ошибка, и все общество сознавало эту ошибку *въ моментъ совершенія ея*, и тѣмъ не менѣе, ошибка совершена.

и шестью часами ожидала рыженькая швейцарка Клара Васильевна, оказавшаяся въ городѣ проѣздомъ, и съ которой только прошлымъ лѣтомъ предсѣдатель суда завязалъ романъ.

Одинъ изъ членовъ суда, желчный человѣкъ, предъ уходомъ въ судъ, имѣлъ непріятное столкновеніе съ женою, и разстался съ ней подъ впечатлѣніемъ, что жена оставитъ его дома безъ обѣда.

Другой членъ поглощенъ былъ своимъ новымъ леченіемъ отъ катарра желудка и загадывалъ по разнымъ примѣтамъ, пойдетъ ли успѣшно новое леченіе.

Видимо у всѣхъ у нихъ были свои заботы, а надо было выслушивать всѣ показанія, отвѣты, а главное, заключенія прокурора.

Вотъ обстановка суда, обрисованная нѣсколькими штрихами міроваго генія, графа Толстого. Индифирентные судьи и воинствующій прокуроръ, поставившій себѣ задачей «составить карьеру»...—Вотъ вершители нашихъ судебъ!...

Дѣло, которое можетъ кончиться оправданіемъ—условлено заранѣе перенести на другую сессію, а то дѣло, которое нельзя отложить, прокуроръ не зналъ; онъ послѣднюю ночь прображничалъ, а обвинить необходимо во что бы то ни стало, того требовали соображенія карьеры, и онъ составилъ уже себѣ въ умѣ планъ обвиненія....

Въ другомъ отдѣленіи суда адвокатъ придумалъ какой-то особенный «*ходъ*» и судьи сознательно совершаютъ криводушіе и выносятъ опредѣленіе обобрать старуху въ пользу дѣльца...

И такъ, на судъ русскаго общества представляется съ одной стороны: рядъ фактовъ изъ судебной практики, разборъ законовъ, выдержки изъ рѣчей прокуроровъ и защитниковъ, извлеченія изъ органовъ печати, бытовые разсказы и наконецъ, картины, нарисованныя нашимъ колоссальнѣйшимъ писателемъ—гр. Л. Толстымъ. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ, что о совершенствѣ «условій современнаго правосудія», а тѣмъ болѣе объ устраненіи контроля со стороны Верховной власти—дико даже говорить.

Съ другой стороны,—вмѣсто фактовъ и выводовъ, насъ надѣляютъ безпочвенными фразами, лишенными не только внутренняго содержанія, но даже наружнаго смысла. *Единственное основаніе*, приведенное г. Хартулари, въ подтвержденіе необходимости разрушить основныя начала нашей государственности, не восполняя ихъ даже чѣмъ либо въ родѣ западно-

европейскихъ гарантій противъ судебнаго произвола,—заключается въ томъ, что *«условія современнаго правосудія напоминаютъ, что уже наступилъ моментъ для проведенія въ жизнь того* **общаго** *государственнаго принципа* **объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія** *для юридическаго перевоспитанія народа и для возбужденія въ немъ уваженія къ закону и суду»...*

Право можно думать, что г. Хартулари неожиданно съ луны свалился и никогда не слышалъ ни о дѣятельности нашихъ судовъ, ни о заключеніяхъ прокуроровъ, ни о подгонкѣ дѣлъ къ тому или иному составу засѣдателей и пр. и пр. и пр. Но вѣдь это предположеніе не можетъ имѣть мѣста; г. Хартулари, очевидно, жилъ на землѣ, среди насъ, и объ «условіяхъ современнаго правосудія» знаетъ не хуже любаго изъ гражданъ. Очевидно, его смѣлость иначе объясняется: онъ былъ увѣренъ въ томъ, что сочиненія его простые смертные, т. е. люди, не получившіе дипломовъ юридическаго образованія,—читать не станутъ, а присяжные юристы постѣснятся разоблачить его на-чистоту.

Не подлежитъ даже сомнѣнію, что г. Хартулари и самъ вполнѣ твердо знаетъ о крайне неудовлетворительномъ положеніи правосудія, и тѣмъ не менѣе, расчитываетъ возможнымъ прикрываться совершенствомъ «условій современнаго правосудія».

Въ самомъ дѣлѣ, самъ-же г. Хартулари въ своемъ сочиненіи (стр. 120) ссылается на всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи о необходимости *всесторонняго пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ.* Значитъ, Министръ Юстиціи признавалъ правосудіе далеко несовершеннымъ! Но, вѣдь, это и понятно, иначе и быть не могло; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. А вотъ, что вызываетъ не малое удивленіе,— г. Хартулари *знаетъ о докладѣ Министра Юстиціи, знаетъ* о *плохомъ* состояніи правосудія, и значитъ, сознательно вводитъ публику въ заблужденіе!...

Но этого мало. Тотъ-же г. Хартулари приводитъ Высочайшую резолюцію отъ 7 Апрѣля 1894 г., которая выясняетъ взглядъ въ Бозѣ почивающаго Императора. Резолюція - ясная, опредѣленная, не допускающая никакихъ сомнѣній.

«Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго «пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ, *чтобы, наконецъ, дѣйствительно правосудіе царило въ Россіи...»*

И такъ, по мнѣнію почившаго Государя, правосудіе далеко еще не царитъ въ Россіи... Такъ какъ-же г. Хартулари, зная это, осмѣливается утверждать, будто-бы «условія современнаго правосудія» *напоминаютъ*, что *наступилъ уже моментъ* оставить правосудіе внѣ контроля Верховной власти!.. Какъ осмѣливается г. Хартулари, проводя подобныя химеры и утопіи, посвящать свои сочиненіе памяти Того, именно, Монарха, который такъ ясно выразилъ желаніе *поднять* правосудіе!..

Всѣ эти извороты указываютъ, что юристы новѣйшаго направленія, съ г. Хартулари во главѣ, не пренебрегаютъ никакими средствами, лишь-бы добиться своихъ властолюбивыхъ замысловъ, и при томъ, позволительно заподозрѣть ихъ, что они преслѣдуютъ какіе-то ближайшія цѣли, — это не простое научное изслѣдованіе.

Не даромъ-же исписано почти 800 страницъ; не даромъ-же г. Хартулари перечислилъ и всѣ сочиненія, которыя онъ перечиталъ *). Вѣроятнѣе всего, сочиненіе «Право суда и помилованія» должно было кому-либо *содѣйствовать* въ разрѣшеніи какихъ-либо *практическихъ вопросовъ*. Это можно заключить изъ того, что въ послѣднихъ главахъ замѣчается необыкновенное напряженіе указать, какъ должно быть организовано учрежденіе по принятію всеподданнѣйшихъ прошеній; значитъ, эти указанія и были цѣлью сочиненія; утверждать этого, однако, не беремся. Впрочемъ, этотъ вопросъ насъ и не касается; думалъ-ли г. Хартулари *содѣйствовать* кому-либо *своими «учеными» выводами* въ разрѣшеніи какихъ-либо практическихъ вопросовъ, или онъ имѣлъ въ виду *предупредить какія-либо событія*—это его дѣло. Въ данномъ случаѣ важно лишь то, что властолюбивыя стремленія пробиваются слишкомъ грубо, и, притомъ, вполнѣ сознательно.

Грубость выражается въ дерзкихъ выводахъ, противорѣчащихъ *исторіи государства* и *волѣ всего народа;* а сознательность обнаруживается изъ сопоставленія приведенныхъ выводовъ съ казуистикой г. Хартулари, встрѣчаемой на стр. 313 и 314.

---

*) Странное впечатлѣніе производитъ перечень сочиненій, которыя служили матеріаломъ писателю по «сравнительному историко-законодательному изслѣдованію»,—писателю, трактующему о прерогативахъ Россійской Державности! Сочиненіе: «Du contrat social», «Jean Jaques Rousseau—ему понадобилось, а сочиненія нашихъ авторитетныхъ историковъ, какъ Аксаковъ, Бѣляевъ, Васильчиковъ, Погодинъ, Самаринъ и другіе—писателю о русской самодержавной власти—не потребовались...

Неугодно-ли прочитать двѣ выдержки о *компетенціи нашей Верховной власти!...*

Раздѣливъ проявленія этой власти на *посредствующую* дѣятельность и *непосредственную* компетенцію, г. Хартулари *сводитъ всю дѣятельность* Верховной власти *на учрежденіе разныхъ органовъ...*

«*Посредствующая дѣятельность* Россійской Верхов-«ной Самодержавной Власти,—пишетъ г. Хартулари,—«основанная на двухъ вышеупомянутыхъ коренныхъ прин-«ципахъ, ясно и категорически выраженныхъ въ статьѣ «47 Основныхъ законовъ, гласящей, что: «*Имперія Рос-«сійская управляется на твердомъ основаніи положитель-«ныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ отъ Самодержав-«ной Власти исходящихъ*»,—обусловливается, съ одной «стороны, *непремѣнною организаціею каждаго отдѣль-«наго исполнительнаго органа* на общихъ, соотвѣтствен-«ныхъ остальнымъ государственнымъ установленіямъ осно-«ваніяхъ, а съ другой, *требованіемъ въ ихъ дѣйствіяхъ «строгой законности*»...

И такъ, самъ-же г. Хартулари заявляетъ, что *посредствующая* дѣятельность Верховной власти обусловливается 1) организаціею исполнительныхъ органовъ и 2) *требованіемъ въ ихъ дѣйствіяхъ строгой законности.*

Первую часть посредствующей дѣятельности г. Хартулари оставляетъ на обязанности Верховной власти, а кто будетъ слѣдить *за строгой законностью дѣйствій* **судебныхъ органовъ**, *если Самодержавная власть устранитъ себя отъ отправленія правосудія?*—этотъ вопросъ остается открытымъ. Подобный вопросъ обходится молчаніемъ, ибо, само собою понимается, *кому* перейдетъ эта наиболѣе существенная часть Самодержавной власти!...

Посмотримъ теперь, къ чему сводится *непосредственная компетенція* Верховной власти?

«Что же касается до *непосредственной компетенціи* «Императорской власти,—пишетъ г. Хартулари,—то *она «ограничивается* (?) общимъ духомъ нашего законодатель-«ства *лишь такими случаями* (!), когда или *отдѣльный «вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ существующими «законами*, или-же *когда требуется видоизмѣненіе за-«кона вообще*».

Неугодно-ли полюбоваться лепетаніемъ нашихъ перевоспи-

тателей. Непосредственная компетенція Самодержавнаго Монарха низведена до разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ, или когда потребуется видоизмѣненіе закона,—да и то, когда угодно еще будетъ судебному вѣдомству обратиться за этимъ разрѣшеніемъ или видоизмѣненіемъ, ибо мы всѣ видимъ, что какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ общихъ случаяхъ, судебное вѣдомство, пользуясь широкимъ просторомъ «правильнаго избранія закона изъ всей массы законодательнаго матеріала»—давно уже дѣйствуетъ совершенно свободно, и по существу, путемъ толкованія законовъ, устанавливаетъ *своею властью* какіе угодно законы: одни сводитъ на-нѣтъ, другіе усиливаетъ и видоизмѣняетъ *).

И такъ, вся дѣятельность Самодержавной власти, въ виду статьи 47 Основныхъ законовъ, по мнѣнію г. Хартулари, сводится только *къ непремѣнному учрежденію исполнительныхъ органовъ*, а затѣмъ... контроль законности дѣйствій судебныхъ органовъ и восполненіе законовъ—предоставляется *благоусмотрѣнію судебнаго вѣдомства!...*

Не дурно задумано! совсѣмъ, какъ въ Конституціонныхъ государствахъ: Монархъ царствуетъ, но не управляетъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ существуетъ контроль судебныхъ органовъ со стороны Палатъ, и Совѣта Министровъ, а у насъ такого контроля не полагается, да онъ и не мыслимъ!..

Какова надменность властолюбія! Быть можетъ, лживымъ либераламъ подобная проповѣдь приходится по сердцу; но каково прійдется русскому народу испытывать на себѣ плоды подобной, неслыханной еще нигдѣ въ мірѣ, «лойяльности» или «нормирующаго правила!...»

Выходитъ, все то, что намъ приходится уже испытывать—это только цвѣточки, ягодки-же еще впереди. Ягодки мы увидимъ, когда юристы убѣдятъ правящія сферы въ необходимости осуществленія «того *общаго* государственнаго принципа объ устраненіи себя Самодержавною властію отъ отправленія правосудія»...

---

*) На дняхъ еще мы видѣли, какъ Сенатъ *своею властію* восполнилъ законъ *о включеніи въ дворянскія родословныя книги евреевъ іудейскаго вѣроисповѣданія*; а въ другомъ случаѣ, какъ Сенатъ *разрѣшилъ безмездное отчужденіе родоваго имѣнія*, что закономъ прямо воспрещается. Когда же Министръ Внутреннихъ Дѣлъ установилъ *норму печатнаго листа* для безцензурныхъ изданій, то въ средѣ юристовъ возникъ сейчасъ вопросъ,—имѣетъ ли право Министръ Вн. Д. устанавливать новые законы? Такимъ образомъ, предупрежденіе обхода закона—почитается дѣяніемъ нелегальнымъ, а уничтоженіе значенія законовъ, и при томъ, весьма существенныхъ, это только «*изъясненіе*» ихъ!..

Глава X.

Заключенiе.

Изъ предъидущихъ главъ,—заключенiе вытекаетъ само собой, и указываетъ, что надлежитъ прежде всего озаботиться объ *упорядоченiи правосудiя* и объ установленiи *болѣе реальныхъ гарантiй* народа противъ неправосудiя.

Сущность нашего заключенiя сводится къ слѣдующему:

А) Учрежденiя всѣхъ судебныхъ органовъ должны сообразоваться *съ основнымъ* нашимъ государственнымъ началомъ—самодержавiя. Псевдо-либеральныя же гарантiи народа, способствующiя лишь произволу, должны быть забыты, какъ измышленiе зла.

Б) Всѣ органы судебнаго вѣдомства обязаны творить правосудiе *на точномъ основанiи законовъ*, именемъ *Верховнаго Судьи*, самодержавнаго, неограниченнаго Монарха, и потому дѣйствiя ихъ, *во всѣхъ отношенiяхъ*, подлежатъ *контролю Верховной власти*.

В) *Единственное начало*, которымъ всѣ судебные органы обязаны руководствоваться это—«*правда и милость*». Всѣ же прочiе «принципы», навѣянные и прививаемые намъ,—вовсе не нужны народу; они способствуютъ лишь безотвѣтственности судей, и слѣдовательно, направлены противъ интересовъ народа.

Г) Высшiе *мѣстные* представители власти должны имѣть право неослабнаго наблюденiя за отправленiемъ правосудiя.

Д) Установленiе *фактической*, а не фиктивной отвѣтственности за неправосудiе; и

Е) *Право народа* искать защиты своего Государя.

Развитiе этихъ простѣйшихъ началъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ положенiямъ:

1) Прежде всего должны быть приняты мѣры положить предѣлъ *перевоспитанiю* народа, которое подготовляется въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Юношество всегда бываетъ склонно поддаваться влiянiю тѣхъ лицъ, которыя, красно говорятъ о всякой свободѣ, и потому съ увлеченiемъ воспри-

нимаетъ проповѣди профессоровъ *объ ограниченіи всякой власти*, а тѣмъ болѣе, власти Самодержавной. Эта власть выставляется, какъ сила, дѣйствующая *внѣ закона* и потому нарушающая *законное теченіе жизни народа*. Юношество не замѣчаетъ, конечно, того, что Профессора Государственнаго Права обходятъ молчаніемъ *кому же перейдетъ та власть*, отъ которой должна устранить себя власть Верховная. Зная, что въ западно-европейскихъ государствахъ Верховная власть распредѣляется между Монархомъ и народомъ, юношество считаетъ, что ученія и нашихъ профессоровъ сводятся къ тому же, и потому выражаютъ такимъ профессорамъ свои симпатіи, а тѣ бьютъ на дешевую популярность. О томъ же, что европейскіе порядки не примѣнимы къ нашему громадному государству съ полуневѣжественнымъ, разноплеменнымъ населеніемъ; о томъ, что нашъ экономическій бытъ требуетъ *сильнаго демократическаго правительства;* о томъ, что ограниченіе Верховной власти они сводятъ къ усиленію власти судебной бюрократіи,— о томъ профессора упорно молчатъ. Молчатъ они и о томъ, что самодержавіе въ Россіи является не насильственнымъ актомъ, а выраженіемъ твердой *воли всего русскаго народа*.

При такомъ направленіи воспитанія нашего юношества, молодежъ юридическихъ факультетовъ усваиваетъ себѣ неуваженіе къ всякой *административной* власти, считая *законною* только власть *судебную*, охраняющую, якобы, законность и порядокъ. Въ это-то время и западаютъ въ умы молодежи сѣмена антагонизма, который причиняетъ столько зла всему государству. Вступая на практическую жизнь, молодежь сохраняетъ убѣжденіе *въ необходимости ограниченія власти*; а сталкиваясь съ возрѣніями сослуживцевъ, поддаваясь всеохватывающему карьеризму, постепенно проникается кастовымъ властолюбіемъ, не замѣчая противорѣчія его съ потребностями всего народа. Да и о самомъ народѣ юношество забываетъ очень скоро, и становится исполнителемъ воли своихъ начальниковъ, часто не имѣющей ничего общаго съ правосудіемъ.

Мы ставимъ на первомъ планѣ необходимость положить предѣлъ этимъ университетскимъ псевдо-либеральнымъ ученіямъ, ибо взрощенные въ нихъ молодые люди служатъ не Государю и Россіи, а тому или иному властному лицу; затѣмъ, проходятъ всю іерархическую лѣстницу, доходятъ до высшихъ ступеней, и, облеченные властью, ломаютъ уже основные устои, замѣняя

ихъ своими властолюбивыми умозрѣніями. Вотъ когда начинается наиболѣе серьезная опасность!...

2) Обвинительная власть должна быть лишена несоотвѣтственнаго права *давать свои заключенія* по всѣмъ, возникающимъ въ судѣ, вопросамъ. *То* право, которое присвоено было прокурорамъ, какъ *блюстителямъ закона*, не можетъ принадлежать прокурорамъ, превращеннымъ исключительно *въ обвинителей*, и составляющимъ свою карьеру числомъ обвинительныхъ вердиктовъ. Такимъ образомъ, являясь *заинтересованной* стороной, обвинители не могутъ безпристрастно давать заключеній; подобное право является не малымъ источникомъ произвола.

3) Съ цѣлью установленія *фактической, а не фиктивной отвѣтственности всего судебнаго персонала* надлежитъ установить отвѣтственность судей:

а) За неправосудіе «по недоразумѣнію».

б) За неправосудіе, въ которомъ обнаружена будетъ «*грубая ошибка, близкая къ злоумышленной*» (Culpa lata, dolo proxima).

в) За неправосудіе, совершенное «*изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*».

г) Аппеляціонная и вообще *всякая высшая инстанція*, разсматривая *опредѣленія* низшей инстанціи, въ случаѣ отмѣны таковыхъ, обязана постановить заключеніе и *о свойствѣ неправосудія*, т. е. было ли оно *простой* или *грубой ошибкой*.

д) Всѣ чины судебнаго вѣдомства, если позволятъ себѣ включить въ свои доклады, журналы, донесенія, обвинительные акты или офиціальныя бумаги «вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія»—подлежатъ отвѣтственности, какъ за *служебный подлогъ*, по ст. 362 Улож. о наказ. *независимо отъ исхода судебнаго дѣла*, и даже въ томъ случаѣ, если бы рѣшеніе суда или заключеніе слѣдователей, прокуроровъ и другихъ лицъ было утверждено высшей инстанціей. Послѣднее условіе необходимо въ виду того, что безъ этого условія, высшія инстанціи, желая, по корпоративному духу, выгораживать виновныхъ въ подлогѣ, могутъ быть склонны утверждать неправильныя опредѣленія. Служебный подлогъ, самъ по себѣ, есть серьезное преступленіе, и всякое лицо, прибѣгающее къ нему, должно подвергаться законной отвѣтственности.

ж) Жалобы на неправосудіе, вслѣдствіе *грубой ошибки*, или на совершеніе *подлога*—могутъ быть включаемы въ апеляціонныя, кассаціонныя или частныя прошенія и жалобы; а

равно, могутъ быть подаваемы и особо. На подачу жалобъ о подлогахъ или о корыстолюбіи не можетъ быть никакого срока, ибо обнаруженіе подлога или корыстолюбія обыкновенно бываетъ случайнымъ, иногда даже послѣ разсмотрѣнія дѣла во всѣхъ инстанціяхъ. Обнаруженіе подлога или корыстныхъ поступковъ со стороны членовъ суда предоставляетъ право пострадавшему лицу просить о пересмотрѣ дѣла, хотя бы по немъ состоялось уже исполненіе.

3) Судьи, уличенные въ неправосудіи, вслѣдствіи *грубой* ошибки или *изъ корыстныхъ и иныхъ личныхъ видовъ*, или вслѣдствіе того, что пользовались *подложными свѣдѣніями*, помимо уголовнаго наказанія, должны нести и *гражданскую отвѣтственность* *).

4) *Губернаторы*, какъ *высшіе представители власти* въ губерніи, должны имѣть право *блюстителей правосудія*. Съ этою цѣлью губернаторамъ надлежитъ предоставить власть, *не вмѣшиваясь въ судебныя опредѣленія*, предупреждать волокиту, грубый обходъ законовъ и, особенно всякое грубое превышеніе власти (именуемое въ обыкновенномъ разговорѣ — самоуправствомъ).

Для достиженія намѣченной цѣли, губернаторамъ слѣдуетъ предоставить право: требовать къ себѣ на просмотръ то дѣло, по которому послѣдуетъ подобная жалоба, а равно, давать предложенія «объ ускореніи» всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства, включительно до Предсѣдателя Окружнаго суда. Въ случаѣ же оставленія безъ вниманія предложеній Губернатора, а равно въ случаяхъ проявленія *антагонизма* къ мѣстнымъ административнымъ органамъ или *грубаго обхода законовъ*—Губернаторъ производитъ разслѣдованіе, и при обнаруженіи преступныхъ дѣйствій со стороны членовъ судебнаго вѣдомства,—представляетъ результаты разслѣдованія непосредственно въ первый департаментъ Сената на предметъ преданія виновныхъ суду.

Въ случаяхъ *явнаго превышенія власти*, Губернаторъ пріостанавливаетъ распоряженія судебныхъ приставовъ, слѣдова-

---

*) Едвали можно считать удачнымъ и разрѣшеніе вопросовъ: о судьяхъ, назначаемыхъ исключительно изъ чиновниковъ Министерства Юстиціи; объ устраненіи начала назначенія судей по выборамъ; о судебныхъ издержкахъ; о состязательной системѣ, доведенной до явной утрировки и пр. Всѣ эти вопросы имѣютъ весьма существенное значеніе, но мы оставляемъ ихъ до изданія сочиненія «Основныя начала русскаго государственнаго права», которое разсчитываемъ окончить къ осени этого года.

телей и прокурорскаго надзора, сообщая суду для немедленнаго принятія мѣръ противъ злоупотребленій. О явномъ превышеніи власти со стороны суда, — Губернаторъ сообщаетъ по телеграфу Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи. Въ крайнихъ же случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, доноситъ Императорскому Величеству.

Властью блюстителелей правосудія должны пользоваться, конечно, и *Генералъ-Губернаторы* съ распространеніемъ таковой и по отношенію къ членамъ Судебныхъ Палатъ *).

5) Необходимо согласовать дѣятельность Правительствующаго Сената, какъ *высшаго* государственнаго установленія, съ основнымъ началомъ,—самодержавія и съ основными законами (ст. 47).

Съ одной стороны, едва ли совмѣстимо съ авторитетомъ Правительствующаго Сената, въ коемъ предсѣдательствуетъ Императорское Величество,—перенесеніе какихъ либо дѣлъ изъ Сената въ Государственный Совѣтъ. Понятіе о *Высшемъ* государственномъ установленіи *не допускаетъ* уже возможности *перерѣшенія* его дѣлъ или обсужденія разсмотрѣннаго имъ вопроса въ другомъ какомъ либо установленіи, ибо это послѣднее установленіе является какъ бы *еще высшимъ*, а *то* учрежденіе, дѣла котораго перерѣшаются,—является уже второстепеннымъ, а *не высшимъ*. Во второстепенномъ же установленіи Императорское Величество не можетъ считаться предсѣдательствующимъ лицомъ.

Государственный Совѣтъ есть высшій органъ Самодержавной власти *по изданію законовъ*, а Сенатъ есть и долженъ быть, въ интересахъ правосудія, высшимъ органомъ Самодержавной власти *по правильному примѣненію законовъ*. Мнѣнія каждаго изъ этихъ органовъ, какъ высшихъ, *не подлежатъ провѣркѣ другъ друга*. Только власть Самодержавнаго, неограниченнаго Монарха можетъ кассировать или отмѣнять рѣшенія Сената, но если состоится Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ или перерѣшеніи дѣла, то и оно должно происходить въ томъ же Сенатѣ, быть можетъ только, совмѣстно съ нѣсколь-

---

*) До настоящаго времени Генералъ-Губернаторамъ на окраинахъ присвоивалось «*званіе*» *блюстителей правосудія*, но *безъ всякихъ реальныхъ правъ*. Блюстителю правосудія предоставляется единственное право—быть свидѣтелемъ неправосудія. Въ законахъ говорится о правѣ принимать *мѣры* къ направленію дѣлъ въ установленномъ порядкѣ. А въ чемъ должны заключаться эти мѣры?—никому, конечно, неизвѣстно.

кими членами Государственнаго Совѣта для изъясненія истинныхъ мотивовъ закона, возбудившаго сомнѣніе. Затѣмъ, въ случаѣ пересмотра или перерѣшенія дѣла и не достиженія единогласія,—мнѣнія Общихъ Собраній должны быть повергаемы на благовоззрѣніе Императорскаго Величества въ присутствіи одного или двухъ сенаторовъ, не согласныхъ съ мнѣніемъ большинства.

Авторитетъ Сената, какъ *высшаго* государственнаго установленія, находящагося подъ предсѣдательствомъ Императорскаго Величества, не допускаетъ также назначенія сенаторовъ на должности, подчиненныя *Министрамъ*. Едва ли соотвѣтствуетъ *высокому положенію*, которое *долженъ занимать Сенатъ*, присвоеніе званія сенаторовъ предсѣдателямъ Судебныхъ Палатъ, директорамъ Департаментовъ и пр.

Въ интересахъ правосудія желательно, чтобы Сенатъ являлся установленіемъ *вполнѣ независимымъ отъ Министра Юстиціи*, какъ *административнаго* лица. Полная самостоятельность Сената достижима только при условіи назначенія особаго Предсѣдательствующаго *всѣмъ Сенатомъ*, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, и при условіи самостоятельнаго Генералъ-Прокурора, не занимающаго никакихъ административныхъ должностей.

Самостоятельное, независимое отъ Министра Юстиціи, положеніе Сената можетъ поднять правосудіе несравненно быстрѣе, нежели всевозможныя новыя узаконенія, ибо, какъ Предсѣдательствующій въ Сенатѣ, такъ и Генералъ-Прокуроръ, въ видахъ уменьшенія работы, будутъ непосредственно заинтересованы въ искорененіи грубыхъ ошибокъ и не будутъ имѣть надобности прикрывать преступныхъ дѣяній судебнаго персонала.

При подобномъ поднятіи самостоятельности Сената была бы возможность составлять Общее Собраніе изъ всѣхъ первоприсутствующихъ и опредѣленнаго числа сенаторовъ тѣхъ Департаментовъ, дѣла которыхъ подлежатъ пересмотру, съ участіемъ нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Общее Собраніе, составленное такимъ образомъ, могло бы собираться для установленія *однообразнаго примѣненія законовъ*, для *пересмотра* различныхъ прежнихъ «*изъясненій*» законовъ, коими ихъ смыслъ нарушенъ или измѣненъ, а равно, и *для окончательнаго перерѣшенія дѣлъ*, когда на то послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

Назначеніе Предсѣдательствущаго Сената будетъ имѣть

самое благотворное вліяніе, какъ въ отношеніи личнаго состава самаго Сената, такъ и въ смыслѣ поднятія авторитета самаго установленія. Предсѣдательствующій будетъ охранять Сенатъ отъ назначенія такихъ сенаторовъ, которыхъ приходится затѣмъ увольнять (такой прискорбный случай имѣлъ уже мѣсто), или которые не способны болѣе къ службѣ.

Самостоятельный же Генералъ-Прокуроръ явится дѣйствительнымъ блюстителемъ закона, особенно, если эту должность будетъ занимать человѣкъ, который будетъ искать въ законѣ не казуистическихъ началъ, а *идею правды и добра*.

Но наиболѣе существенное значеніе будетъ имѣть подобная самостоятельность Сената въ смыслѣ *наибольшей устойчивости правосудія*. Въ данную минуту, когда одно и тоже лицо является докладчикомъ Государя по всѣмъ дѣламъ *судебнаго вѣдомства* и *Сената*—съ каждою перемѣною Министра Юстиціи измѣняется все направленіе правосудія, и получаютъ преобладающее значеніе другія начала и другіе люди. Если случайно взгляды Министра Юстиціи окажутся ошибочными, то и все правосудіе получаетъ ошибочное направленіе; при чемъ, и всѣ доклады Государю могутъ получать ошибочную окраску. Въ устойчивости правосудія, въ правильномъ представленіи Государю истиннаго положенія дѣла, — заинтересовано рѣшительно все государство, весь народъ отъ перваго до послѣдняго гражданина, и потому, во имя одного этого, т. е. устойчивости правосудія, поднятіе самостоятельности Сената и дарованіе права тремъ лицамъ (Предсѣдательствующему Сената, Генералъ-Прокурору и Министру Юстиціи) представлять Государю свои всеподданнѣйшіе доклады, каждому по своей части, будетъ служить весьма существенной гарантіей правильнаго отправленія правосудія.

Самостоятельность Сената обуславливается и другими соображеніями. Несомнѣнно, ни одно изъ вѣдомствъ не можетъ причинить народу столько зла, сколько судебное вѣдомство, если оно получитъ неправильное направленіе, и особенно, если этимъ направленіемъ руководитъ энергичный Министръ. Между тѣмъ, въ то время, какъ на незаконныя распоряженія всѣхъ прочихъ Министровъ можно найти защиту въ Сенатѣ,—на незаконное вмѣшательство Министра Юстиціи въ дѣло правосудія,—всякія жалобы въ Сенатѣ совершенно безцѣльны, ибо отношенія Сената слишкомъ зависимы отъ Министра Юстиціи. Это—единственный Министръ, который сносится съ Сенатомъ не рапор-

тами, какъ всѣ прочіе Министры, а даетъ ордера чрезъ подчиненныхъ ему Оберъ-Прокуроровъ. Такимъ образомъ, по отношенію Министра Юстиціи Сенатъ вовсе не имѣетъ значенія «Правительствующаго». Онъ является высшей судебной инстанціей, кассирующей или измѣняющей *опредѣленія Судовъ*, но не является *«Правительствующимъ»* Сенатомъ по отношенію *чиновъ и распоряженій Министерства Юстиціи.* Выходитъ, что именно то вѣдомство, которое можетъ быть наиболѣе опасно народу,—поставлено внѣ контроля Правительствующаго Сената. Едва-ли это положеніе соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ. *Сенатъ лишенъ возможности контролировать законность дѣйствія органовъ Министерства Юстиціи;* напротивъ, *Министръ Юстиціи является контролеромъ дѣятельности Сенаторовъ*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—и *Сената.*

И при такомъ то положеніи, юристы новѣйшаго направленія проповѣдуютъ еще, чтобы и Самодержавная власть устранила себя отъ отправленія правосудія! Тенденція вполнѣ понятная, но она слишкомъ ужъ наивная. Пора побесѣдовать совсѣмъ о другомъ, — о томъ, чтобы Министерство Юстиціи вѣдало то, что вѣдуютъ всѣ прочія Министерства, т. е. свои органы и свои учрежденія; а Правительствующій Сенатъ, долженъ быть «Правительствующимъ» по отношенію ко всѣмъ Министерствамъ *и прежде всего по отношенію Министерства Юстиціи.*

Безошибочно можно сказать, что съ предоставленіемъ Сенату полной самостоятельности, со своимъ Предсѣдательствующимъ и отдѣльнымъ Генералъ-Прокуроромъ «изъясненіе» законовъ, граничащее часто съ отмѣною таковыхъ,—прекратится разъ на всегда, ибо, съ одной стороны, *Генералъ-Прокуроръ будетъ слѣдить за примѣненіемъ законовъ судами, а съ другой,— Министръ Юстиціи будетъ зорко слѣдить за изъясненіемъ законовъ въ Сенатѣ*; и несомнѣнно, если Сенатъ позволитъ себѣ уничтожать значеніе законовъ, то первый же Министръ Юстиціи не преминетъ доложить о томъ Государю.

При такой постановкѣ правосудія, гдѣ и Верховная власть и народъ будутъ гарантированы въ святости примѣненія законовъ, фактически исчезнетъ надобность искать защиты Монарха противъ неправосудія. Но, такъ какъ въ Самодержавномъ государствѣ, при отсутствіи отвѣтственности Министровъ предъ представительнымъ собраніемъ, Самодержавная власть не можетъ себя устранить отъ Верховнаго контроля рѣшительно *ни одного изъ органовъ государства*, то послѣдней, и самой

вѣрной, гарантіей народа должно быть право его искать защиты Верховной власти, и потому необходимо, въ заключеніе, разсмотрѣть организацію *учрежденія по принятію всеподданнѣйшихъ прошеній.*

Прежде, чѣмъ обсуждать вопросъ о томъ, какая *форма* наиболѣе соотвѣтствуетъ учрежденію по принятію прошеній,—надлежитъ рѣшить *основной* вопросъ,— какія прошенія и жалобы могутъ быть допускаемы?

Если прислушаться къ голосу наиболѣе авторитетныхъ *юридическихъ* писателей, то у нихъ у всѣхъ легко подмѣтить одинъ общій припѣвъ ко всѣмъ ихъ изслѣдованіямъ: На словахъ всѣ они согласны, что *Государь есть Верховный Судья*; малѣйшее стремленіе *не только къ умаленію*, но *даже къ усложненію сношеній народа со своимъ Государемъ есть святотатственное оскорбленіе* народныхъ традицій народнаго чувства!... Другіе высказываются еще опредѣленнѣе: «*Судъ и по-*
«*милованіе должны всецѣло принадлежать Царю.* Если
«сердце Царево въ рукѣ Божьей, и если *рѣшающимъ момен-*
«*томъ* во всякомъ судѣ служитъ *голосъ совѣсти, то дѣйстви-*
«*тельно только Царь*, и лишь Онъ, *можетъ быть истин-*
«*нымъ судьей народа* и его печальникомъ въ нуждахъ» *).

Но всѣ эти припѣвы носятъ лишь *платоническій характеръ*, а какъ только дѣло доходитъ *до практическаго разрѣшенія вопроса*, то сейчасъ же выдвигаются на сцену другія рѣчи: объ «условіяхъ современнаго правосудія», о непредоставленіи народу права подавать жалобы на Кассаціонные Департаменты и пр.; а въ результатѣ, по мнѣнію юристовъ, можно подавать Государю жалобы лишь на такія учрежденія и на такихъ лицъ, съ которыми народъ *почти не приходитъ въ соприкосновеніе*, тогда какъ *по самымъ существеннымъ дѣламъ*, касающимся нашего благосостоянія, имущества и чести,—то съ этимъ, молъ, незачѣмъ ходить съ жалобами къ Верховному Судьѣ, Которому «*всецѣло принадлежитъ» судъ и помилованіе.* Намъ юристы охотно предоставляютъ право жаловаться на Министра Иностранныхъ Дѣлъ, на Министра Двора, но Боже сохрани,—*жаловаться Верховному Судьѣ* **на неправосудіе**, *на Министра Юстиціи, на Кассаціонные Департаменты. И прислушайтесь къ логикѣ юристовъ*, сколько въ нихъ противорѣчій и какая непослѣдовательность!... Юристы намъ говорятъ: Кассаціонные Департаменты не рѣшаютъ вопросовъ «*по суще-*

*) См. «С.-Петерб. Вѣд.», 1899 г. №84. «Къ вопросу о реформѣ Коммисіи прошеній».

ству», они только слѣдятъ *за соблюденіемъ юридическихъ обрядовъ и формальностей.* Значитъ, если Судебная Палата рѣшитъ дѣло «по существу» вкривь и вкось, *но будутъ соблюдены всѣ формальности*, почему *кассація будетъ оставлена безъ послѣдствій*, то мы же *лишаемся права искать защиты Верховнаго Судьи*, именемъ Котораго творится правосудіе и Который есть единое лицо, предсѣдательствующее въ Сенатѣ.

И какая-же это послѣдовательность! Когда вопросъ *«по существу»* рѣшался *въ Сенатѣ, Сенаторами*,— то на подобное рѣшеніе *можно было жаловаться Государю*, и мы видѣли случаи отмѣны рѣшеній, по истинѣ, самаго ужасающаго свойства (дѣла Ширяевой или Даниловичъ). Когда-же послѣднее рѣшеніе дѣла *«по существу»* же перешло *къ низшей инстанціи*,—къ Судебной Палатѣ по гражданскимъ дѣламъ, или къ Окружному суду по уголовнымъ дѣламъ, т. е. когда всѣ дѣла *по существу* окончательно рѣшаются *тремя чиновниками Министерства Юстиціи — то жалобы Государю не допускаются!...* И насъ утѣшаютъ тѣмъ, что за то у насъ *новые* суды, какъ будто-бы *въ новыхъ* судахъ *не старые люди*, умѣющіе обходить всякіе, какъ новые, такъ и старые законы.

Мы вполнѣ соглашаемся *съ исходнымъ положеніемъ* г. Хартулари, что всякое малѣйшее *усложненіе* сношеній народа со своимъ Государемъ по дѣламъ правосудія и помилованія есть нарушеніе «существенныхъ и личныхъ интересовъ Верховной власти» и всего народа. Но, г. Хартулари, подъ вліяніемъ кастовыхъ стремленій, объ этомъ исходномъ положеніи, въ концѣ сочиненія забываетъ, а мы остаемся ему вѣрными до конца, и потому даже выяснимъ, почему дѣйствительно въ «существенныхъ и личныхъ интересахъ» Верховной власти сохранить за народомъ право искать Ея защиты противъ неправосудія.

Если Верховная власть устранитъ себя отъ правосудія, т. е. отъ тѣхъ *единственныхъ насущныхъ жалобъ*, которыя имѣютъ *громадное значеніе въ глазахъ народа*, то въ чемъ-же будутъ выражаться сношенія народа съ Государемъ?

Именемъ Верховной власти будутъ устанавливать налоги и повинности; именемъ Верховной власти будутъ брать людей въ солдаты; именемъ Верховной власти будутъ людей осуждать и карать; а когда у народа является потребность въ защитѣ той-же власти,—ему говорятъ: Верховная власть устранила себя отъ отправленія правосудія!.. Тенденція зловредная, злокачественная... Не пора-ли прекратить подобное искаженіе

отношеній народа къ своему Монарху!.. Не пора-ли остановиться на приведенныхъ нами примѣрахъ обхода законовъ, чтобы уразумѣть разъ навсегда, что нѣтъ такого закона, который нельзя было-бы обойдти при плохихъ судьяхъ, и слѣдовательно, *нѣтъ такой жалобы,* которой Верховный Судья не могъ-бы принять и не могъ-бы поступить, какъ подскажетъ Ему внутренній голосъ, ибо «*рѣшающимъ моментомъ во всякомъ судѣ служитъ голосъ совѣсти*», т. е. тотъ голосъ, который, по мнѣнію-же ученыхъ фарисеевъ, принадлежитъ «*только Царю*».

Да и какъ можетъ быть иначе? Еще на дняхъ былъ такой случай, что при окончательномъ разсмотрѣніи одного гражданскаго дѣла, прошеніе наиболѣе заинтересованнаго лица не было замѣчено, или куда-то было заложено, почему *часть опредѣленія суда,* касавшаяся интересовъ этого лица, **какъ необжалованная,** *осталась безъ обсужденія.* Если возможны такія увертки, то что же считать невозможнымъ?

Сегодня можетъ быть ошибка въ одномъ родѣ, а завтра въ другомъ; и если только судебные органы узнаютъ, что Верховная власть устранила себя отъ отправленія правосудія, то, при современныхъ условіяхъ, счастливъ будетъ тотъ, кто и близко не долженъ будетъ подходить къ судамъ. Все станетъ въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ судей!...

Разумѣется, *главнѣе всего упорядочить* «условія современнаго правосудія», съ чего мы и начали эту главу; но тѣмъ не менѣе, при самыхъ идеальныхъ условіяхъ правосудія, всѣ судебные органы должны помнить, что надъ всѣми ихъ дѣяніями существуетъ Верховный контроль Верховнаго Судьи.

Возражать противъ этого нѣтъ возможности; только одно властолюбіе можетъ ополчаться противъ подобной простой истины, и при томъ властолюбіе слѣпое, которое даже не замѣчаетъ, какъ само себя изобличаетъ.

На чемъ, въ самомъ дѣлѣ, основано было воспрещеніе подачи жалобъ на Кассаціонные Департаменты?—На томъ основаніи, что условія правосудія достигли извѣстнаго совершенства. А развѣ это вѣрно? Оставляя приведенные нами примѣры неправосудія, оставляя въ сторонѣ и нашу литературу, достаточно вспомнить, что Министръ Юстиціи, чрезъ 30 лѣтъ послѣ введенія судебной реформы, самъ же представилъ докладъ въ Бозѣ почивающему Государю о необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ; значитъ Министръ Юстиціи призналъ дѣйствующій уставъ далеко не совершеннымъ. Но этого мало:

Даже Императоръ, какъ мы видѣли, призналъ крайне неудовлетворительнымъ положеніе правосудія, которымъ рѣшились прикрываться г. Хартулари и всѣ его послѣдователи.

Резолюція почившаго Государя указываетъ также, что полное совершенство вообще недостижимо. Юристы считали, что выше судебныхъ уставóвъ ничего нельзя и придумать; они праздновали уже торжество правосудія, и чрезъ 30 лѣтъ оказалось, что оно требуетъ «всесторонняго пересмотра»!.. Явится новый пересмотрѣнный уставъ,—но вѣдь, рядомъ съ тѣмъ, явятся и новые пути обхода закона; и совершенства все-таки мы никогда не достигнемъ. Да его и нѣтъ на землѣ. Недостатки можно уменьшать и смягчать; но, все-таки они будутъ всегда; и потому настоятельная нужда, въ Самодержавномъ государствѣ, въ защитѣ Государя—никогда не прекратится.

Нельзя даже сказать, чтобы не допускалось жалобъ на низшія инстанціи суда, пока дѣло не пройдетъ всѣхъ инстанцій. Помощь важна *въ то время, когда она можетъ* достигнуть цѣли. Такъ напримѣръ: если судебный приставъ взламываетъ замки, вынимаетъ изъ амбаровъ образцы сѣмянной пшеницы, дабы ихъ продать на скотномъ рынкѣ, или рабочій скотъ сгоняетъ въ городъ, чтобы обездолить все имѣніе, и никто не пожелаетъ принять немедленныхъ мѣръ противъ такого самоуправства, то одно слово Государя, въ такой важный моментъ, можетъ спасти человѣка отъ разоренія, и непонятно было бы воспрещеніе обращаться съ жалобой на такой открытый произволъ.

Да мы могли бы привести нескончаемыя вереницы жалобъ, когда именно защита Государя могла бы спасти людямъ достояніе или честь, именно, въ извѣстный моментъ, когда посягательство на правосудіе проявляется въ самыхъ низшихъ инстанціяхъ.

И такъ какъ никакихъ *усложненій* въ сношеніяхъ народа со своимъ Государемъ быть не должно, то *не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо исключеніяхъ,* не допускающихъ тѣхъ или иныхъ прошеній, въ той или иной формѣ.

Совсѣмъ иное дѣло, какъ практически осуществить великую идею общенія народа со своимъ Государемъ. Воспрещеніе подачи тѣхъ или иныхъ прошеній или жалобъ невозможно, ибо сейчасъ же явятся органы внѣ контроля Верховной власти. Докладывать всѣхъ прошеній,—практически невозможно; никакого времени не хватитъ у Государя. Слѣдовательно, волей-неволей часть прошеній будетъ оставаться безъ доклада. Чѣмъ правосудіе бу-

детъ совершеннѣе, тѣмъ жалобъ будетъ менѣе; тѣмъ правдоподобнѣе, что всѣ онѣ будутъ доходить до Государя. Чѣмъ правосудіе слабѣе, тѣмъ больше народу будетъ угрожать опасность, что многихъ прошеній не возможно будетъ докладывать. Слѣдовательно, забота объ усовершенствованіи правосудія всегда будетъ первѣйшей заботой, а рядомъ съ тѣмъ, должны быть установлены правила, коими должно руководствоваться учрежденіе по принятію прошеній, главнымъ образомъ, относительно оставленія всеподданнѣйшихъ прошеній безъ послѣдствій, которыхъ не возможно будетъ докладывать Государю.

Раньше, однако, чѣмъ можетъ быть разрѣшенъ этотъ вопросъ, своевременно будетъ уяснить себѣ,—должно ли быть учрежденіе по принятію прошеній *коллегіальнымъ* или въ основаніе должно быть положено начало *единоличнаго* разсмотрѣнія дѣлъ.

Со стороны юристовъ, какъ и слѣдовало ожидать, раздаются голоса въ пользу коллегіальнаго учрежденія,—оно вполнѣ и понятно. Съ одной стороны,—коллегіальное учрежденіе придется составить по преимуществу изъ юристовъ, слѣдовательно, они и здѣсь будутъ проводить свои «юридическіе принципы»; а съ другой,—рѣшенія коллегіальнаго учрежденія будутъ имѣть большій авторитетъ въ глазахъ Государя.

Но если коллегіальное учрежденіе кажется лучшимъ съ точки зрѣнія юристовъ, то въ интересахъ Верховной власти, которая несомнѣнно, въ каждомъ данномъ случаѣ, желаетъ знать *чистую правду*, и съ точки зрѣнія народа, который ищетъ только правдиваго слова Государя,—о коллегіальномъ учрежденіи не можетъ быть и рѣчи. Коллегіи въ Россіи никогда не достигали цѣли, и это знаютъ всѣ юристы; въ нашихъ коллегіяхъ всегда являлся одинъ воротила, который дѣлалъ, что хотѣлъ, а коллегія давала ему возможность прикрываться мнѣніемъ прочихъ членовъ.

Въ жизнеспособности коллегій извѣрился и самъ Петръ Великій, извѣрилась и Екатерина II, извѣрился и Алаксандръ I, упразднившій коллегіи и переформировавшій ихъ въ Министерства съ единоличными распорядителями. Но каждый разъ, какъ возбуждается вопросъ *объ организаціи учрежденія по принятію всеподданнѣйшихъ прошеній*, такъ сейчасъ же выдвигается необходимость *коллегіальнаго обсужденія жалобъ*; является стремленіе облегчить волокиту и безотвѣтственно не допускать до Государя истины.

И какое странное явленіе! Россія видѣла уже коллегіаль-

ное учрежденіе по принятію всеподданнѣйшихъ прошеній; оно просуществовало 80 лѣтъ, и на счастіе Россіи,—упразднено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ. Слава бывшей Коммисіи прошеній достаточно громка, чтобы намъ здѣсь распространяться. Не можетъ быть, чтобы эта слава не доходила до юристовъ, и тѣмъ не менѣе, они рекомендуютъ возвратиться снова къ этимъ отжившимъ порядкамъ.

Когда подданные обращаются къ Государю, къ послѣднему убѣжищу и источнику правды, то ищутъ рѣшенія дѣла «по совѣсти», а вовсе не на основаніи юридическихъ тонкостей; этихъ тонкостей народу болѣе, чѣмъ достаточно; онъ видитъ ихъ въ судахъ, видитъ въ разныхъ коллегіальныхъ присутствіяхъ, и слѣдовательно, народу нуженъ *отвѣтственный* докладчикъ Государя, который никѣмъ и ничѣмъ не могъ бы прикрываться. Отвѣтственный докладчикъ долженъ быть поставленъ въ такія условія, чтобы ничто не могло быть закрываемо отъ взоровъ Государя, и чтобы по всякому прошенію вкратцѣ, но правдиво резюмирована была самая сущность дѣла. Для этого *коллегія*, очевидно, вовсе *не нужна*. Не нужна коллегія и для приведенія относящихся къ данному случаю, законовъ, ибо, если «избирать законы изъ всей массы законодательнаго матеріала», то всегда можно выставить законы, *наименѣе* относящіеся къ дѣлу, и *прикрыться коллегіей*. Если во всеподданнѣйшемъ докладѣ и надлежитъ приводить *наиболѣе* соотвѣтственные законы, но, конечно, *по духу*, а не *по казуистикѣ*,— то и за приведеніе законовъ должны *нести прямую отвѣтственность чины канцеляріи*, какъ то: Управляющій Канцеляріей и дѣлопроизводители.

Иными словами, дѣло Канцеляріи по принятію прошеній заключается въ изложеніи *правды* и *только одной правды*, и въ отвѣтственности за правдивость изложенія всеподданнѣйшаго доклада. Рѣшеніе же каждаго вопроса принадлежитъ всецѣло и *исключительно* только одному Государю, и потому, всякое предварительное обсужденіе какого либо вопроса въ коллегіальномъ учрежденіи имѣетъ характеръ *предрѣшенія* дѣла за Государя, и неминуемо будетъ вліять на Его волю. Вотъ это-то и есть главное зло, которое достигло невѣроятныхъ размѣровъ въ бывшей Коммиссіи прошеній. И что можетъ быть ужаснѣе въ Самодержавномъ государствѣ, какъ рѣшеніе дѣлъ *безотвѣтственной коллегіей* и санкціонированное Верховной властью!..

Вотъ гдѣ произволъ дѣйствительно можетъ достигать наибольшихъ размѣровъ и, притомъ, безповоротно.

Въ этомъ отношеніи не выдерживаетъ критики никакое коллегіальное учрежденіе, хотя бы даже косвенно и подчиненное Канцеляріи по принятію прошеній, ибо имъ въ состояніи была бы прикрываться Канцелярія.

Намъ, конечно, могутъ возразить, особенно юристы утонченной казуистики, что при единоличномъ завѣдываніи всѣми дѣлами въ Канцеляріи по принятію всеподданнѣйшихъ прошеній, многія существенныя жалобы не будутъ докладываемы Государю и будутъ оставляемы безъ послѣдствій, а другія будутъ получать неправильное направленіе.

На это мы отвѣтимъ, что гдѣ работаютъ люди, тамъ возможны ошибки и даже злоупотребленія; но, если при единоличномъ отвѣтственномъ управленіи Канцеляріей, возможны, быть можетъ, чаще ошибки, то при безотвѣтственной коллегіи— возможны прямо злоупотребленія.

Дабы же гарантировать самаго Главноуправляющаго Канцеляріей отъ ошибокъ, желательно, чтобы, въ качествѣ его сотрудниковъ, назначено бѣло нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта по разнымъ спеціальностямъ, съ тѣмъ, чтобы Главноуправляющій имѣлъ право обсудить съ однимъ или нѣсколькими лицами, какъ тѣ прошенія, которыя подлежатъ оставленію безъ послѣдствій, такъ равно, и путь собранія справокъ или провѣрочныхъ свѣдѣній по прошеніямъ, подлежащимъ всеподданнѣйшему докладу.

Само собою понимается, что указаніе членовъ Совѣта, съ которыми Главноуправляющій долженъ обсуждать всѣ вопросы, можетъ исходить только отъ Верховной власти, при чемъ Главноуправляющему можетъ быть дана инструкція, въ какихъ случаяхъ *обсужденіе* извѣстныхъ прошеній должно быть *обязательнымъ для него*, и съ кѣмъ именно изъ членовъ Государственнаго Совѣта, по вопросамъ разныхъ категорій.

Само собою понимается также, что по всѣмъ жалобамъ на Министровъ или Главноуправляющихъ, Канцелярія должна всеподданнѣйше испрашивать *предварительныхъ* Высочайшихъ указаній.

По всѣмъ прошеніямъ, по коимъ Главноуправляющій Канцеляріей будетъ обсуждать дѣло съ кѣмъ либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта, онъ долженъ прикладывать и мнѣніе ихъ. Но отвѣтственность за правильность изложенія каждаго дѣла

остается всетаки всецѣло на Главноуправляющемъ, какъ единоличномъ распорядителѣ всего учрежденія.

Единственная гарантія, которая необходима, какъ Верховной власти, такъ и народу, это по вопросу объ оставленіи прошеній безъ послѣдствій властью Главноуправляющаго, хотя бы и по предварительномъ обсужденіи съ кѣмъ либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта. Оставленіе именемъ Государя всеподданнѣйшихъ прошеній безъ послѣдствій — вопросъ слишкомъ серьезный, чтобы не были приняты мѣры надлежащаго контроля; но, конечно, контроля только со стороны Самого Монарха.

Въ видахъ упрощенія контроля, Главноуправляющій могъ бы быть поставленъ въ обязательство представлять Верховной власти *ежемѣсячно вѣдомости о тѣхъ прошеніяхъ, которыя оставлены безъ послѣдствій*, занося въ эти вѣдомости прошенія не въ хронологическомъ порядкѣ, а группируя ихъ по *степени значенія тѣхъ должностей*, на которыя поданы жалобы. Такъ, прежде всего должны быть приведены всѣ жалобы на высшія Государственныя установленія, затѣмъ на Министровъ и Главноуправляющихъ, на Генералъ-Губернаторовъ, Губернаторовъ и т. д. При чемъ въ отдѣльной графѣ могли бы быть дѣлаемы отмѣтки—съ кѣмъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта обсуждался тотъ или иной вопросъ.

Разъ только ежемѣсячные списки будутъ представляемы Государю, то вопросъ о заминаніи существенныхъ жалобъ совершенно устранится, такъ какъ Государь будетъ имѣть полную возможность, отъ времени до времени, приказать представить Себѣ ту или иную жалобу, повѣрить практикуемый порядокъ Канцеляріей и давать соотвѣтственныя указанія, если оставленіе прошеній безъ послѣдствій не соотвѣтствуетъ волѣ Государя.

Указанія, въ какихъ случаяхъ прошенія надлежитъ оставлять безъ послѣдствій, или въ какихъ случаяхъ надлежитъ подвергать обсужденію тѣ или иныя прошенія, и въ утвердительномъ случаѣ, съ кѣмъ именно, а равно, какимъ образомъ, должны быть дѣлаемы провѣрки свѣдѣній и фактовъ,—исходятъ непосредственно отъ Верховной власти, и тутъ *никакимъ регламентамъ не можетъ быть мѣста* *).

*) И сколько фальши замѣчается въ сочиненіи г. Хартулари! Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III, во все свое царствованіе не допускалъ даже разсужденій о коллегіальномъ учрежденіи Коммиссіи прошеній; г. Хартулари пропо-

Единственное пожеланіе, которое можетъ быть высказано, это—*возвращеніе къ правдѣ,* не затуманиваемой никакими «юридическими лойяльностями», и если вольная или невольная судебная ошибка очевидна, то чтобы докладчикъ Государя не стѣснялся выставить ее въ яркомъ видѣ, чтобы онъ не стѣснялся фантастическими принципами, не имѣющими ровно никакого значенія, въ родѣ авторитета судебныхъ рѣшеній, хотя бы онѣ были и самыми несправедливыми. Подобные «принципы» не нужны ни Верховной власти, ни народу; ихъ облюбовали только юристы, да и то, конечно, не всѣ, а лишь тѣ, которые, подобными принципами, прикрываютъ творимую ими неправду.

Какъ пожеланіе, позволимъ себѣ высказать еще, что *лучшимъ рѣшеніемъ гражданскихъ дѣлъ* Россія споконъ вѣка считала «*третейскій судъ по совѣсти*»; и потому дѣла, по которымъ можетъ предстоять отмѣна судебныхъ опредѣленій, желательнѣе всего направлять въ третейскій судъ съ назначеніемъ какого-либо срока на пересмотръ.

Мы глубоко убѣждены, что если только Верховный Судья приметъ на Себя по прежнему контроль дѣятельности судебныхъ органовъ, то случаи жалобъ на вольныя или невольныя ошибки будутъ крайне рѣдкими. Этого-то и надлежитъ желать какъ величайшаго блага.

Итакъ, во имя интересовъ всего народа, во имя защиты благосостоянія и чести каждаго изъ насъ—мы должны отстаивать основныя начала нашей государственности; мы должны проникнуться сознаніемъ, что въ самодержавномъ государствѣ—Монархъ долженъ быть, по истинѣ, самодержавнымъ и неограниченнымъ, и малѣйшее стремленіе къ ограниченію хотя бы самой незначительной части Верховной власти, есть стремленіе къ произволу. Тѣмъ болѣе мы должны стоять за *историческую* и *самую существенную часть Верховной власти* за «*право суда и помилованія*». Наши Самовластцы, и затѣмъ Самодержцы, съ первыхъ дней образованія Россійскаго государства, были и должны быть всегда нашимъ Верховнымъ Судьей. Почему «всякое стремленіе не только къ умаленію самаго права, но даже къ усложненію непосредственныхъ сношеній народа

вѣдуетъ принципы діаметрально противоположные и посвящаетъ свое сочиненіе памяти Того именно Монарха, начинанія Котораго стремиться опровергнуть!.. Какая неделикатность!

со своимъ Государемъ» по дѣламъ правосудія и помилованія, мы считаемъ не только «нарушеніемъ существенныхъ и личныхъ интересовъ самой Верховной власти», не только «актомъ святотатственнаго оскорбленія народныхъ традицій», но и прямой измѣной всему русскому народу...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

РАЗЪЯСНЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ ЧАСТНОСТЕЙ.

1. Постепенное измѣненіе мнѣній г. Хартулари.

Критическій разборъ сочиненія г. Хартулари свидѣтельствуетъ, что оно не заслуживаетъ серьезнаго вниманія; это не ученое, а чисто диллетантское произведеніе, и притомъ указывающее на весьма поверхностное отношеніе автора къ нашей исторіи. Намъ могутъ возразить, что не было еще сочиненія о правѣ суда и помилованія, въ которомъ было бы приведено столько историческихъ документовъ. Это—вѣрно; но вѣдь приведеніе множества историческихъ документовъ не обозначаетъ еще знанія исторіи. Любой архиваріусъ можетъ привести еще больше историческихъ лѣтописей, грамотъ, указовъ и т. п. документовъ. Но если этотъ архиваріусъ не съумѣетъ опредѣлить ихъ значенія, не съумѣетъ найдти связи между ними и не съумѣетъ сдѣлать логическихъ выводовъ, то все-таки останется архиваріусомъ, а собраніе даже самыхъ малоизвѣстныхъ дотолѣ документовъ будетъ носить характеръ историческихъ матеріаловъ, но отнюдь не будетъ имѣть значенія *ученаго изслѣдованія*.

Да и какъ можно серьезно относиться къ сочиненію, въ которомъ $^9/_{10}$ всѣхъ приведенныхъ документовъ и фактовъ служатъ самымъ нагляднымъ опроверженіемъ доктринъ самого автора, а $^1/_{10}$—приведена «по недоразумѣнію» безъ всякой видимой цѣли. При такой компиляціи, хотя бы она была во много разъ объемистѣе, мы не позволили бы себѣ предлагать публикѣ критическаго анализа подобнаго сочиненія, если бы оно не затрагивало самаго животрепещущаго вопроса, и если бы въ средѣ юристовъ извѣстнаго направленія не проявилось дружное стремленіе отуманить публику.

Когда мы прочитали въ первый разъ «Право суда и по-

милованія», то поневолѣ пришло на умъ: охота-же была человѣку заниматься самобичеваніемъ; охота-же была собирать по архивамъ историческіе документы, опровергающіе самыя излюбленныя вожделѣнія юристовъ! Мы объясняли себѣ трудъ г. Хартулари результатомъ неосторожности или недомыслія. Но когда, то въ одной, то въ другой газетѣ. стали появляться замѣтки юристовъ-же въ томъ-же направленіи; когда мы убѣдились, что служители кастоваго властолюбія настойчиво ведутъ дѣло «къ уширенію дороги судебнаго произвола» на погибель всѣхъ насъ,--мы ясно сознали опасность новыхъ доктринъ и мы рѣшились самымъ внимательнымъ образомъ изучить хаотическое нагроможденіе доктринъ и историческихъ документовъ, чтобы разоблачить новѣйшіе юридическіе происки.

Отсутствіе логичности въ выводахъ, отсутствіе какихъ нибудь руководящихъ началъ,—лишили насъ возможности послѣдовательно идти за развитіемъ идей автора, а потому мы приняли другую систему разбора сочиненія: мы представили развитіе мыслей въ томъ порядкѣ, какъ послѣдовательно навѣвались онѣ на насъ различными парадоксами самаго автора.

Наиболѣе, конечно, поразило насъ сопоставленіе цвѣтистаго *предисловія* съ *заключительными выводами.* Это сопоставленіе бьетъ по головѣ, какъ молотомъ; потому мы съ него и начали нашъ критическій разборъ. Затѣмъ, само собою навертывались мысли о властолюбцахъ прежнихъ временъ, объ «условіяхъ современнаго правосудія», о безотвѣтственности судей и, наконецъ, явился вопросъ: зачѣмъ понадобилось г. Хартулари измышлять новую ересь о прерогативахъ Россійской Державности, относя къ прерогативамъ *самую существенную часть* Самодержавной «*власти*»?..

Всего сказаннаго нами по поводу всѣхъ выводовъ и доктринъ г. Хартулари болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оцѣнить все сочиненіе по достоинству, и если мы дѣлаемъ еще нѣсколько сопоставленій различныхъ мнѣній автора, то только для того, чтобы выяснить тѣ *пріемы*, которыми пользуются враги русской государственности, умѣющіе лишь разрушать существующій строй и не способные создать что-либо лучшее, вмѣсто разрушаемаго.

О томъ, какъ пользовался г. Хартулари историческими документами, мы отчасти уже говорили; и потому на этомъ вопросѣ останавливаться не будемъ. Прослѣдимъ лишь вкратцѣ, какъ постепенно *измѣнялись взгляды г. Хартулари*, по мѣрѣ

того, какъ онъ подходилъ къ своимъ выводамъ, и какъ, начавши «за здравіе», онъ кончилъ «за упокой».

Съ первыхъ строкъ предисловія г. Хартулари доказываетъ, что Россія развивалась при совершенно *особыхъ условіяхъ* и потому наши порядки *нельзя сравнивать съ западно-европейскими*. Такъ, напр., г. Хартулари выясняетъ, что участіе Монарха въ отправленіи правосудія—вовсе неизвѣстно Западу, а право Монарха на помилованіе,

> «хотя и отождествляется внѣшними признаками съ правомъ, при-«знаваемымъ за Верховною властью всюду и всѣми законодатель-«ствами, независимо отъ господствующей формы государственнаго «управленія, но, тѣмъ не менѣе, видимо отъ него отличается и сво-«ими основаніями и предѣлами.
>
> «Такая особенность въ правахъ Россійской Верховной власти, «сравнительно съ общими правами суверенитета по вопросамъ суда «и помилованія,—находитъ себѣ объясненіе *въ той своеобразности*, «какъ это будетъ доказано ниже, съ какою зародилось на Руси по-«нятіе о *власти и начало самодержавія*, подъ вліяніемъ отчасти «*родоваго славянскаго быта*, послужившаго, какъ извѣстно, зароды-«шемъ монархическаго принципа, отчасти-же подъ натискомъ по-«слѣдующихъ историческихъ событій. Отношеніямъ и связи, чисто «патріархальнаго свойства, непосредственно установившимся, въ «силу родоваго начала и историческихъ причинъ, между княземъ и «народомъ, *когда князь былъ первымъ его судьею, по всякаго рода «дѣламъ, и семейнымъ, и общественнымъ, и государственнымъ*, а «равно сознанію необходимости власти, выразившемуся въ народ-«номъ убѣжденіи: *что безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охране-«нія, ни суда, ни правды*», — суждено было еще болѣе окрѣпнуть «въ періодъ татарскаго погрома и московскаго единодержавія, съ «котораго и начинается развитіе государственной жизни Россіи»...

Затѣмъ, въ томъ-же предисловіи г. Хартулари указываетъ, что въ пониманіи народа Государь является помазанникомъ Бога и потому дѣйствуетъ по волѣ Божіей.

> «И подобное воззрѣніе народа на Верховную власть вошло «настолько въ его плоть и кровь, что на этомъ боготвореніи Цар-«ской Особы, какъ на выраженіи нравственнаго его представленія «объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога, — почили какъ рос-«сійское самодержавіе, такъ и народное убѣжденіе въ томъ, что, «послѣ Бога, только одному Царю, какъ нелицепріятному, милости-«вому и истинному отцу, — принадлежитъ право располагать со-«вѣстью, жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, и что ему од-«ному, *какъ источнику высшей справедливости и всякаго закона въ «землѣ*, — принадлежитъ право суда, а также заступничества за «страждущаго, прибѣгающаго къ его защитѣ, ибо «*Царь, какъ Богъ, «и покараетъ и помилуетъ!*».

«Такимъ, именно, ореоломъ божескаго всемогущества и ве-«личія русскій народъ привыкъ, искони, окружать престолъ своихъ «вѣнценосныхъ Монарховъ, и таковъ одинъ изъ тѣхъ крупнѣйшихъ «и поразительной чистоты и блеска бриллiантовъ, который непо-«средственно вложенъ имъ въ корону Мономаха!..

«А потому несомнѣнно, что всякое стремленіе не только *къ «умаленію* самого права, но даже *къ усложненію непосредствен-«ныхъ сношеній народа съ своимъ Государемъ*, по разнаго рода хо-«датайствамъ *о правосудіи и милостяхъ*,—будетъ, независимо отъ «нарушенія существенныхъ и личныхъ интересовъ *самой Верхов-«ной власти*, еще актомъ святотатственнаго оскорбленія *какъ на-«родныхъ традицій, такъ и народнаго чувства*»!..

Вслѣдъ за подобнымъ предисловіемъ слѣдуетъ рядъ главъ, не имѣющихъ ровно ничего общаго *съ особенностями* Русскаго государства; въ нихъ разсматривается «право **помилованія**», какъ оно зародилось и развивалось *на Западѣ*.

Разсмотрѣвши законодательство Запада о помилованіи, г. Хартулари знакомитъ насъ съ «Правомъ *суда* и помилованія, какъ прерогативами Россійской Державности».

Какъ появилась *прерогатива суда*—объ этомъ ничего не говорится. Эта, молъ, наша *особенность*, а если такъ, то ею все можно прикрыть...

Въ введеніи къ особенной части, т. е. къ той части, гдѣ разсматривается «Право суда и помилованія» Россійской Державности,—г. Хартулари остается еще на почвѣ *особенности* Русскаго государства и на *неограниченности правъ и власти* Монарха.

Несомнѣнно,—пишетъ г. Хартулари,—что говорить

«объ особенностяхъ какого-либо частичнаго права, не касаясь при «этомъ такихъ-же свойствъ цѣлаго, въ составъ котораго оно вхо-«дитъ и обязано ему своимъ существованіемъ, значило-бы судить «по характеру однихъ только послѣдствій, игнорируя самую при-«чину. Въ такой-же степени будетъ безпочвеннымъ и всякое суж-«деніе объ отличительной чертѣ двухъ данныхъ прерогативъ, при-«надлежащихъ Россійской Верховной власти, при сопоставленіи «ихъ съ общими, какими располагаютъ всѣ остальныя европейскія «державности, если мы не предпошлемъ этому сужденію историче-«скаго изслѣдованія всѣхъ фазисовъ, чрезъ которые прошла сама «Верховная власть на Руси, со всѣми своими правами и преиму-«ществами, съ момента появленія въ народѣ идеи о власти и до «перехода ея въ форму самодержавія».

«Только при подобной, именно, системѣ оцѣнки основаній, «которыя поставили изслѣдуемыя права въ исключительное поло-«женіе, мы будемъ имѣть возможность установить съ полною исто-

«рическою достовѣрностью: 1) что, подобно всѣмъ остальнымъ лич«нымъ правамъ Россійской Верховной власти, и присущія ей пре«рогативы суда и помилованія, а равно всякаго рода милостей внѣ «закона, *зародились у насъ на совершенно иной почвѣ и зиждутся «на совершенно иныхъ отношеніяхъ народа къ власти, нежели тѣ, «какія усматриваются на западѣ*, и 2) *что неограниченность та«кихъ правъ въ рукахъ Россійскихъ Монарховъ, соотвѣтствуя не«ограниченности самой Верховной власти, явилась естественнымъ «результатомъ одного лишь продолжительнаго историческаго про«цесса, а не какого-либо внезапнаго насиліи или-же произвола.*

И такъ *неограниченность власти* является результатомъ всего историческаго процесса.

Затѣмъ, необходимо обратить особое вниманіе на мнѣніе г. Хартулари, высказанное на стр. 12:

«Къ сожалѣнію, исторія не сохранила намъ, до XV вѣка, «точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ способѣ и основаніяхъ лич«наго княжескаго суда, но, принимая въ соображеніе совершенную «простоту всѣхъ отношеній въ народѣ, въ началѣ политической «жизни Россіи, а также полнѣйшее смѣшеніе юридическихъ началъ, «вслѣдствіе чего предметы гражданскаго и уголовнаго права не «могли быть разграничены,—слѣдуетъ заключить, *что князья обя«заны были судить на основаніи обычая.*

Остановимся на послѣдней фразѣ. «Князья *обязаны были судить на основаніи обычая*». И такъ, самъ г. Хартулари приписываетъ князьямъ *обязанность судить*, и при томъ, *на основаніи обычая*. Если князья *обязаны* были *судить*, то значитъ «*Право суда*» являлось *не прерогативой*, а *обязанностью*; оно вытекало *изъ существа власти*.

Затѣмъ, если князья должны были судить *на основаніи обычая*, то это свидѣтельствуетъ, что уже въ самыя отдаленныя времена князья вносили въ нашу жизнь понятіе не *безправія*, а *права*; они дѣйствовали *не внѣ обычая*, а *по обычаю*, т. е. *не внѣ закона*, а *по закону*

И такъ, по мнѣнію самаго г. Хартулари въ отдаленныя времена на князьяхъ лежала *обязанность судить по обычаю*...

Приведя рядъ документовъ, относящихся къ постепенному образованію Московскаго государства, г. Хартулари говоритъ:

«Этимъ мы заканчиваемъ краткій историческій очеркъ зарож«денія и окончательнаго образованія московскаго государства, съ «Самодержавною, абсолютною, монархическою властью, по справед«ливости названною Карамзинымъ *палладіумомъ Россіи*, къ кото«рому считаемъ необходимымъ присовокупить: 1) что съ возобнов«леніемъ Московскаго государства и государственной власти въ ихъ

«окончательной формѣ, *по инициативѣ и силами самаго народа*, «а также со вступленіемъ на Россійскій престолъ новой царствую«щей династіи, въ Россіи устанавливается, наконецъ, твердый и нор«мальный политическій порядокъ, который отводитъ каждой отдѣль«ной, внутренней политической силѣ, не находившей себѣ примѣ«ненія, послѣ погрома удѣльной системы, соотвѣтствующее мѣсто «въ общемъ государственномъ организмѣ и въ общей государствен«ной дѣятельности, и 2) *что вложенные самимъ народомъ въ основу «новой политической жизни и новаго политическаго быта Россіи «элементы, каковы: православіе, самодержавіе и народность, не тре«бовали и не требуютъ уже болѣе никакихъ отвлеченныхъ полити«ческихъ теорій, для подкрѣпленія своего права какъ на дальнѣйшее «существованіе, такъ и на свою неприкосновенность*.

«Въ крѣпкой и несокрушимой взаимной связи этихъ трехъ «составныхъ частей государственнаго организма Россіи, а также въ «поступательномъ историческомъ ихъ развитіи, и заключается вся ея «самобытность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прочный залогъ истинной по«литической свободы русскаго народа...

«*Признанная и утвержденная, такимъ образомъ, самимъ на«родомъ* самодержавная власть Россійскихъ монарховъ, какъ вопло«тившая собою вѣками сложившуюся народную родовую идею о «власти, съ ея патріархальною неограниченностью, *которою она и «отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма,* — нуждалась «отнынѣ, съ воцареніемъ Дома Романовыхъ, лишь въ окончатель«номъ своемъ закрѣпленіи, силою положительнаго закона».

Обращаемъ особое вниманіе на фразу: «*Признанная* и *утвержденная*, такимъ образомъ, *самимъ народомъ* самодержавная власть» и т. д. Итакъ, самодержавная власть признана и утверждена *самимъ народомъ*; а теперь юристы «проводятъ въ жизнь» новый «общій государственный принципъ», но уже *безъ вѣдома народа* «объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія»!..

Обязанность Государя быть судьей народа г. Хартулари подтверждаетъ и далѣе; на стр. 66-й онъ пишетъ:

«Тамъ, на западѣ, Верховная власть, пріобрѣтается силою «оружія, и потому налагаетъ на всѣ свои отношенія къ подданнымъ «характеръ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ, не говоря уже «о томъ, что, вынужденная считаться съ субъективными правами «церкви и сословій, она должна опредѣлять и ограничить свою «правомѣрность, соотвѣтственно результатамъ извѣстныхъ согла«шеній съ упомянутыми сословіями и съ церковью,—между тѣмъ, «ничего подобнаго не существовало на Руси, гдѣ власть никогда не «создавалась насиліемъ или завоеваніемъ, будучи предметомъ лишь «добровольныхъ договорныхъ отношеній между княземъ и народомъ, «и гдѣ понятіе о ней народа, выработавшееся подъ исключитель«нымъ вліяніемъ того-же родоваго начала представлялось ему не

«иначе, какъ въ видѣ *отеческой, неограниченной власти*, съ однѣми «опекунскими по отношенію къ нему обязанностями, *въ томъ числѣ «и съ обязанностью быть его личнымъ, непосредственнымъ судьею «по всякаго рода дѣламъ*, — обязанностями, создавшими то тѣсное «единеніе представителей власти съ народомъ, какого не существо«вало на западѣ, и котораго не могли сокрушить никакія вну«треннія и внѣшнія событія и никакія послѣдующія перемѣны въ «нашемъ политическомъ быту»...

Вслѣдъ затѣмъ, идетъ нескончаемая вереница указовъ объ искорененіи взяточничества, лихоимства и корыстолюбія,— указовъ, въ которыхъ судьи являются какими-то ненасытными людьми; а вслѣдъ затѣмъ, вдругъ приводится тирада такого содержанія:

«Съ момента введенія судебной реформы, и когда во главѣ «преобразованныхъ судебныхъ учрежденій былъ поставленъ Касса«ціонный Сенатъ, но уже *не въ качествѣ апелляціонной судебной «инстанціи, обязанной разсматривать дѣла по существу*, а въ ка«чествѣ суда верховнаго, съ правомъ *высшаго судебнаго надзора* за «правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ за«коновъ, — *наступило, наконецъ, время осуществленія и государ«ственнаго принципа Петра Великаго, объ отдѣленіи правосудія «отъ непосредственныхъ функцій Верховной власти*, что выразилось «въ той оговоркѣ, какая помѣщена въ ст. 5 нынѣ дѣйствующихъ «правилъ, о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, «на Высочайшее Имя приносимыхъ, силою которой рѣшенія Кас«саціонныхъ Департаментовъ Сената *изъяты отъ дѣйствія закона, «разрѣшающаго тяжущимся жаловаться Государю на неправиль«ныя рѣшенія Правительствующаго Сената вообще*».

Итакъ, достаточно было ввести судебную реформу, *не испытанную еще на практикѣ*, какъ уже, по мнѣнію нашихъ юристовъ, наступило время измѣнить всѣ отношенія народа къ своему Верховному Судьѣ, опрокинуть всѣ традиціи и основные устои, но, конечно, на сей разъ *не спрашивая уже о томъ народъ*.

Любопытно, что немедленно за этой тирадой, будто бы наступило время осуществить «государственный принципъ Петра Великаго», о которомъ Петръ Великій ни самъ не помышлялъ, и никто изъ юристовъ въ его время не осмѣлился бы рта открыть,—г. Хартулари немедленно-же приводитъ разсужденіе *о неудовлетворительности на практикѣ судебныхъ уставовъ*, ради которыхъ, однако, народъ лишился уже одного изъ самыхъ насущныхъ его правъ—искать защиты своего Государя противъ обхода закона.

Вотъ какъ самъ г. Хартулари описываетъ погрѣшности, которыя стали постепенно всплывать въ новыхъ судахъ:

«Правда, что, впослѣдствіи, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ, «*жизнь и время* стали обнаруживать *нѣкоторые недостатки въ* «*реформированномъ судѣ*, а по сему, въ теченіи почти всего цар«ствованія Императора Александра II-Освободителя, стали появ«ляться частичныя исправленія. Но, къ сожалѣнію, эти отдѣльныя «реформы судебнаго строя *ad hoc*, отрѣшенныя при этомъ отъ всякой «системы и связи съ основными положеніями общей судебной ре«формы,—*легко можно расшатать* цѣлое судебное зданіе.

«Такая опасность не ускользнула, однако-же, отъ зоркаго вни«манія Монарха, который, подобно Императору Петру I, былъ по«стоянно на стражѣ всякой внутренней и внѣшней опасности, какая «только могла угрожать горячо любимой Имъ Россіи.

«Мы говоримъ о въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Импера«торѣ Александрѣ III—Миротворцѣ, свѣтлый образъ Котораго, какъ «Великаго Русскаго Царя, какъ мудраго и милостиваго блюстителя «законности и правъ, — возстаетъ предъ нами въ данную минуту, «когда мы читаемъ Его незабвенныя слова, начертанныя *7 Апрѣля* «*1894 года*, на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Юстиціи Н. «В. Муравьева: «*Твердо увѣренъ въ недбходимости всестороннягю* «*пересмотра Нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣй*«*ствительное правосудіе царило въ Россіи. Итакъ, съ Божіею по*«*мощью начинайте эту трудную работу!*»

«Въ этихъ словахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ присущею покой«ному Государю заботливостью о нуждахъ своего народа и съ воз«зрѣніемъ Его на истинныя задачи Суда, дабы онъ могъ, въ дѣй«ствительности, быть одинакимъ и равнымъ для всѣхъ,—одновре«менно выразилась и та твердая и непреклонная Его воля во вся«комъ правомъ и необходимомъ, для блага русскаго народа, дѣлѣ, «какою отличалась вся государственная дѣятельность почившаго «Монарха,—нелицепріятная оцѣнка которой отнынѣ принадлежитъ уже исторіи»!..

Итакъ недостатки въ новыхъ судахъ обнаружились, и притомъ – не малыя. Быть можетъ, и корыстолюбіе не успѣло еще исчезнуть, какъ снова стало развивать свои корни; а между тѣмъ, о предоставленіи народу права искать защиты Государя не только никто не вспомнилъ, но, напротивъ того, тотъ-же г. Хартулари провозгласилъ *общій* государственный принципъ «*объ устраненіи себя Самодержавною властью отъ отправленія правосудія*»!..

Г. Хартулари предвкушаетъ даже плоды подобныхъ послѣдствій и на стр. 121-й высказываетъ уже надежду, что со введеніемъ и на окраинахъ новыхъ судовъ по формѣ, и старыхъ, по духу, — «должно будетъ прекратиться и самое *античное*

«*право народа* на личную Государеву расправу, *по дѣламъ су-*
«*дебнымъ*, которое *отойдетъ уже въ область историческаго*
«*преданія*»...

Итакъ, вотъ во что превратилось все фразерство о *самобытности*, объ *особенностяхъ*, объ *обязанностяхъ судить по праву* или *по обычаю* и проч. Но что ужаснѣе всего,—юристы понимаютъ, они сознаютъ, что лишаютъ народъ извѣстнаго существеннаго **права!** но злорадствуютъ уже (не слишкомъ-ли рано), что это **античное право народа** *отойдетъ въ область историческихъ преданій*...

И не стыдятся люди злорадствовать по поводу отнятія у народа *самаго драгоцѣннаго*, хотя и античнаго, *права* и на той-же страницѣ говоритъ о такомъ неудовлетворительномъ состояніи правосудія, которое требуетъ всесторонняго пересмотра нашихъ судебныхъ уставовъ!.. Должно быть, мы вступаемъ въ періодъ цинизма, когда люди щеголяютъ *отнятіемъ у нарда самаго существеннаго* «*права*», высказывая притомъ, что не только отнятіе, но даже *усложненіе* этого *права* было бы святотатствомъ. Итакъ, святотатство совершается, и этимъ-то люди щеголяютъ!..

2) Къ вопросу о производствѣ слѣдствій и преданію суду.

Мы прослѣдили за примѣненіемъ «условій современнаго правосудія» на разныхъ примѣрахъ, и въ числѣ ихъ обратили особое вниманіе на дѣло вовлеченія въ невыгодную сдѣлку нѣкоего милліонера г. П., такъ какъ въ этомъ дѣлѣ *ни одно* «условіе современнаго правосудія» *не осталось безъ серьезнаго нарушенія*. Для полноты же картины, т. е. для выясненія какъ *этими условіями можно пользоваться*, когда судебный персоналъ пожелаетъ поставить обвиняемыхъ въ полную невозможность защиты,—приведемъ здѣсь хронологическій перечень нѣкоторыхъ фактовъ.

Парижская сдѣлка была совершена *27 февраля*; годъ совершенія ея будемъ считать *первымъ* годомъ судебнаго дѣла.

Первый годъ.

5 іюля. — *Старшій братъ г. П.* подаетъ первую жалобу; она оставляется нѣкоторое время *безъ движенія;* но затѣмъ,

28 іюля — *Товарищъ Прокурора* Одесскаго Суда производитъ дополнительный распросъ г. П., при чемъ *самъ выѣзжаетъ* (!) къ нему въ деревню N, Таврической губ.

4 августа. — Дается предписаніе слѣдователю *Одесскаго* суда приступить къ производству слѣдствія.

5 августа. — Первое постановленіе слѣдователя.

7 августа. — Допросъ *тестя г. П.*, человѣка, занимающаго весьма высокое положеніе.
Затѣмъ идетъ переписка о допросѣ иногородныхъ и заграничныхъ свидѣтелей.

Второй годъ.

10 февраля.— Постановленіе Одесскаго слѣдователя о выемкѣ почтовой и телеграфной корреспонденціи обвиняемыхъ.

12 февраля.— Постановленіе слѣдователя представлено въ судъ.

Того же
12 февраля.— Судъ утвердилъ постановленіе.

13 февраля.— Постановленіе Одесскаго слѣдователя: войдти съ ходатайствомъ къ Министру Юстиціи о разрѣшеніи произвести выемку корреспонденціи изъ Парижа.

Того же 13 февраля.— Слѣдователь пишетъ уже Прокурору С.-Петербургскаго Суда, что ходатайство его Министромъ Юстиціи уважено.

26 февраля.— Постановленіе Одесскаго Слѣдователя о привлеченіи г. М. К. къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго.

4 апрѣля, — *Первый допросъ г. М. К.* въ *С.-Петербургѣ* «по *отдѣльному требованію*» Слѣдователя Одесскаго Суда. Поэтому *просьба М. К. о предоставленіи ему возможности ознакомиться хоть съ жалобами г. П. была отклонена.*

6 апрѣля. — Принятіе «мѣръ пресѣченія» уклоненія отъ слѣдствія: г. М. К. *обязывается подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга* (!).

Позволимъ себѣ обратить вниманіе, что почтово-телеграфная выемка произведена *до привлеченія г. М. К. въ качествѣ обвиняемаго.*

Далѣе снова слѣдуетъ переписка съ разными присутственными мѣстами, новые опросы, новыя, видоизмѣненныя жалобы старшаго брата г. П. и т. п.

Третій годъ. *Начало необыкновенной поспѣшности.*

4 января. — Постановленіе Одесскаго слѣдователя *о представленіи въ Судъ показаній* Парижскаго юристъ-консульта, автора самой сдѣлки. Въ показаніяхъ *ничего не оказалось,* ибо юристъ-консультъ прикрылся обязанностью *хранить профессіональную тайну.*

22 января. — Слѣдователь *Петербургскаго* Суда объявилъ уже г. М. К., что *слѣдствіе* производствомъ *закончено.*

1 февраля. — *Заключеніе Прокурора Одесскаго Окружнаго Суда:*

«При возникновеніи дѣла было извѣстно, «что преступленіе имѣло мѣсто *26 февраля* «перваго года» въ Парижѣ — во Франціи; «мѣсто пребыванія обвиняемаго *въ то время*

«*обнаружено не было* (см. подписку о не«выѣздѣ); **нынѣ выяснилось**, что г. М. К. все «время *проживалъ и проживаетъ въ С.-Пе«тербургѣ*, не касаясь ни фактической, ни «юридической стороны, *постановлено*: *пе«редать въ распоряженіе С.-Петербургскаго «Окружнаго Суда»*.

11 февраля. — Заключеніе Прокурора *Одесскаго* Суда — утверждено *Одесскою Палатою*. (Дѣло отправляется въ Петербургъ).

18 марта. — Составленъ былъ уже, *въ Петербургѣ обвинительный актъ*.

20 марта. — Представленіе обвинительнаго акта *Прокуроромъ Суда Прокурору Палаты*.

Того же 20 марта, — Представленіе Прокуроромъ Палаты *въ Судебную Палату*.

27 марта. — *Обвинительный актъ возвращенъ Палатой обратно Прокурору* уже *утвержденнымъ* (23 и 25 марта были праздники).

28 марта. — *Прокуроръ Палаты* возвратилъ обвинительный актъ *Прокурору Суда*.

Замѣтимъ, все слѣдственное производство *въ пяти объемистыхъ томахъ*. На обозрѣніе и провѣрку обвинительнаго акта *Прокурору Палаты не понадобилось и одного дня!.. Палатѣ же потребовалось всего пять дней!..*

Почему понадобилась такая поспѣшность? Вмѣсто отвѣта напомнимъ читателямъ романъ гр. Л. Толстого: «Воскресеніе», изъ котораго видно, что *назначеніе дѣлъ къ судебному разсмотрѣнію* находится иногда *въ связи съ составомъ присяжныхъ засѣдателей*. Затѣмъ приведемъ фактъ такого рода: когда дѣло о невыгодной сдѣлкѣ разсматривалось въ Петербургскомъ судѣ, то *составъ присяжныхъ засѣдателей* оказался *крайне благопріятнымъ обвиненію*; $^2/_3$ засѣдателей — были малограмотные люди. Конечно, быть можетъ, это случайное совпаденіе: быть можетъ *усиленная поспѣшность* составленія и утвержденія обвинительнаго акта вызвана была иными соображеніями...

3) Къ вопросу о соучастникахъ преступленія.

Одинъ изъ судовъ, дѣйствуя какъ Коммерческій, производитъ замѣтное давленіе на Конкурское Управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника г. X. Когда же Конкурсъ, не поддаваясь давленію, закончилъ дѣло по своему собственному разумѣнію, то Судъ призналъ: несостоятельность злостною, а все Конкурское Управленіе—*соучастникомъ злостнаго банкротства*.

Подобное опредѣленіе является юридическимъ абсурдомъ. Конкурсъ, *какъ учрежденіе*, не можетъ быть соучастникомъ преступленія, совершеннаго **ранѣе** *образованія самого Конкурса*.

Очевидно, подобное опредѣленіе апеляціонная инстанція должна была отмѣнить; но желательно было выгородить Судъ, который дошелъ до явнаго пристрастія. Поэтому апелиціонная инстанція вовсе умалчиваетъ объ очевидной и крайне грубой опрометчивости суда, а выставляетъ мотивомъ отмѣны его опредѣленія то обстоятельство, что *Гражданскій Судъ* составляетъ только опредѣленіе *о свойствѣ несостоятельности самого должника*, а дѣло *уголовнаго суда*—обнаруживать *соучастниковъ*.

Понятіе—совсѣмъ простое, для изложенія его достаточно нѣсколькихъ строкъ; но, посмотримъ, какъ оно излагается на юридическомъ языкѣ. Приводимый образчикъ юридическаго многословія указываетъ, какъ можно затемнять самыя простыя понятія, и какъ можно удлинять самыя опредѣленія, дабы показать видъ на сколько обдуманно оно составлено. Кстати многословныя опредѣленія трудно поддаются ревизіи

И такъ, приведемъ *только* **ту** *часть* опредѣленія апеляціонной инстанціи, которая относится къ вопросу, что *гражданскій судъ* не составляетъ опредѣленій о *соучастникахъ злостнаго банкротства*, и посмотримъ, *сколько разъ* высказывается одно и тоже понятіе.

> «Что же касается до *участниковъ въ злостномъ бан-* «*кротствѣ*—говорится въ опредѣленіи,—то они могутъ «быть привлечены къ отвѣтственности, т. е. преданы Суду «за подлогъ (п. 2, ст. 624 Уст. Суд. Торг.) лишь при «производствѣ *уголовнаго слѣдствія* по поводу признанія

«гражданскимъ Судомъ наличности *злостной несостоя-* «*тельности*, при каковомъ слѣдствіи вопросъ о характерѣ «преступности ихъ дѣйствій, какъ *соучастія въ злостномъ* «*банкротствѣ* (ст. 1164 Ул. о наказ.), а равно и во- «просъ о томъ, насколько эти дѣйствія достаточны для «начатія *уголовнаго слѣдствія* и преданія ихъ Суду, под- «лежатъ вѣдѣнію и разрѣшенію *Уголовнаго Суда*, при «участіи состоящаго при немъ *прокурорскаго надзора*. «Гражданскій же Судъ, усмотрѣвъ и установивъ, при «обсужденіи вопроса о свойствѣ несостоятельности долж- «ника, дѣйствія третьихъ лицъ, состоящія въ связи съ «дѣйствіями должника, послужившими основаніемъ къ «признанію его *банкротства злостнымъ* и носящія на «себѣ признаки соучастія *въ этомъ банкротствѣ*, въ пра- «вѣ лишь, если находитъ то необходимымъ, сообщить о «томъ *прокурорскому надзору* (ст. 2 и 4 Уст. Угол. «Суд.), не предрѣшая тѣмъ самаго вопроса о соучастіи, въ «разрѣшеніи коего въ томъ или другомъ смыслѣ, соглас- «но изложенному компетентенъ одинъ *Судъ уголовный*. «Въ виду сего Судъ, прійдя къ заключенію о *злостной* «*несостоятельности* должника, и усмотрѣвъ изъ дѣла «дѣйствія третьяго лица, носящія въ себѣ признаки *со-* «*участія его въ этой несостоятельности*, долженъ былъ, «установивъ таковыя, постановить лишь о сообщеніи объ «этихъ дѣйствіяхъ третьяго лица *прокурорскому надзору*, «а не признавать его, третье лицо *соучастникомъ зло-* «*стнаго банкротства*, что, какъ уже сказано, можетъ «послѣдовать со стороны *суда уголовнаго*. Посему, указа- «ніе «такимъ-то» Судомъ на Предсѣдателя и Членовъ Кон- «курснаго Управленія по дѣламъ г. X. какъ на *участни-* «*ковъ въ злостномъ банкротствѣ* г. X. должно быть приз- «нано неправильнымъ. Но Судъ, по новомъ обсужденіи (?) «сего вопроса, установивъ признаки соучастія Предсѣда- «теля и кураторовъ Конкурса по дѣламъ г. X., *въ зло-* «*стномъ банкротствѣ* г. X.,—можетъ постановить новое «опредѣленіе по сему предмету и сообщить о содержаніи «онаго *прокурорскому надзору*, въ виду чего эта часть «рѣшенія «такого-то» Суда по сему дѣлу постановленнаго, «подлежитъ отмѣнѣ.»

Сказано много, а о главномъ—ни полъ слова... Достойный образчикъ «юридическаго многословія.»

---

4) Къ вопросу объ опороченіи судомъ денежныхъ документовъ.

Нижеприведенный документъ признанъ недѣйствительнымъ судомъ и затѣмъ аппеляціонной инстанціей. Вотъ этотъ документъ:

«*Вѣдомость*»

«процентныхъ бумагъ, векселей, документовъ и *денежныхъ суммъ*, «сданныхъ *Предсѣдателемъ* Конкурснаго Управленія по дѣламъ «С. В. К—о Семеномъ Г—мъ, согласно постановленія окончатель«наго общаго собранія кредиторовъ С. В. К—о, состоявшагося 28 «февраля 1894 г., *господину С. Я.*»

«Десять облигацій 2 вост. займа сто рублеваго «достоинства за №№ . . . съ девятью купонами . .	1,000	—	Герб. марка 80 к.
«Девять билетовъ госуд. 5% сто рублеваго до«стоинства за №№ . . . съ пятнадцатью купонами .	900	—	
«Три билета Госуд. 5% по тысячѣ рублей каж«дый за №№ . . . съ пятнадцатью купонами	3,000	—	
«Одинъ билетъ Госуд. 5% въ десять тысячъ руб. «за № . . . съ четырнадцатью купонами	10,000	—	
«Пять билетовъ перваго съ выигрышами внутрен«няго займа сто рублеваго достоинства за №№ . . . «съ двумя купонами по номинальной стоимости пять«сотъ руб.	500	—	
«Четырнадцать билетовъ втораго съ выигрышами «внутренняго займа сто рублеваго достоинства за №№ . . «съ пятью купонами по номинальной стоимости ты«сяча четыреста руб.	1,400	—	
«Четыре билета 5% Госуд. Банка 1860 г. по «тысячѣ руб. каждый на имя г. NN за №№ . . . съ «тринадцатью купонами	4,000	—	
«Закладная крѣпость на стеклянный заводъ Н. И. «въ такомъ-то уѣздѣ на сумму 30,222 руб. (№ 2).			
«Закладная крѣпость за № 1 на винокуренный за«водъ того-же Н. И. на сумму двадцать тысячъ руб.			
«Двадцать векселей Н. И. отъ 5 апрѣля 1894 г. «Срочные на сумму	38,221	88	
«*Наличными*	31,932	07	

Надпись: «*Всѣ означенныя % бумаги, наличныя деньги и документы принялъ на храненіе Л.*

«*Принято 2 мая 1894 г.* Подпись владѣльца конторы *Л.*

«Отмѣтка рукою г. Л. Векселя *хранятся* въ вексельномъ портфелѣ. Документы «въ квитанціи залога % бумагъ № 153.

Всѣ означенныя цѣнности предсѣдатель закрытаго конкурса по дѣламъ С. В. К—о долженъ былъ сдать уполномоченному кредиторовъ г-жи К—о, С. Я. Но такъ какъ г. С. Я. просилъ бывшаго предсѣдателя конкурса сдать всѣ цѣнности прямо въ контору г. Л., то, согласно этой вѣдомости, бывшій предсѣдатель конкурса и сдалъ цѣнности г. Л., составивъ самую вѣдомость.

Составляя вѣдомость, предсѣдатель конкурса пропустилъ вписать *наличныя деньги*, быть можетъ, предполагая, что на наличныя деньги будетъ выдана особая росписка или расчетная книжка; но г. С. Я., провѣряя заготовленную вѣдомость и усмотрѣвъ пропускъ наличныхъ денегъ, дописалъ: *наличными 31,931 р. 07 к.*». **Послѣ чего** контора г. Л. приняла всѣ цѣнности, и послѣ сдѣланной помѣтки: «*принято 2 мая 1894 г.*» —г. Л. росписался. Причемъ, онъ-же, г. Л. сдѣлалъ еще собственною рукою надпись, *гдѣ* **хранятся** векселя и документы.

Принимая въ соображеніе, что *сохранные документы* подлежать оплатѣ гербовымъ сборомъ, а г. Л. росписался *не чрезъ марку*, то г. С. Я. просилъ сдѣлать вторично росписку чрезъ марку, что владѣлецъ конторы и исполнилъ, расписавшись: «*всѣ означенныя °/о бумаги*, **наличныя деньги** *и документы принялъ на храненіе Л.*».

Разсматривая приводимый документъ, оказывается:

1) *Заголовокъ* свидѣтельствуетъ, что вмѣстѣ со всѣми цѣнностями надлежало сдать въ контору г. Л. и «*денежныя суммы*», ибо въ заголовокъ включены были и «денежныя суммы».

2) Пропускъ въ текстѣ «наличными 31,931 р. 07 к.» восполненъ былъ *до подписи г. Л.*

3) Время пріема всѣхъ цѣнностей «*2 мая 1894 г.*» отмѣчено *до подписи г. Л.*

4) Что *весь* документъ имѣлъ значеніе *сохраннаго* подтверждается, помимо *боковой* росписки г. Л., помѣткой, сдѣланной г. Л., *гдѣ* «*хранятся*» векселя и документы.

Какъ отнеслись къ этому документу судъ и апелляціонная инстанція? Они *не признали* документъ *сохранной роспиской* и потому возвращеніе денегъ г. С. Я. признали *неправильнымъ*. Мотивы суда и, особенно, апелляціонной инстанціи, превосходятъ все то, что можно себѣ представить.

Раньше, чѣмъ привести мнѣніе апелляціонной инстанціи, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что судъ, пользуясь правомъ безнаказанно *ошибаться*, въ опроверженіе документа, сослался на ст. 2111 гражданскихъ законовъ, по силѣ которой сохранныя росписки должны быть писаны *собственноручно* тѣмъ лицомъ, которое принимаетъ что-либо на храненіе. Дѣлая ссылку на статью закона, *потерявшаго всякое значеніе съ введенія судебныхъ уставовъ 1864 года*, Судъ, конечно, позабылъ еще, что, *даже во времена дореформенныхъ судовъ*, статья 2111 *не имѣла ровно никакого отношенія* къ принятію чего-либо *на храненіе торговыми конторами.*

Въ самомъ дѣлѣ, ст. 2112 гласитъ:

«*Означенныя въ предшедшей (2111) статьѣ* доказательства въ

«дѣйствительности поклажи или отдачи на сохраненіе предметовъ «*не требуются*... 3) въ поклажахъ, производимыхъ *по торговлѣ* и «*вообще по купеческому обычаю* лицами торговаго сословія, какъ съ «принадлежащими, такъ и съ непринадлежащими къ сему сословію».

Итакъ, разговоры о формальности сохранной росписки, выданной банкирской конторой, смѣшно даже слушать; но такъ какъ судамъ предоставляется не знать законовъ, то мы и не удивляемся, что судъ сослался на ст. 2111; онъ воспользовался правомъ «*избирать законъ изъ всей массы законодательнаго матеріала*», и избралъ законъ, не относящійся къ дѣлу.

Но вотъ, что не объяснимо: какимъ образомъ апелляціонная инстанція *повторяетъ ту-же ошибку*, когда г. С. Я. выяснилъ ей существованіе ст. 2112 и указалъ на неблагопристойность *ссылаться на законы, вовсе не идущіе къ дѣлу.*

Приведемъ теперь мнѣніе апелляціонной инстанціи:

«Объясненіе г. С. Я. о томъ, что сумма въ 32 тыс. руб. состояла «въ конторѣ *на храненіи*, не можетъ быть признана правильнымъ. С. Я., «въ подтвержденіе требованія своего о возвратѣ ему, какъ уполномо«ченному кредиторовъ С. В. К—о, выигрышныхъ билетовъ, бывшихъ въ «конторѣ г. Л., представилъ въ конкурсъ г. Л. документъ, озаглавленный: «*Вѣдомость*», наверху каковой вѣдомости написано синимъ карандашемъ: «2 мая 1894 года». Въ вѣдомости этой поименованы процентныя бумаги, «векселя, документы и денежныя суммы, сданные предсѣдателемъ быв«шаго конкурса К—о, г. С. Я., а симъ послѣднимъ въ контору г. Л. «Вѣдомость эта оканчивается такъ: «20 векселей Н. И. отъ 5 апрѣля «1894 г. срочные на 38,221 р. 38 к.». Затѣмъ рукою г. С. Я. написано: «наличными 31,931 р. 07 к. Принято 2 мая 1894 г.». *Подъ симъ слѣ«дуетъ подпись г. Л.* Кромѣ сего съ боку вѣдомости, *рукою г. Л.* написано: «*Всѣ означенныя бумаги, наличныя деньги и документы принялъ на хра«неніе Л.*; **причемъ не означено какого года, мѣсяца и числа, когда послѣдняя «подпись учинена.** Такимъ образомъ на вѣдомости отъ 2 мая 1894 года «имѣются *двѣ подписи г. Л.* въ принятіи отъ г. С. Я. процентныхъ бумагъ, «векселей, документовъ и наличныхъ денегъ, принадлежащихъ кредито«рамъ К—о; но *подъ первою подписью г. Л.*, учиненною по пріемѣ цѣн«ностей К—о, слова «наличными 31,931 р. 07 к. Принято 2 мая 1894 г.» «написаны *не рукою г. Л.*, а рукою г. С. Я. (подумаешь, какое горе! за«мѣтимъ еще, что и вся вѣдомость писана *не рукою г. Л.*, но апелля«ціонная инстанція этого, словно, не замѣтила), *а вторая подробная рос«писка* г. Л., съ указаніемъ принятія на храненіе цѣнностей и налич«ныхъ денегъ, учинена **не у мѣста** (!), *т. е. не въ концѣ вѣдомости, а съ «боку ея* **и безъ означенія года, мѣсяца и числа** (понадобилось еще *въ третій «разъ означить «2 мая 1894 г.»*; двухъ разъ оказывается мало)».

«Отсюда представляется правильнымъ тотъ выводъ, что 2 мая «1894 года г. Л. наличныхъ денегъ отъ г. С. Я. на храненіе *не при«нималъ* (осмысленный выводъ!), а вторую подпись съ боку вѣдомости о «пріемѣ, въ числѣ прочихъ цѣнностей на храненіе и наличныхъ денегъ «(безъ указанія суммъ) г. Л. учинилъ не во время пріема цѣнностей, а впо«слѣдствіи (изъ чего это видно,—вѣроятно и сама апелляціонная ин«станція не даетъ себѣ отчета).

Затѣмъ, начинаются юридическія тонкости въ доказательство того, что деньги были приняты не на храненіе, а на текущій счетъ, хотя г. С. Я. за все время никакихъ процентовъ не получалъ и всѣ судьи это знаютъ.

Обращаемъ особенное вниманіе: 1) ни конкурсъ по дѣламъ г. Л., никто изъ кредиторовъ не возбуждалъ иска *въ гражданскомъ порядкѣ* о признаніи *сохраннаго документа недѣйствительнымъ*, и 2) судьи придаютъ значеніе, что подпись съ боку сдѣлана *безъ означенія года, мѣсяца и числа*, хотя на этомъ документѣ имѣлась помѣтка синимъ карандашемъ «*2 мая 1894 г.*» и предъ подписью г. Л. сдѣлана надпись: «*принято 2 мая 1894 г.*».

Когда-же *тотъ самый судъ* сослался на *слѣдственный* документъ, весьма двусмысленнаго свойства, *на которомъ не оказалось года, мѣсяца и числа*, то *та-же апелляціонная инстанція* нашла, что **это** *значенія не имѣетъ!* Еще бы! слѣдственные документы не требуютъ обозначенія времени! Это—фактъ, который разсмотримъ въ слѣдующемъ вопросѣ.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ «условій современнаго правосудія»!..

5) Къ вопросу о свойствѣ несостоятельности.

Одинъ изъ судовъ представилъ въ апелляціонную инстанцію копію документа, крайне сомнительнаго свойства, причемъ засвидѣтельствовалъ, что подлинникъ *«за надлежащими подписями»*.

Приведемъ здѣсь: I) текстъ самаго документа, какъ онъ представленъ былъ судомъ; II) анализъ этого документа и сличеніе его съ дѣйствительно законнымъ, и III) опредѣленіе, коимъ апелляціонная инстанція выгородила судъ.

I.

ТЕКСТЪ ДОКУМЕНТА.

«Заключеніе экспертовъ по поводу осмотра книгъ г. Л. и К°
«(протоколъ осмотра 18 и 19 марта 1890 года).

«Изъ означеннаго протокола явствуетъ: въ конторѣ «г. Л. и К° не велись или не были предъявлены къ осмотру «слѣдующія книги, требуемыя статьей 606 XI Т. Уст. Торг., «изд. 1887 года.

«1) Не велось журнала или меморіала, такъ какъ бѣловыя «дневныя записки, представляющія изъ себя переписанныя «черновыя дневныя записки, не носятъ на себѣ характера жур«нала или меморіала и не могутъ быть признаны за таковой.

«2) Главныя книги за 1885, 1887 и 1888 гг. не были «предъявлены къ осмотру и объ утерѣ ихъ не было заявлено «кому слѣдуетъ въ законный срокъ. Главная-же книга за «1889 годъ ко времени осмотра книгъ (18 и 19 марта 1890 г.) «еще не составлялась.

«3) Книгъ копій со всѣхъ исходящихъ писемъ не было «предъявлено къ осмотру.

«4) Книги расчетныя (contocourant) не велись, за исклю«ченіемъ счета К., который былъ заведенъ въ послѣднее время «и чрезъ нѣкоторые промежутки времени обоюдно подписы«ваемъ.

«По заявленію довѣреннаго г. Л., въ конторѣ бывали «случаи обезпеченія векселей закладными, которыя (закладныя) «никуда не записывались. Въ данномъ случаѣ, расчетныя книги «могли бы имѣть значеніе.

«Такъ какъ требуемыя закономъ книги велись не всѣ, «а тѣ, которыя оказались на-лицо, велись не вполнѣ по уста«новленнымъ правиламъ и не съ надлежащею исправностью, «то книги г. Л. и К⁰, за упомянутый въ протоколѣ періодъ «времени, не могутъ имѣть существеннаго значенія при раз«рѣшеніи какихъ-либо спорныхъ вопросовъ.

«Подлинное: «за надлежащими подписями».
«Копія засвидѣтельствована.
«Съ подлиннымъ вѣрно: и. д. секретаря NN.
«Скрѣпилъ: помощникъ секретаря NN.

II.

АНАЛИЗЪ

вещественныхъ доказательствъ подложности копіи «заключенія экспертовъ», представленной «такимъ-то» Судомъ при рапортѣ отъ 22 Іюня . . . . г. (за № 2906*).

Обстоятельства дѣла. Судъ, обвиняя г. Л. въ злостномъ банкротствѣ, въ подтвержденіе своихъ мотивовъ, представилъ копію «заключенія экспертовъ» по поводу осмотра книгъ, въ 1890 году, въ бывшей конторѣ г. Л. и К⁰; при чемъ на копіи *не приведены были фамиліи лицъ*, подписавшихъ подлинникъ, а сдѣлано было только удостовѣреніе, что подлинное «*за надлежащими* подписями».

Защитникъ г. Л., осмотрѣвъ представленную копію, категорически заявилъ, что документъ подложный, и потому просилъ истребовать подлинникъ документа и все слѣдственное дѣло, въ которомъ должно было бы находиться упомянутое «заключеніе экспертовъ».

Суду предписано было представить слѣдственное производство. 16-го Ноября того-же . . . . года оно поступило въ аппеляціонную инстанцію. Къ немалому удивленію защитника г. Л. въ дѣлѣ оказалась бумага, озаглавленная: «заключеніе

*) Мы приводимъ этотъ документъ съ большими сокращеніями, такъ какъ многія детали не могутъ быть понятными, безъ подробнаго разсмотрѣнія *законнаю* протокола; а это удлинило бы весь анализъ, представляющій интересъ только для спеціалистовъ.

экспертовъ». Нижеприводимый анализъ этой бумаги приводитъ, однако, къ безусловному убѣжденію, что:

1) Какъ самый документъ, такъ и *появленіе его* въ слѣдственномъ дѣлѣ носятъ характеръ самаго беззаконнаго свойства.

2) Появленіе документа въ слѣдственномъ дѣлѣ 1890 г.— прямо *не правдоподобно*.

3) Судъ дѣлалъ ссылки на документъ, *сознавая его незаконность* и понимая, что онъ является *грубымъ лжесвидѣтельствомъ*; и

4) Удостовѣреніе, сдѣланное на копіи, будто бы «подлинное за надлежащими подписями» — составляетъ очевиднѣйшій *подлогъ*.

Анализъ документа раздѣленъ на три части:

А) Наружный осмотръ документа и слѣдственнаго производства;

Б) Сопоставленіе фактовъ; и

В) Логическіе выводы.

А) Наружный осмотръ.

1) «Заключеніе экспертовъ» — *безъ года, безъ мѣсяца и безъ числа*;

2) Нельзя опредѣлить *мѣста* составленія его;

3) На «заключеніи экспертовъ» *нѣтъ никакой помѣтки слѣдователя о времени полученія* имъ этого документа; *нѣтъ № входящаго журнала*;

4) *Всѣ протоколы*, относящіеся до книгъ, составлялись *рукою самаго слѣдователя*; «заключеніе же экспертовъ» написано какой-то посторонней рукой.

5) «Заключеніе экспертовъ» подписано двумя лицами, служившими въ одномъ изъ мѣстныхъ отдѣленій банковъ. *Подписи слѣдователя на документѣ не имѣется.*

6) Законный протоколъ осмотра книгъ кончается *139 стр.*, «заключеніе же экспертовъ» находится на отдѣльномъ листѣ на *стр. 146*.

7) Полулистъ, на которомъ написано «заключеніе», измятъ въ разныхъ направленіяхъ; ясно видны слѣды неправильныхъ складокъ, тогда какъ второй полулистъ — гладкій.

8) *Вшито «заключеніе»* между бумагами, поступившими къ слѣдователю: *21 и 23 Марта 1890 года*. Законный же протоколъ осмотра книгъ г. Л. былъ составленъ *19 Марта*.

9) *Нѣтъ Постановленія Слѣдователя объ истребованіи отъ экспертовъ особаго заключенія;* равно *нѣтъ постановленія ни о пріобщеніи къ дѣлу документа, ни о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ въ виду появленія «заключенія экспертовъ» о непригодности книгъ конторы г. Л. и К°.*

10) *Во всемъ дальнѣйшемъ* слѣдственномъ производствѣ *нѣтъ ни одного намека на «заключеніе экспертовъ».* На подобное заключеніе не ссылаются: ни самъ доносчикъ, ни Слѣдователь, ни Прокуроръ, ни судъ, ни Правительствующій Сенатъ, на разсмотрѣніе котораго восходила жалоба доносчика о прекращеніи дѣла.

11) Въ дѣлѣ Суда имѣется прошеніе довѣреннаго г. Л. о выдачѣ копій разныхъ протоколовъ съ точнымъ указаніемъ томовъ и страницъ слѣдственнаго дѣла.

Жена довѣреннаго г. Л. просила о выдачѣ ей копіи *отзыва* экспертовъ, въ которомъ приведено *мнѣніе ихъ* объ осмотрѣ книгъ; ей же, вмѣсто того, была выдана копія законнаго *протокола.*

Б) Сопоставленіе фактовъ.

Неправдоподобность своевременнаго составленія «заключенія экспертовъ» выясняется съ неопровержимой силой, сопоставляя факты на почвѣ существенныхъ формальностей, и на почвѣ логической связи всего слѣдственнаго производства.

1) Сопоставленіе фактовъ на почвѣ существенныхъ формальностей.

По чьей иниціативѣ, гдѣ и когда написана бумага подъ заглавіемъ «Заключеніе экспертовъ».

Начнемъ съ того,—*по чьей иниціативѣ* составлено «заключеніе экспертовъ»?

16-го Марта 1890 г. состоялось постановленіе слѣдователя о назначеніи осмотра книгъ конторы г. Л. и К°, на 18 Марта въ присутствіи экспертовъ. Это и исполнено было 18 и 19 Марта 1890 года; при чемъ, составленъ былъ совершенно законный протоколъ, въ которомъ включены: вопросы экспертовъ, отвѣты, данные конторой, замѣчанія экспертовъ о малѣйшихъ упущеніяхъ формальностей, сличеніе записей въ разныхъ книгахъ, и даже заключенія ихъ о своевременности веденія какъ бѣловыхъ, такъ и черновыхъ книгъ.

Всякому понятно, что дѣло экспертовъ—констатировать извѣстные факты. Въ разсматриваемомъ слѣдственномъ производствѣ имъ предстояло: осмотрѣть книги, которыя вела контора г. Л. и К°, наименовать ихъ, опредѣлить своевременность

веденія ихъ, указать неправильности, если таковыя были, отмѣтить какихъ книгъ контора не вела и пр. и пр.

Всѣ эти функціи экспертами были исполнены, и всѣ ихъ замѣчанія были занесены въ протоколъ *въ присутствіи г. Л. и его довѣреннаго.* Такимъ образомъ, *роль экспертовъ была вполнѣ закончена.* Какимъ же образомъ впослѣдствіи могло появиться еще особое *секретное «заключеніе экспертовъ»*? Въ виду какихъ соображеній эксперты, *послѣ подписанія самаго обстоятельнаго протокола*, занялись составленіемъ еще особаго заключенія, и при томъ, безъ присутствія заинтересованныхъ лицъ?

На поставленный вопросъ могутъ быть два отвѣта: или *слѣдователь затребовалъ* заключенія экспертовъ *объ ихъ же протоколѣ* осмотра книгъ, или же эксперты *по собственной иниціативѣ* возъимѣли желаніе высказать *свое мнѣніе* помимо того, которое было высказано въ законномъ протоколѣ.

Разсмотримъ *первое* положеніе, т. е. что слѣдователю потребовалось особо еще заключеніе по осмотру книгъ.

Дѣлая такое предположеніе, невольно навертывается рядъ вопросовъ:

а) *Зачѣмъ* слѣдователю могло понадобиться *особое заключеніе* экспертовъ *на высказанное уже ими же заключеніе* и занесенное въ протоколъ? Вѣдь *сужденіе* о томъ, *что* изъ протокола *явствуетъ*, на сколько при извѣстномъ, *установленномъ экспертами, порядкѣ веденія книгъ,*—онѣ *заслуживали довѣрія?*—это *сужденіе* принадлежитъ *Суду*.

б) Если слѣдователь *не понималъ*, что дѣло суда вывести заключеніе, *что* изъ протокола экспертовъ *явствуетъ*, и онъ опасался, какъ бы судъ *не увидѣлъ чего либо инаго*, а не то, *что дѣйствительно* изъ экспертизы *явствуетъ*, то, конечно, по недомыслію, могъ потребовать *экспертизы на экспертизу*. Но, если слѣдователь счелъ это необходимымъ, то долженъ былъ составить о томъ *постановленіе;*—между тѣмъ таковаго *не оказывается*.

в) Если слѣдователь додумался *немедленно за подписаніемъ* протокола объ осмотрѣ книгъ, что не лишне будетъ потребовать отъ экспертовъ еще особаго заключенія на ихъ же экспертизу, то становится необъяснимымъ, почему *особое заключеніе* написано *на отдѣльномъ листѣ*, тогда какъ въ протоколѣ оставалось еще *три страницы совсѣмъ чистой бумаги*, и почему особое заключеніе составлено было *тайно отъ вла-*

дѣльца книгъ г. Л., который присутствовалъ при осмотрѣ его же книгъ?

г) Допуская даже, что слѣдователь упустилъ всякія формальности и счелъ излишнимъ составить постановленіе объ истребованіи особой экспертизы на экспертизу и о скрытіи этой новой экспертизы отъ заинтересованнаго человѣка, владѣльца книгъ,—является вопросъ, почему *самъ слѣдователь не подписалъ новой экспертизы*, если она составлена *по его требованію?* а равно, возникаетъ вопросъ, почему *законный* протоколъ экспертизы и *новая секретная* экспертиза оказались въ слѣдственномъ дѣлѣ *не въ послѣдовательномъ порядкѣ*, а *въ разныхъ мѣстахъ?* Законный протоколъ кончается *на стр. 139*, а новое заключеніе оказалось подшитымъ *на стр. 146*. При чемъ, *законный* протоколъ составленъ *19 марта*, а *особое* заключеніе подшито между бумагами *отъ 23 марта*. Почему эти экспертизы оказались такъ *разобщенными*, если *вторая* экспертиза была *продолженіемъ первой?*

д) Если особое заключеніе составлено было *по требованію слѣдователя*, то несомнѣнно эксперты давали бы заключеніе о своей *первоначальной экспертизѣ*, **имѣя ее предъ глазами**, и слѣдовательно, *вторая, особая экспертиза не могла бы противорѣчить первой* въ самыхъ существенныхъ частяхъ; между тѣмъ, оказывается (какъ увидимъ ниже), что между обѣими экспертизами *нѣтъ ничего общаго*; *одна другую исключаетъ*.

Разсмотримъ теперь *другое предположеніе*, т. е. что бывшіе эксперты *по своей собственной иниціативѣ* составили заключеніе на первую, законную экспертизу и доставили ее слѣдователю?

Являются вопросы: зачѣмъ могло понадобиться экспертамъ такое неумѣстное усердіе? Почему они написали въ своемъ новомъ заключеніи, что оно *«явствуетъ» изъ протокола*, тогда какъ у нихъ *не было таковаго въ рукахъ?* (вѣдь протоколъ находился у слѣдователя). Зачѣмъ, наконецъ, имъ понадобилось сознательно говорить неправду, и утверждать, что *изъ протокола явствуетъ то, что въ протоколѣ вовсе не было?* Если бывшіе эксперты, составивъ свое новое заключеніе, доставили его лично или по почтѣ слѣдователю, то почему же онъ, слѣдователь, не сдѣлалъ помѣтки *о времени полученія бумаги*, и не проставилъ на ней *№ входящаго журнала?*

Разсмотримъ еще *гдѣ* и *когда* могло быть составлено *особое заключенiе* бывшихъ экспертовъ?

Оно могло быть составлено или въ той же *конторѣ г. Л.*, гдѣ происходилъ осмотръ книгъ, или *въ камерѣ слѣдователя*, или наконецъ *гдѣ нибудь на сторонѣ*.

Въ конторѣ г. Л. особое заключенiе составлено не было, ибо если бы оно составлено было въ конторѣ, то было бы извѣстно г. Л., и разумѣется, г. Л. не преминулъ бы привлечь бывшихъ экспертовъ за лжесвидѣтельство во второй экспертизѣ.

Оно не было составлено и въ камерѣ слѣдователя, ибо въ такомъ случаѣ слѣдователь *самъ обязанъ былъ бы составить протоколъ*, съ обозначенiемъ, конечно, *времени составленiя его*; или по крайней мѣрѣ, слѣдователь скрѣпилъ бы бумагу, составленную въ его камерѣ.

Остается, слѣдовательно, сдѣлать выводъ, что бывшiе эксперты *гдѣ-то на сторонѣ* собрались и составили свое заключенiе о томъ, *что изъ законнаго протокола явствуетъ*.

Престранный порядокъ составленiя слѣдственныхъ документовъ! Очевидно, экспертизы могутъ быть фабрикуемы въ ресторанахъ, портерныхъ, а можетъ быть въ квартирѣ доносчика подъ его же диктовку!...

Когда же могло быть составлено это новое заключенiе? Судя по тому, что бумага, озаглавленная: «заключенiе экспертовъ», оказалась подшитой къ дѣлу *на стр. 146*, а на слѣдующей бумагѣ, *страница 147*, находится помѣтка слѣдователя: «*23 марта*», можно утвердительно сказать, что, *если* «заключенiе экспертовъ» *не вшито впослѣдствiи преступнымъ образомъ*, то оно было доставлено слѣдователю *не позже «23 марта»*, т. е. не болѣе, какъ *чрезъ четыре дня* послѣ произведеннаго законнымъ образомъ осмотра книгъ конторы г. Л. и К°. Возможно же ли допустить, чтобы особое «заключенiе экспертовъ» было составлено въ такой краткiй промежутокъ времени?—сейчасъ увидимъ изъ послѣдующаго разсмотрѣнiя обстоятельствъ дѣла.

2) Сопоставленiе фактовъ на почвѣ противорѣчiй.

Мы видѣли, что «заключенiе экспертовъ» якобы основано на *протоколѣ осмотра книгъ*; иными словами, *всѣ заключенiя* должны были *вытекать изъ протокола*; онѣ должны «явствовать» изъ него, ибо первая фраза «заключенiя» гласитъ:

Противорѣчiе законнымъ п[...] ломъ осмотра и двусмысл[...] заключенiемъ [...]товъ.

«*Изъ означеннаго протокола явствуетъ*»......

Посмотримъ, на сколько дѣйствительно заключеніе «явствуетъ» изъ протокола?

Не будемъ вовсе касаться мелкихъ передержекъ и крайне несоотвѣтственной редакціи; остановимся только на тѣхъ мѣстахъ, которыя *вовсе уже изъ протокола не явствуютъ* или *категорически ему противорѣчатъ*. При этомъ обратимъ вниманіе, что «заключеніе» подшито между бумагами, помѣченными 21 и 23 Марта; значитъ, надо считать, что оно составлено и поступило къ слѣдователю *не позже 23 Марта*, т. е. не позже, *какъ черезъ четыре дня послѣ составленія протокола*, когда впечатлѣнія осмотра не могли окончательно исчезнуть. Между тѣмъ, сопоставляя законный протоколъ съ «заключеніемъ», мы замѣчаемъ, что выше поименованные чиновники «*въ заключеніи*» привели одинъ фактъ весьма серьезнаго свойства, *идущій въ разрѣзъ съ протоколомъ* и со всѣмъ тѣмъ, что происходило при осмотрѣ.

Употребивши нѣсколько часовъ времени на осмотръ груды контокурентныхъ счетовъ, разныхъ наименованій въ громадныхъ книгахъ, за всѣ года, *бывшіе эксперты выразились въ заключеніи*, что Конторой «*книги расчетныя* (*contocourant*) **не велись** за исключеніемъ счета г. К.»

Такимъ образомъ, поименованные чиновники *отрицали существованіе массы* **осмотрѣнныхъ ими же книгъ** *четыре дня тому назадъ*, и признали существованіе *единственнаго* счета г. К., котораго они *въ глаза не видали*.

Замѣтимъ при томъ, что они сами же удостовѣрили, что текущіе (*contocourant*'ные) счета, конечно изъ опасенія ошибокъ, ведены были и *по кассѣ*, и *по бухгалтеріи!* Очевидно «заключеніе» экспертовъ составлено *много времени спустя*, когда впечатлѣніе осмотра книгъ совершенно исчезло. Очевидно также, «заключеніе» было составлено *не на основаніи протокола осмотра*, а по предвзятой программѣ, и при томъ, составлено было такимъ офиціальнымъ лицомъ, которому эксперты вполнѣ довѣряли, почему и подписали заготовленное «заключеніе», *не справляясь съ протоколомъ*.

Позднѣйшее составленіе «заключенія экспертовъ» и является объясненіемъ, почему оно появилось *внѣ всякаго опредѣленнаго времени* и почему на документѣ *нѣтъ помѣтокъ слѣдователя ни о времени полученія бумаги, ни № входящаго журнала, ни его подписи* ...

Несвоевременность составленія заключенія обнаруживается

еще рельефнѣе, если сопоставить конецъ 4-го пункта «заключенія» съ «Протоколомъ», относительно какихъ-то «*обоюдныхъ*» подписей, т. е. должника г. К. и владѣльца конторы.

Такихъ *обоюдныхъ* подписей *никогда не было*; это *выдумка, на которую нѣтъ даже намека въ законномъ протоколѣ.*

Есть еще одно обстоятельство, хотя и менѣе значительное, но указывающее, что сочинитель «заключенія» подгонялъ его подъ какое то обвиненіе. Такъ, въ «заключеніи» говорится, что объ утерѣ трехъ книгъ конторой «не было заявлено *кому слѣдуетъ въ законный срокъ.*»

Въ этой, какъ бы ничего не значущей, фразѣ скрывается громадный смыслъ. О томъ, *когда* утеряны были книги, а равно *было ли сдѣлано* кому слѣдуетъ заявленіе объ утерѣ ихъ—*во время осмотра книгъ не было и рѣчи.* Обстоятельство это не подымалось *и въ законный протоколъ не занесено.* Да, и какъ могли бы эксперты спрашивать о томъ, было ли заявленіе объ утерѣ книгъ, когда контора предполагала и заявила экспертамъ, что онѣ оставлены въ Судѣ, и надѣялась ихъ найти. Слѣдовательно, сочинитель «заключенія» опять таки руководствовался *не протоколомъ, изъ котораго это вовсе не явствовало*, а другими какими то соображеніями....

Отсутствіе о[...] ческой связи [...] ченія эксперт[...] всѣмъ слѣдстве[...] производствомъ[...]

Продолжая сопоставленіе фактовъ, выясняется отсутствіе всякой органической связи «заключенія экспертовъ» со всѣмъ слѣдственнымъ производствомъ.

Осмотръ дѣла свидѣтельствуетъ, что «заключеніе экспертовъ» появилось *помимо воли слѣдователя* и *внѣ его камеры.* Тѣмъ не менѣе, если допустить мысль, что оно было составлено вслѣдъ за осмотромъ книгъ, то, значитъ, эксперты составили его не позднѣе 23 марта 1890 г. и доставили слѣдователю, или лично, или по почтѣ. Получивши такой документъ, который, въ дѣлѣ по обвиненію въ мошенничествѣ, являлся по наружному виду весьма существеннымъ матеріаломъ, — Слѣдователь несомнѣнно отнесся бы къ нему внимательно. Онъ помѣтилъ бы время полученія такого документа, снабдилъ бы его № входящаго журнала, своею подписью удостовѣрилъ бы, что пріобщаетъ къ дѣлу *именно этотъ документъ*, и составилъ бы постановленіе,—встрѣчается ли надобность въ составленіи выборокъ счетовъ Конторы съ доносчикомъ по книгамъ, которыя «не могутъ имѣть существеннаго значенія при разрѣшеніи какихъ либо спорныхъ вопросовъ»?—Надо думать, что помимо слѣдователя, прежде всего и самъ доносчикъ вос-

пользовался бы такимъ заключеніемъ. Прокуроръ и Судъ тоже обратили бы вниманіе на заключеніе, свидѣтельствующее, что книгамъ г. Л. нельзя довѣрять. Между тѣмъ, все слѣдственное дѣло свидѣтельствуетъ, что какъ самъ доносчикъ, такъ и Судъ настаивали *на вторичной провѣркѣ по книгамъ г. Л. расчетовъ съ доносчикомъ*. И какое при этомъ замѣчается поразительное явленіе! — Доносчикъ въ цѣломъ рядѣ прошеній старается доказать, что книги не могутъ имѣть юридическаго значенія, что онѣ фальшивыя, подложныя и пр. и пр. Онъ выбивается изъ силъ, подбирая всякіе краснорѣчивые доводы, чтобы опорочить книги г. Л.,—и ни разу не ссылается на «заключенія экспертовъ», которое избавляло бы его отъ всѣхъ напрасныхъ усилій.

Дѣйствія Прокурора обличаютъ пріобщеніе къ дѣлу «заключенія экспертовъ» въ позднѣйшее время.

Этотъ логическій выводъ является и изъ сопоставленія «заключенія» съ дѣйствіями прокурора.

Отношеніе прокурора къ дѣлу свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ предубѣжденіи его противъ г. Л. и его довѣреннаго. Такъ, не смотря на то, что доносчикъ своими собственными книгами не думалъ даже подтвердить своихъ расчетовъ съ конторой г. Л.; что ни его довѣренный, ни онъ самъ не были привлечены къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ,—прокуроръ далъ предложеніе слѣдователю осмотрѣть книги конторы г. Л. и К°. Значитъ, въ немъ существовало предубѣжденіе въ извѣстной преступности или г. Л., или его довѣреннаго; и значитъ, результатамъ осмотра книгъ прокуроръ придавалъ весьма серьезное значеніе. Какимъ же образомъ этотъ же прокуроръ не придалъ бы никакого значенія «заключенію экспертовъ», если бы таковое было дѣйствительно дано въ томъ видѣ, какъ оно впослѣдствіи появилось? Между тѣмъ мы видимъ, что прокуроръ, именно послѣ экспертизы книгъ, сразу перемѣнилъ свои отношенія къ дѣлу и настаивалъ на его прекращеніи, а Судъ настаивалъ на новомъ еще осмотрѣ книгъ въ присутствіи самого доносчика и *на непремѣнномъ выведеніи расчета съ нимъ по книгамъ г. Л. и К°*. Да, вѣдь, книги въ конецъ опорочены экспертами, онѣ признаны не имѣющими значенія; *какой же смыслъ по нимъ сводить разсчеты?*

Итакъ, *отсутствіе логической*, *органической связи* пресловутаго «заключенія» со всѣмъ слѣдственнымъ дѣломъ—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И потому мы въ полномъ правѣ утверждать, что такого заключенія не было въ слѣдственномъ дѣлѣ во время всего производства его.

3) Сопоставленіе разсматриваемаго документа съ последующими дѣйствіями суда.

Послѣдующія д ствія Суда укр ляютъ убѣжденіе, документъ подш къ дѣлу много поз

Если бы заключеніе экспертовъ существовало въ 1890 году, то Судъ не могъ бы оставить его безъ вниманія. Онъ *не могъ бы не привлечь къ отвѣтвенности* всякую контору— особенно же банкирскую *за такое веденіе книгъ*, которое *лишаетъ ихъ всякаго существеннаго значенія*. Судъ, какъ видно изъ дѣла, не особенно мирволилъ къ г. Л., но къ отвѣтственности его *не привлекъ; дѣло же по доносу*—вынужденъ былъ *прекратить*.

Вплоть до несостоятельности г. Л. никто не подозрѣвалъ, что какіе-то чиновники отдѣлелія банка, приглашенные для присутствованія въ качествѣ экспертовъ, при осмотрѣ книгъ, въ законной обстановкѣ,—присвоили себѣ право давать еще какія то *келейныя заключенія* и подписывать таковыя въ качествѣ экспертовъ же.

Только изъ журнала Суда по поводу освобожденія г. Л. изъ подъ стражи, заинтересованныя лица *впервые* услыхали о какомъ то «заключеніи экспертовъ».

Такъ какъ ссылка Суда на это двусмысленное заключеніе сдѣлана была по дѣлу г. Л., то немедленно же, его защитникъ,—просилъ Судъ допустить его къ осмотру слѣдственнаго дѣла по доносу 1890 г., въ коемъ якобы находится документъ, послужившій Суду основаніемъ къ тяжкому подозрѣнію г. Л. Довѣренный настаивалъ на осмотрѣ дѣла, чтобы ознакомиться съ «заключеніемъ», о существованіи котораго никто прежде ничего не зналъ.

По странной случайности, дѣло нѣсколько разъ было осмотрѣно, и *никакого «заключенія» тамъ не находилось*.

И когда впослѣдствіи отъ Суда категорически потребована была копія отзыва экспертовъ, въ которомъ они высказали «*свое мнѣніе* о книгахъ бывшей конторы г. Л.» (Это—подлинное выраженіе прошенія; не понимать его невозможно), то Судъ чуть ли не въ третій разъ выдалъ копію *все того же законнаго протокола*. Такъ заинтересованныя лица и не могли добиться *какого-то мнѣнія экспертовъ!*....

В) Логическіе выводы.

Сопоставленіе всѣхъ приведенныхъ фактовъ приводитъ къ убѣжденію, что бумага, озаглавленная «заключеніе экспертовъ», составлена была заднимъ числомъ и вшита въ дѣло предъ са-

мымъ представленіемъ его, по требованію аппеляціонной инстанціи, вслѣдствіе настоянія защитника г. Л.

Допустимъ даже, наперекоръ приведеннымъ фактамъ, логикѣ и здравому смыслу, что бывшіе эксперты въ Мартѣ же 1890 г. составили свое заключеніе и доставили его слѣдователю, а сей послѣдній, равно и всѣ высшія власти, даже и самъ доносчикъ, не придавали «этому заключенію» никакого значенія, *какъ явно противорѣчащему законно составленному протоколу осмотра и прямо несообразному*. Рождается вопросъ,—имѣлъ ли право Судъ представить копію такой бумаги, подъ видомъ копіи *законнаго слѣдственнаго протокола* и *засвидѣтельствовать*, что «подлинное *за надлежащими подписями*»?

Документъ—безъ года, мѣсяца и числа, полученіе котораго слѣдователь и не удостовѣрилъ своею подписью, а всѣ власти не придавали ему значенія, какъ несообразному—*не можетъ быть признанъ законнымъ слѣдственнымъ протоколомъ*, и слѣдовательно, внѣ всякаго сомнѣнія, Судъ *не имѣлъ права ссылаться на документъ самаго противозаконнаго свойства и тѣмъ болѣе, не имѣлъ права представлять его*, какъ доказательства злостности г. Л.

Что же касается удостовѣренія, приведеннаго на копіи, что «*подлинное за надлежащими подписями*», то это—прямо, вещественный подлогъ, ибо на подлинникѣ, озаглавленномъ «заключеніе экспертовъ», *нѣтъ именно ни одной «надлежащей» подписи*.

Ни тотъ, ни другой чиновникъ, подписавшій бумагу, *не состоитъ присяжнымъ экспертомъ*; оба они ни болѣе, ни менѣе, какъ чиновники отдѣленія банка, и экспертами являлись только *во время осмотра книгъ*, когда были для того приглашены, и конечно, *въ присутствіи законной судебной власти*.

Со времени подписанія протокола,—функціи экспертовъ были окончены и *съ этого момента они перестали быть экспертами*, которые имѣли бы право *гдѣ-то на сторонѣ*, быть можетъ, въ ресторанѣ или трактирѣ, за рюмкой водки или за стаканомъ пива, излагать свои заключенія въ качествѣ экспертовъ; а можетъ быть даже, писать подъ диктовку самого доносчика.

Итакъ на бумагѣ, озаглавленной «заключеніе *экспертовъ*», подписи двухъ чиновниковъ *являются прямо незаконными*, а слѣдовательно и «*не надлежащими*».

Но, что еще хуже,—это отсутствіе подписи самого слѣдователя и владѣльца книгъ или понятыхъ. Если бы въ дѣлѣ имѣлось даже постановленіе слѣдователя о приглашеніи означенныхъ лицъ въ качествѣ экспертовъ дать заключеніе, что по ихъ мнѣнію «явствуетъ» изъ протокола, то и тогда ихъ подписи являлись бы законными, т. е. «надлежащими», только въ томъ случаѣ, если бы, рядомъ съ ихъ подписями стояли подписи: *законнаго представителя судебной власти* и владѣльца книгъ или понятыхъ. Итакъ на подлинникѣ нѣтъ *ни одной надлежащей подписи,* а слѣдовательно, какому то поддѣльному документу Судъ своимъ удостовѣреніемъ придавалъ значеніе законнаго слѣдственнаго протокола и такимъ-то документомъ судъ подкрѣплялъ обвиненіе людей, въ одномъ изъ тягчайшихъ и позорнѣйшихъ преступленій.... Такимъ то документомъ Судъ счелъ себя въ правѣ пользоваться для гибели и безчестія намѣченныхъ жертвъ....

III.

МНѢНІЕ

аппеляціонной инстанціи о «заключеніи экспертовъ»:

«Сличеніе подлиннаго заключенія экспертовъ съ представ- «ленною судомъ копіею сего заключенія, показываетъ, что копія «эта вполнѣ вѣрна съ подлинникомъ, находящимся въ производ- «ствѣ судебнаго слѣдователя (т. III дѣло суд. слѣдователя стр. 146), «довѣренный г. Л. вѣритъ нынѣ и не отрицаетъ того, что находя- «щійся въ дѣлѣ подлинникъ подписанъ дѣйствительно «такими-то» «чиновниками; но старается доказать, что эксперты не могли «дать сего заключенія 18—19 марта 1890 г., а что это заключе- «ніе попало въ дѣло судебнаго слѣдователя впослѣдствіи. Доводы «свои по сему предмету довѣренный г. Л. основываетъ на томъ, «что въ заключеніи экспертовъ ни въ началѣ, ни въ концѣ не «означено времени, т. е. мѣсяца, числа и года, что заключеніе не «подписано судебнымъ слѣдователемъ, что заключеніе это дано «экспертами не въ присутствіи г. Л., а равно и довѣреннаго; что «на заключеніе это не ссылались во время производства дѣла ни «жалобщикъ, ни прокурорскій надзоръ, ни судъ и т. д. Но всѣ эти «доводы довѣреннаго г. Л. *лишены основанія:* заключеніе это дано «*по поводу осмотра книгъ* г. Л. 18 и 19 марта 1890 г., о чемъ и

«постановилъ судебный слѣдователь въ присутствіи г. Л. и его «довѣреннаго *протоколъ*, но каковой приложилъ на томъ листѣ «бумаги, на которомъ написано мнѣніе экспертовъ, прямо сдѣ«лана ссылка, вслѣдствіе чего **указаніе мѣсяца, числа и года** «*не вызывалось необходимостью*, заключеніе это *не подписано «судебнымъ слѣдователемъ* потому, что заключеніе это дано «*отъ лица экспертовъ*, какъ свѣдующихъ людей, *безъ участія «въ таковомъ судебнаго слѣдователя;* въ виду чего и *подписи «сего послѣдняго на заключеніи не требовалось;* по этой же при«чинѣ не было надобности и въ присутствіи г. Л. и его до«вѣреннаго при составленіи этого мнѣнія, *предназначавшагося «для суда*, а потому *подписи г. Л. и его довѣреннаго быть не «могло*. Если же они были допущены къ подписи протокола «экспертовъ, то это потому, что этимъ счетомъ устонавлива«лась фактическая сторона дѣла; осмотръ конторскихъ книгъ, «правильность котораго и была удостовѣрена подписями г. Л. «и его довѣреннаго, *не сдѣлавшихъ при этомъ никакихъ замѣ«чаній* (но вѣдь въ законномъ протоколѣ фактическая сторона «изложна вѣрно); но, очевидно, они *не могли быть допущены «къ подписи заключенія экспертовъ* по поводу этого осмотра, «ибо оно составляло лишь мнѣніе сихъ лицъ, въ коемъ г. Л. «и его довѣренный участія принимать не были въ правѣ. То «обстоятельство, что на это заключеніе не сослался ни жа«лобщикъ, ни Прокурорскій надзоръ, ни Судъ, *само по себѣ, «очевидно, не доказываетъ неправильности составленія сего «заключенія*, какъ равно и то обстоятельство, что о немъ ни «г. Л., ни его довѣренному не было извѣстно и они таковаго «не видѣли въ производствѣ до представленія Судомъ произ«водства о свойствѣ несостоятельности г. Л. потому, что, по«мимо голословности такого объясненія, это заключеніе экспер«товъ *могло храниться въ Судѣ отдѣльно въ числѣ особо«важныхъ бумагъ, а не въ дѣлѣ*. (Вотъ какъ!) Изъ изло«женнаго явствуетъ, что обвиненіе защитника г. Л.— Суда въ «представленіи подложной копіи съ заключенія экспертовъ «*представляется неправильнымъ и, какъ таковое, не заслу«живаетъ уваженія*.

И такъ, по современному пониманію законовъ нѣкоторыми судьями, въ слѣдственныя дѣла могутъ попадать *слѣдственные протоколы, безъ подписи и безъ помѣтки слѣдователя, безъ постановленія его, безъ обозначенія времени составленія, и даже дозволяется хранить подобные протоко-*

лы слѣдстваннаго производства гдѣ-то отдѣльно въ Судѣ, въ числѣ какихъ-то особо важныхъ бумагъ!.....

По этому пониманію законовъ, *дозволяется* лицамъ, бывшимъ когда нибудь экспертами *всегда*, когда имъ вздумается, *давать свои заключенія на первую экспертизу*, и при томъ, *писать діаметрально противуположное мнѣніе*...

Изъ указовъ Петра Великаго мы видимъ, что судьи требовали иногда Указовъ на Указы, «дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу удить», а теперь мы видимъ, что дозволяются экспертизы на экспертизу, при чемъ *вторыми*, *секретными* экспертизами опрокидываются *первыя гласныя* и изъ бѣлаго дѣлается черное!

И при такихъ-то «условіяхъ современнаго правосудія» исконное право народа — искать защиты своего Верховнаго Судьи, — по мнѣнію юристовъ, должно отойти «въ область историческаго преданья»!..... Такъ ли это? Позволительно надѣяться, что до этого не скоро еще дѣло дойдетъ, ибо въ самодержавномъ Государствѣ—порядки должны быть свойственные самодержавію! И надъ судебнымъ вѣдомствомъ, какъ и надъ всякимъ другимъ, контроль возможенъ только Самодержавнаго Государя.

DATE DUE			

